

Светлана Тольшанская

В ДОМЕ ОХОТНИКА

Когда-то Стражи защищали людей от демонов, но Война за веру перевернула все с ног на голову. Друзья оказались врагами, охотники сами стали добычей. Герда Мрия, дочка простого лесника, всегда мечтала о волшебстве. Ее желание сбылось – редкий магический дар открыл ей путь в мир демонов и Стражей. Теперь ей предстоит трудная учеба у строгого учителя. Выдержит ли Герда? А горше всего, что тот, ради кого она проделала весь этот путь, оказался совсем не принцем из грез. Но, может, еще рано разочаровываться: стоит поверить в чудо, и растопить можно даже закованное в лед сердце севера.

Глава 17. Встреча

1576 г. от заселения Мидгарда, Унсала, Латия

Герда снова видела тот сон. Ночь. Заснеженное плато. Черный всадник на горизонте. Медленно приближается. Из-под копыт летят комья снега. Ветер развеивает плащ. На темную конскую гриву садятся белые мухи. Уже совсем рядом вороной жеребец плавно останавливается. Всадник легко спрыгивает на землю и опускается на колени. Она почему-то видит это сверху сквозь плотно закрытые глаза. Всадник склоняется над ней. Она чувствует на лице его теплое дыхание. Поцелуй обжигает губы.

— Шквал! — на этот раз кот ее не проведет! Герда махнула перед собой рукой, чтобы согнать его, но вместо этого зацепила капюшон всадника и откинула с лица.

— Николас? — вырвалось против воли, хотя в неярком свете звезд внешность незнакомца разобрать было невозможно. Герда знала, что это Охотник, или просто очень этого хотела.

— Ты обозналась, — мужчина резко отпрянул, пряча взгляд.

Это только усилило подозрения. Несколько мгновений Герда во все глаза таращилась на незнакомца, пока он снова не повернулся и помог сесть. Она тут же поймала его подбородок рукой и заставила посмотреть в лицо. Герда столько раз представляла, как изменятся его черты со временем, что не могла ошибиться. Но почему он ведет себя так, словно они незнакомы? Это из-за волос, точно! Он ведь видел ее с красивыми густыми косами, а не с этим жалким обкорнанным убожеством. Надо ему напомнить.

— Николас, ты не узнаешь меня? Это же я, Герда Мрия из Дрисвят. Ты спас меня от Ужиного короля. Вот, — Герда достала из кармана осколки вересковой броши. Выглядели они жалко, но он просто обязан был вспомнить. Иначе она и помыслить не могла.

Мужчина удивленно сузил глаза, внимательно пробежался взглядом по лицу Герды и тяжело вздохнул:

— Мое имя Николя дю Комрой, а тот, о ком ты говоришь, давно умер.

Он пристально смотрел на нее. Герда, как рыба, открывала и закрывала рот, не находя, что сказать.

— Выпей, станет легче, — Николя достал из-за пояса флягу и открутил крышку. В нос ударил сильный хмельной запах. Герда поморщилась и попыталась отвернуться, но Николя насильно влил в рот мерзкий напиток.

— Гадость, — она попыталась все выплюнуть, но мужчина не позволил.

— Пей, тебя всю колотит и голос странный.

Только теперь, когда схлынули эмоции, Герда ощутила озноб и ломоту во всем теле. Она всегда чувствовала себя разбитой после обмороков, но сейчас было горше во стократ. К тому же сильно саднило горло, как будто его изнутри располосовали когтями.

— Похоже, я сорвала его, когда кричала.

— Глупо кричать на таком морозе, — сказал он холодно, отчужденно. От его тона сердце сжималось почти также болезненно, как от того, что он ее не узнал.

— На нас напали ненниры. Я должна была предупредить товарищей.

— Товарищей? — насторожился Николя. — Ты была не одна?

— Я была с Финистом и его учениками, — Герда оглядывалась по сторонам, надеясь их

увидеть.

— Финист? Что-то знакомое, — он хлопнул себя по лбу. — Ну конечно, это тот самый непутевый учитель из Компании, чью группу я должен инспектировать. Ты путешествовала с ними?

Герда кивнула, вспоминая, что видела его имя в письме Финиста. От мысли, что эти двое должны будут встретиться, стало сильно не по себе.

— Этот идиот разбил лагерь посреди тропы ненниров? Разве он не почувствовал, какая здесь аура? — ворчливо поинтересовался Николая. — Неудивительно, что он так задержался в пути. Странно, что вы вообще смогли сюда добраться.

Хотя в его словах была доля истины, сделалось очень неприятно.

— Он не хотел, чтобы мы здесь останавливались. Это мы его уговорили, потому что слишком устали, чтобы идти дальше.

— Он ваш предводитель и несет ответственность за все, что с вами происходит. Если он чувствовал опасность, то не должен был потакать слабостям, подвергая ваши жизни риску, — Николая начал горячиться. — Да ты же сама чудом не погибла. Взгляни, здесь повсюду следы ненниров.

Герда пригляделась к вытопанному снегу и похолодела: на месте, где она лежала, остался большой отпечаток вытянутого по ее росту овального панциря, а всюду вокруг следы копыт.

— Они специально меня обходили?

Николя пожал плечами. Герда задумалась. Должно быть, кот снова спас ее своими чарами.

— Шквал! — позвала она.

— Кто такой Шквал? — подозрительно спросил Николая.

— Мой кот, но ты не сможешь его увидеть, — отмахнулась она. Николая недоуменно нахмурился.

— Шквал!

На ее голос ответил совсем не тот, кого она звала. Послышалось громкое ржание.

— Снова ненниры? — испуганно спросила Герда.

— Не думаю, — уверенно ответил Николая, вглядываясь в ночную тьму. Из-за перелеска выскочила одинокая лошадь без всадника и понеслась к ним.

— Яшка? — пришла неожиданная догадка. Услышав голос хозяйки, кобыла еще раз заржала и поскакала быстрее. Остановившись возле Герды, счастливо ткнулась носом ей в руку.

— Твоя? — спросил Николая. Герда кивнула, сил говорить почти не осталось. Да и кот, по всей видимости, выходить не собирался. Она вспомнила их последний разговор. Шквал ушел. Навсегда. На душе стало совсем тоскливо.

— Сможешь на ней без седла и уздечки ехать? — отвлек ее от мрачных мыслей Николая.

Герда снова кивнула. Он посадил ее на кобылу, а сам ловко запрыгнул в седло своего жеребца, который уже плотоядно зыркал на Яшку и со свистом втягивал холодный воздух, налитанный ее запахом.

— Ты еще тут истерику закатай! — осадил его Николая. После недолгой борьбы жеребец сдался и послушно затрусил вперед, лишь изредка косясь на шагавшую следом кобылу.

Николя обернулся к Герде проверить, как она держится:

— Попробуем найти твоих горе-товарищей.

Она слабо кивнула, всем телом прижимаясь к лошади, чтобы хоть чуть-чуть согреться. Даже думать стало тяжело.

Время шло мучительно долго. Из-за снега лошадям приходилось высоко поднимать ноги, и Герду нещадно трясло. Голова кружилась, перед глазами все плыло. Она держалась исключительно на силе воли и чувствовала, что скоро упадет.

— Потерпи, — подбодрил ее Николая. — За теми деревьями виден ответ от костра. Должно быть, это твои товарищи.

Герда тряхнула головой и стиснула зубы. Надо терпеть. Бесконечная дорога, колыхания конской спины, какими же тяжелыми стали веки! Герда и сама не заметила, как они смежились. Яшка резко остановилась. Словно сквозь стену, Герда услышала голос Ждана:

— Кто здесь? Предупреждаем, мы вооружены и очень опасны!

— Что-то я не вижу у вас оружия, — скептически заметил Николая.

— Нам не нужно оружие. Мы колдуны, страшные колдуны. Лучше держитесь от нас подальше! — Ждан сделал еще одну слабую попытку запугать незваных гостей.

— Герда! — закричал Вожык, единственный, кто смог узнать ее в темноте.

Она почувствовала, как последние силы покинули ее, соскользнула с конской спины и полетела вниз. Вместо удара о холодный снег ощущалось нечто странное: словно тело завернули в колючее шерстяное одеяло, в кожу вонзились сотни тончайших иголок, от ног к рукам и голове пробежала обжигающая волна. Неожиданно полегчало. Слабость не ушла, но хотя бы голова перестала гудеть.

— Герда, что с тобой? — испуганно позвала Дугава. — Ты ранена?

Язык совсем не ворочался. Даже глаза открыть не получалось.

— Нет, просто истощена, — ответил Николая. — Расступитесь!

Герда почувствовала, как ее взяли на руки и куда-то понесли. Стало тепло и уютно. Ее уложили возле костра и чем-то накрыли. Руки, те самые, что несли ее, начали ускользать. Она отчаянно вцепилась в них, чувствуя, что волны тепла, от которого становилось легче, исходят именно оттуда. Ощувив сопротивление, руки остановились. Пальцы переплелись с ее и замерли. Только тогда Герда смогла провалиться в безмятежную бездну сна.

— Вы кто? — спросил Ждан у незнакомца.

В свете костра они смогли хорошенько его разглядеть. Телосложением он очень напоминал Финиста — высокий, жилистый, подтянутый, с широкими плечами и узкими бедрами. По виду был еще достаточно молод — вряд ли старше их предводителя — хотя в уголках ярких синих глаз уже ютились маленькие морщинки. Темные волосы стянуты в жесткий жгут на затылке по обыкновению Стражей. На лице непроницаемая маска холодного отчуждения, по которой нельзя ни одной эмоции уловить. Герда неподвижно лежала у него на коленях, вцепившись в руки. Ему было очень неудобно, но он терпел.

— Мое имя Николая дю Комрой, — устало ответил незнакомец.

— Инспектор из Компании? — удивился Ждан. Дугава с Вожыком подсели поближе, чтобы все слышать.

— А вы Ждан и Дугава — новобранцы из Веломовии, — показал свою осведомленности Николая. — Где ваш учитель?

Все трое растерянно переглянулись.

— Ушел искать Герду. Должно быть, вы разминулись, — ответила Дугава.

Николя неопределенно хмыкнул. Герда заворочалась во сне, и он принялся шепотом ее успокаивать.

— С ней все будет в порядке? — забеспокоился Вожык.

— Думаю, да, но на это надо время.

— А вы и вправду Охотник на демонов? — не сдержала любопытства Дугава.

— Вправду.

— И много их убили? — подхватил разговор Ждан.

— Никогда не считал.

Ребята снова неловко переглянулись.

— А... ну... — Ждан начал искать, о чем его еще можно спросить, чтобы хоть как-то поддержать беседу. — Вы будете строго нас спрашивать? Ну на экзамене...

— Не думаю, что это сейчас имеет значение.

Ждан сокрушенно посмотрел на Дугаву. Та лишь пожала плечами. Она тоже не знала, о чем можно говорить.

Финист хотел искать Герду один, но Майли увязалась следом, буквально висла на нем, показывая, что готова в любой момент разделить его горе и утешить. Только ее утешения были совсем ни к чему. Он корил себя за то, что так грубо говорил с Гердой. Из-за него она попала под копыта ненниров и... Нет, она жива, и он обязательно ее найдет.

Финист с Майли вернулись туда, где на них напали демонические лошади. Она собирала уцелевшие вещи, а он прочесывал плато в поисках Герды. Ее нигде не было. Лишь от небольшого сугроба вели человеческие следы, но вскоре они слились с конскими и исчезли. Пришлось возвращаться ни с чем.

По дороге обратно Майли пыталась его разговорить, но Финист упорно молчал, копя отчаяние и злобу. Почему ему не дали погибнуть вместе с ней? Вместо нее.

Уже на подходе к лагерю Финист ощутил ее ауру и заторопил лошадь, окрыленный надеждой. С ней смешивалась смутная тревога — чувствовалась еще одна аура, тяжелая и чуждая, та самая, которая все путешествие не давала ему покоя. Только теперь она не таилась. И это не означало ничего хорошего.

Финист соскочил с лошади и помчался к костру.

— Где? — задыхаясь, спросил он, глядя на Ждана. Тот указал вбок. Финист повернулся и увидел ее. Герда неподвижно лежала возле костра на руках у какого-то мужчины. Незнакомец поднял глаза, и Финиста словно молнией поразило. Накопленное раздражение сокрушительным валом полилось наружу. По какому праву этот человек сидит у его костра и прикасается к его любимой? По какому праву смотрит на него с таким презрением?

— Кто вы и что здесь делаете? — еле сдерживаясь, спросил Финист.

— Это Николя дю Комрой, инспектор из компании, — поспешил представить незнакомца Ждан, предвидя грядущую бурю.

Финист поморщился. Именно таким он его себе и представлял: наглым щеголем, чванливым ничтожеством, высокопоставленным ханжой...

— Финист Ясеньский, полагаю. — Все внутри клокотало от его спокойного самоуверенного тона. — В Компании очень недовольны тем, как вы выполняете свои обязанности. И теперь я понимаю, почему.

— Так просветите меня, — взъярился оборотень. — Потому что мне не давали ни денег, ни оружия, ни крова, чтобы добраться до этой чертовой дыры на краю света? Потому что Голубые Капюшоны шли за нами по пятам до самой Кундии? Потому что по дороге мы, похоже, встретили все опасности, которые только можно придумать?

— Потому что вы притащили кучу лишнего народа и не смогли их защитить, — с нескрываемым сарказмом закончил за него Николая.

Финист от ярости со свистом выпустил из груди воздух и процедил сквозь зубы:

— Что это должно значить?

— Перестань орать, вот что это значит, — голос инспектора звенел натянутой струной. Видно, он тоже был на взводе. Воздух между ними накалился. Финисту уже не было дела до высоких чинов и денег Компании. Хотелось просто стереть самодовольное выражение с лица этого инспектора.

Остальные замерли, боясь даже шелохнуться.

Глубоко вздохнув, Николая закрыл глаза и заговорил куда более спокойно:

— Для начала расскажи мне, кто все эти люди.

Николя указал за спину Финиста. Там с ноги на ногу переминалась Майли, которой в кои-то веки тоже не хотелось обращать на себя лишнее внимание.

— Мои ученики.

— У тебя их двое должно быть, а тут их пятеро, если не заметил, — ироничные ноты бесили невероятно. Хотелось вмазать инспектору в челюсть, чтобы он, наконец, воспринял слова всерьез. Герда снова заворочалась и приоткрыла глаза, разбуженная криками.

— Не ругайте Финиста, это моя вина, — слабо сказала она. — Майли и Вожык погибли бы, если бы мы не взяли их с собой. А меня не считайте, у меня даже дара нет. Я уйду и не буду никому мешать. Вот только отдохну немного.

— Тише, спи. Не обращай внимания, — зашептал Николая, качаясь взад-вперед, словно убаюкивая. — И вы идите спать. Завтра доберемся до моего дома, и там будем разбираться, что к чему.

— Какого демона ты распоряжаешься в моем лагере? — совсем взбеленился Финист. Герда громко застонала.

— Кто-то же должен, раз ты не в состоянии, — веско заметил Николая, одновременно пытаясь успокоить девушку. Финист заскрежетал зубами, но не найдя в себе сил ответить, пошел спать вместе с остальными.

Николя хотел просидеть у костра до рассвета, приглядывая за Гердой и за огнем одновременно, но через час его сморил сон. Проснулся Охотник только перед самым рассветом, когда услышал, как кто-то крадется мимо него к лошадям. Николая открыл глаза, ожидая, пока они обвыкнутся в предрассветном полумраке. Знал, что это кто-то из своих, поэтому паники поднимать не стал. Вскоре удалось разглядеть Финиста, который шептал что-то на ухо жеребцу. Конь слушал-слушал, а потом громко клацнул зубами у самого плеча

незадачливого звероуста. Тот отпрянул и ошарашено уставился на агрессивно настроенное животное. «Умная лошадка», — усмехнулся Охотник.

Он собирался уже снова заснуть, как вдруг над лагерем пролетел протяжный стон. Николя встрепнулся. Это точно не могла быть Герда — она крепко спала, положив голову ему на грудь совсем как десять лет назад. Кто-то снова застонал, на этот раз громче. Николя наблюдал, как Финист нехотя отвернулся от лошадей и неспешно направился к месту, где спали его ученики. Стоны раздавались именно оттуда, и прежде, чем он успел дойти, переросли в истошный вопль. Финист прибавил шаг. Николя тоже подскочил и побежал следом. Происходило что-то плохое.

Финист добежал до места первым и замер. Николя подошел на несколько мгновений позже и выглянул из-за его плеча. На земле корчилась та самая молчаливая девушка, которую ему так и не представили. Тело выгибалось в жестких судорогах, глаза закатились, а изо рта шла белая пена. Николя похолодел, почувствовав, какая энергия от нее исходит.

Финист повернул девушку на бок и трясущимися руками пытался развязать душивший ее плащ. Она заходилась от крика. Судороги становились все сильнее. Конечности выгибались под неправильными углами.

— Отойди!

Николя оттолкнул Финиста в сторону, снял с пояса охотничий нож и разрезал тесемки плаща и ворот рубахи девушки.

— Ясновидящая или медиум? — коротко спросил он у Финиста.

Тот моргнул, с трудом соображая, чего от него хотят.

— М-медиум.

Николя нажал двумя пальцами одной руки над переносицей, а второй в ямку на затылке и держал так несколько мгновений. Девушка тут же замолкла, судороги становились все мельче. Тело постепенно расслаблялось. Николя облегченно вздохнул, но, как оказалось, худшее ждало впереди.

— Вожык! — услышал он испуганный голос Герды и резко обернулся. Рядом стоял мальчик, второй, чьего имени Николя не знал. Ребенка колотила крупная дрожь — должно быть, вид терзаемой истерическим приступом девушки не на шутку его напугал. Мальчик развел руки в стороны. Вокруг его пальцев воздух накалился и начал сгущаться.

— Вожык! — снова закричала Герда уже совсем близко. Мальчик медленно сводил руки, совсем как...

Николя повернул голову, проследив, куда направлен его взгляд.

— Герда, стой! — закричали они одновременно с Финистом, но было слишком поздно. Пирокинетик свел руки. Как только его ладони соприкоснулись, с них сорвался огненный шар и направился прямо к Герде. Она испуганно замерла. Пламя пролетело всего в нескольких пальцах от лица, чуть оплавив волосы. И тут же погасло.

Николя подбежал к мальчишке, который уже снова разводил руки, и нажал ему пальцами на шею сбоку и под лопатки. Ребенок упал, как подкошенный. Николя быстро перевел взгляд на Герду.

Она осела на колени. По лицу из носа и ушей тонкими струйками стекала кровь. Огромные от ужаса глаза закатились. Она медленно заваливалась на спину.

Финист ошалело глянул на Охотника: «Телекинетик? Быть не может! Но какая у него реакция! Я даже заметить не успел, как он ее подхватил».

Николя уже был рядом с Гердой, прикладывал снег к ее лбу, стирал с лица кровь и что-то бормотал себе под нос.

— Как она? — обеспокоено спросил Финист.

— Не твоими стараниями, — грубо ответил инспектор. — Лучше припадочную проверь — здесь ты ничем не поможешь.

Финист нехотя подчинился. Майли пришла в себя, но все еще была очень слаба и напугана.

— Пить, — едва слышно простонала она. Финист начал рыться в вещах, но нашел лишь свою флягу, в которую был подмешан болиголов.

Дугава со Жданом тоже проснулись, но побоялись встать в происходящее и подошли к Финисту лишь тогда, когда все успокоилось. Дугава подтащила не шевелившегося Вожыка поближе к остальным и уложила на одеяло. Ждан, не говоря ни слова, протянул Финисту свою флягу, и тот, с трудом откупорив ее дрожащими руками, дал Майли напиток.

Потом обернулся к Герде и Николя. Она никак не приходила в сознание. Охотник был прав. Финист взял на себя ответственность за слишком многих людей, не рассчитал свои силы и потерпел серию ужасных, просто невообразимых неудач. А платить за все пришлось ни в чем не повинной девушке, которая всего-то хотела помочь. Он говорил, что любит ее, а на самом деле даже защитить не смог, сам подтолкнул к краю. И сделал это дважды! Никчемный идиот!

Финист почувствовал, как от Николя исходят мощные волны силы, но на что он ее направляет, видно не было. Он продолжал так очень долго, а потом поднял Герду на руки и уложил рядом с Дугавой и Жданом.

— Приглядите за ней — она проспит еще пару часов, но потом, я надеюсь, все будет в порядке.

Николя выразительно посмотрел на Финиста. Тот отвел взгляд. Охотник поднялся и подошел к Вожыку. Мальчик так и не очнулся. Николя поднял его на руки и, позвав Финиста, понес к лошадям.

— Ты хоть понимаешь, что сейчас могло произойти? — устало спросил Охотник, явно не находя в себе силы кого-то отчитывать. Финист, правда, тоже не горел желанием продолжать ссору, гложимый чувством вины и тревогой за Герду, и просто кивнул.

— Пирокинетик очень плох. Я должен увезти его, пока он не проснулся и не начал снова палить все, что видит. До Упсалы полдня пути. Мой дом первый на въезде в город. Сможешь отвести туда остальных, когда они будут в состоянии ехать?

— Мы проехали пол Мидгарда без тебя, и все было нормально, — напомнил Финист.

— Что именно было нормально? Припадочная, неконтролируемый пирокинетик или обмороки Герды?

— До сегодняшнего дня все было под контролем.

— Как угодно. Главное, довези их.

Николя закинул Вожыка на спину своего жеребца, запрыгнул в седло и обернулся к Финисту. Глаза Охотника недобро блеснули:

— Но если хоть один волосок упадет с ее головы, я тебе такую жизнь устрою — мертвым завидовать будешь.

Он прижал пятки к конским бокам, и жеребец помчался вперед, высоко задирая ноги в

На печи громко шкварчала яичница с беконом. Старый целитель яростно молот в ступке сушеные семена шиповника. Эглаборг не знал, явится ли хозяин к завтраку, но по привычке готовил на двоих. И куда его снова понесло среди ночи? Совсем со своей Охотой умаялся. Ни себя в порядок привести, ни одежду новую пошить, ни даже отдохнуть толком не может. Все загоняет себя куда-то. Зачем? Словно за ним смерть по пятам несется.

С улицы донесся стук калитки. Явился-таки. Эглаборг спешно убрал с печи завтрак и вышел во двор.

— Что стряслось? — обеспокоенно спросил он, увидев, что Николая вогнал коня в мыло. Эглаборг впервые видел этого жеребца уставшим и плохо представлял, как надо было гнать, чтобы довести животное до такого состояния. На руках Николая держал незнакомого мальчишку, явно не из местных. Похоже, тот был без сознания.

— Тяжелая ночка. Не спрашивай, — отмахнулся хозяин и вручил ему мальчишку. — Это пирокинетик. Похоже, у него скопилось слишком много энергии. Она грозила выплеснуться в нечто невообразимое. Пришлось его нейтрализовать на время. Займись-ка им, пока я коня в порядок приведу.

— Я?

— Предпочитаешь шагать Харысая?

Вопрос был риторическим. В последний раз, когда хозяин препоручал ему своего коня, тот самым безобразным образом таскал Эглаборга по двору, напрочь отказываясь повиноваться. Теперь он не согласился бы связаться с демоническим жеребцом даже за все золото Мидгарда.

— Отнесу мальчика в дом и приготовлю отвар, — поспешил сообщить о своем решении Эглаборг.

— Хорошо, я скоро к тебе присоединюсь. К вечеру надо три комнаты для гостей подготовить.

— Три? Но у нас их только две.

— Попробуем освободить каморку возле моей спальни.

— Но она маленькая.

— Одна кровать туда точно станет. К тому же это самая светлая и теплая комната в доме. Ей должно понравиться, — загадочно улыбнулся Николая.

— Ей? — брови Эглаборга стремительно поползли вверх. Давненько он не видел хозяина таким воодушевленным.

— Герде.

— Г... Мастер Николая!

Но тот уже скрылся со своим конем за домом.

Через полчаса Николая сидел в гостиной у камина рядом с Эглаборгом. Мальчик лежал рядом с ними на подушках. Он все еще не пришел в себя. Эглаборг водил над ним руками, а хозяин указывал точки, в которых он должен был останавливаться на некоторое время. Так они пытались избавить пирокинетика от излишка сил. Получалось с трудом. Эглаборгу проще было восстановить здоровье или жизненные силы, чем воздействовать на чужой дар,

но пока ничего лучше придумать не удалось.

— И все-таки я не понимаю, как вы смогли найти их ночью посреди заснеженного плато, — заговорил он не в силах больше сдерживать любопытство.

Николя пожал плечами:

— Услышал во сне, как кто-то зовет меня по имени. Даже знал, кто, только поверить не мог. Сел на коня, поехал на голос и нашел девушку в сугробе посреди тропы ненниров. Те почему-то ее не тронули. Я привел ее в чувство, и она назвала мое имя. Настоящее имя. Странно, да?

— Что именно: то, что ненниры обошли Герду стороной или то, что вы слышали ее во сне? — пристально вглядываясь в задумчивое лицо хозяина, уточнил Эглаборг. — Если бы я не знал, какой у вас дар, сказал бы, что это телепатическая связь.

— Да, по крайней мере, очень похоже, но это еще не самое невероятное, — Николя многозначительно понизил голос. — Когда я направил на Герду телекинез, она полностью его впитала. Не отвела, не погасила, а именно впитала. И, по-моему, от этого ей стало легче. А потом, даже когда я не использовал дар, а просто касался ее, она продолжала его поглощать.

— Как упырь? — хозяин нахмурился, не понимая, куда он клонит. — Ну демон, который жизненную силу из людей сосет.

— Нет, упырь делает это в ущерб жертве. А мой дар меньше не стал.

В подтверждение его слов из поленницы в огонь по воздуху перекечвало несколько поленьев.

— Более того, мне кажется, что я сам могу точно так же впитывать ее дар. Что же это такое?

Эглаборг развел руками:

— Если кто и мог вам подсказать разгадку, то это ваш учитель из Храма Ветров, а я простой целитель. Мое дело травы да снадобья.

Николя кивнул.

— Ладно, буду будить мальчишку. Мы сделали, что смогли.

Эглаборг облегченно вздохнул. Работа с чужим даром отнимала слишком много сил.

Близился полдень, но Герда не просыпалась. Майли кое-как удалось привести в сознание, но она все еще была очень слаба и плохо понимала, где находится. Приходилось постоянно ее поить и укутывать, но это хоть немного отвлекало от мрачных мыслей.

— Очнулась! — радостно воскликнула Дугава, штопавшая рядом с Гердой одежду Ждана. — Мы так волновались!

Герда приподнялась на локтях и осмотрелась. Ждан левитировал снежки, греясь у костра. Майли дремала, а Финист кормил лошадей и одновременно приглядывал за кипящим на костре котлом.

— Где Вожык? — встревожено спросила Герда. Дугава отвела взгляд.

— Инспектор увез его после ночного происшествия.

— Какого происшествия? — она заметно нахмурилась.

— У Майли случился припадок. Вожык испугался и пальнул в тебя огнем, — принялась

рассказывать Дугава. — Совсем ничего не помнишь?

Герда мотнула головой и прикрыла рукой глаза.

— Все как будто в тумане.

— Ты несколько раз теряла сознание. Мастер Николя сказал, что это от истощения.

— Вот верно, я поспала и все прошло. Сейчас я хорошо себя чувствую. Можно ехать.

Герда как всегда скромничала и хранилась не к месту. Порой это доводило Финиста до бешенства. Ну что ей стоило хоть раз пожаловаться или просто расплакаться от обиды? Он бы понял и пожалел, а так...

— Ты хорошо, а вот Майли не очень, — мрачно заметил Финист.

Его тревожило, что Герда пришла в себя так быстро, хотя накануне выглядела очень больной. Охотник явно что-то с ней сделал. Со всеми ними. Финист краем уха слышал про восточные техники, с помощью которых можно отключить на время сознание или снять истерический приступ. Но что помогло восстановить силы Герды? Финист искал и не находил ответа. В любом случае, Охотник за одну короткую ночевку внушил больше опасений, чем остальные члены Компании за все путешествие. Должно быть, он действительно из высших чинов. Истинный телекинетик. Только почему он прозябает в лапской глуши, а не купается в роскоши в Дюарле? "Знать бы еще, что ему от нас нужно, — Финист задумчиво глянул на Герду. Она молча смотрела вдаль, неосознанно перебирая в руках осколки своей дурацкой броши. — Хотя это-то как раз понятно".

— Пообедаем и поедем, — принял он решение. — Охотник сказал, что тут совсем недалеко. До заката должны успеть.

Герда пожалала плечами. Финист отправился будить Майли.

— Давай же, расскажи что-нибудь про него, — Дугаву просто распирало от любопытства.

— Про кого? — снова нахмурилась Герда.

— Про инспектора нашего, про кого же еще? Он тот самый?

— Тот самый?

— Охотник, про которого ты рассказывала.

— С чего ты взяла?

— Он вел себя, словно вы знакомы, — смутилась иллюзионистка. — И я подумала...

— Нет, он умер.

Герда выпалила это настолько громко, что Финист вздрогнул и удивленно покосился. Она спрятала глаза. Неужели этот Охотник тот самый? Это бы многое объяснило. Нет... такое совпадение просто нереально. «Она не твоя и никогда не будет твоей», — свербел в голове непереносимый голос из пещеры. Но почему он так похож на голос Охотника? «Может, я действительно умом тронулся от ревности?»

Майли с трудом удалось растолкать. Ее глаза сделались мутными, а движения медленными, словно у пойманной в паутину мухи. Но никто не смел ее корить — слишком глубоко в память врезалось ночное происшествие.

После обеда пришло время собираться в дорогу. Несмотря на бурные протесты Герды, Финист отдал ей седло и уздечку с кобылы Майли. Последней они были не нужны — она и на ногах-то еле стояла. Финист не питал пустых надежд, что Майли сможет ехать самостоятельно. Он посадил ее перед собой на Золотинку и крепко придерживал, управляя лошадью одними ногами. Как всегда ехал первым. За ним Ждан, тащивший в поводу мерина Майли. Строй замыкали Герда с Дугавой. Иллюзионистка все еще не потеряла надежду

разговорить подругу и заставить хоть чуть-чуть улыбнуться.

— Что ты думаешь по поводу инспектора? Он будет строго спрашивать? Нам удастся сдать? — принялась расспрашивать она. Видно, сильно волновалась из-за предстоящего экзамена.

— Откуда я знаю?

— Но ты ведь была с ним дольше всех.

— Он просто разбудил меня и напоил какой-то дрянью, а потом мы поехали искать вас. Толком поговорить ни о чем не получилось.

— А я думаю, что надо готовиться к самому худшему, — присоединился к разговору Ждан. — Они с Финистом так друг на друга окрысились ночью, что, боюсь, сдавать нам придется долго. Если вообще не вылетим с позором, правда, Финист?

— Неправда, — раздраженно ответил он. — Вы очень хорошо подготовлены. Если не сдадите, это будет верхом скудоумия этой идиотской Компании. А вот я, скорее всего, вылечу. И без ночного происшествия заработал себе не слишком лестную репутацию. К тому же мое присутствие теперь будет очень неудобно для инспектора.

— Не думаю, что он станет злоупотреблять полномочиями, — возразила Герда. Финист изучающе глянул на нее. — Он хороший человек, справедливый...

Теперь точно также на нее смотрели и остальные. Герда смутилась:

— Мне так показалось.

— Ждан, Дугава, езжайте вперед. Мы вас догоним, — Финист развернул лошадь и подъехал к Герде. Майли дремала у него на руках с закрытыми глазами. Вряд ли услышит хоть что-то из разговора. — Я хотел попросить прощения.

— За что? — недоуменно спросила Герда.

— За вчерашнее. Я не должен был кричать и ломать твою брошь. Не знаю, что на меня нашло. Я...

— Ты был прав, — неожиданно перебила она. Ее лицо оставалось непроницаемым и отчужденным. — Не стоит жить глупыми детскими мечтами, а тот человек... даже хорошо, что он умер. Значит, разочароваться я уже не смогу.

Герда снова достала из кармана осколки и вытянула руку, словно хотела выбросить, но не решилась и спрятала обратно. Да что с ней?!

— Из-за чего вы с мастером Николая повздорили? — после долгой паузы спросила Герда.

— Я сильно опоздал, привел лишних людей, пренебрег обязанностями, не справился с учениками и подверг тебя опасности, — честно признался Финист.

— Прости. Выходит, это я в твоих неприятностях виновата, — грустно заметила Герда. — Из-за меня вы влипали во все эти передряги, из-за меня пришлось взять с собой Майли и Вожыка, из-за меня мы устроили ночлег на том демоновом плато. Это оттого, что я не понимаю вас и ваш мир. Мне не место здесь, поэтому я должна уйти, понимаешь? Не из-за тебя, а из-за себя, из-за своей ограниченности.

— Герда... — Финист раздумывал, не пришло ли время сказать правду. Так или иначе, она сегодня обо всем узнает, не от него, так от Николая.

— Пожалуйста, прими мое решение и отпусти, — она не дала ему сказать. — Я уеду, как только вы войдете в дом Охотника. Попрощайся за меня с остальными и попроси прощения. Сама я этого сделать не смогу.

Герда направила кобылу вперед догонять Ждана с Дугавой. Финист молча смотрел ей

вслед.

«Я могу тебя отпустить. Я даже могу помочь тебе сбежать, только вот получится ли у нас с таким противником?» — размышлял он, вспоминая последние слова Охотника.

События прошлой ночи все не шли из головы. Встреча с Охотником казалось такой нереальной, словно Герда потерялась в собственных мечтах, и те вдруг начали воплощаться в жизнь. Безумие какое-то!

В памяти сохранилось так мало: лишь всполохи неясных образов. Николас. Он ее не узнал. И даже не остался, чтобы объясниться. Да и зачем? Вожыку помощь намного нужнее. Умом Герда это хорошо понимала, ведь сама так долго билась над тем, чтобы помочь мальчику. Но ничего не вышло.

И все равно было чуть-чуть завидно. У Вожыка есть дар, который важен для Николя, для инспектора. А кто она? Обычная девчонка, которую он спас давным-давно, да уже и сам забыл об этом. Немудрено, ведь у него ремесло такое: людей из лап демонов спасать. Наверняка, в его жизни были тысячи таких же глупо вздыхающих девчонок, глядящих ему вслед щенячьими глазами. Как можно было думать, что она чем-то лучше? Теперь даже брошки на память не осталось, как и надежды.

Разговаривать ни с кем не хотелось, хотя друзья упорно пытались ее расшевелить. В горле першило так, что каждое слово превращалось в пытку. Особенно когда голос предательски срывался на крик. И главное непонятно, почему все время хочется плакать, ведь ничего страшного не случилось.

Герда обернулась к Финисту. Майли закрыла глаза и дремала у него на руках. Видно, совсем выдохлась, бедняжка. Герда не понимала, как дар мог настолько вредить людям. Вожыку и Майли. Она всегда считала его неоспоримым благом, сама бы все отдала за шанс обладать им. Но теперь стало страшно. И одновременно жалко их всех. Ей никогда не понять, через какие муки им приходится проходить из-за своих способностей. Верно, об этом и предупреждала Майли. «Если я не в состоянии понять даже их боль, то какой смысл оставаться рядом и быть в их мире лишь безучастным наблюдателем?» Уйти, не оглядываясь — единственно правильное решение. Больше откладывать нельзя. Иначе ее саму прогонят.

К закату они опоздали и подъехали к городу, только когда землю окутала ночная тьма, а в окнах зажглись уютные огоньки. Всадники свернули во двор первой усадьбы — большого двухэтажного деревянного дома с покатой крышей. Сбоку к нему примыкало несколько хозяйственных построек. Справа располагалась продолговатая конюшня на десяток голов с сараем и амбаром для кормов. Слева стояла небольшая банька с крытой поленницей. Из трубы поднимался приветливый дымок. Видно, перед приездом гостей, баньку решили натопить, чтобы те смогли привести себя в порядок. Теплый прием настораживал, учитывая, как не везло на радушных хозяев раньше. Чуть вдалеке пряталась крошечная голубятня — миниатюрная копия голубиных станций компании Норн.

Всадники спешили. Финист разбудил Майли и аккуратно опустил ее на землю, прежде чем слезть самому. Дверь отворилась, и на пороге показался невысокий седовласый мужчина со свечным фонарем в руках. Из прохода лился мягкий приглушенный свет, манящий войти внутрь, чтобы отогреть заочечневшую от стужи и бурь северного пути душу.

Но Герда отвернулась от него. Слишком велик соблазн остаться, и слишком больно потом будет уходить.

Следуя за стариком, путники оставили лошадей в сухой, теплой конюшне, а сами направились к дому. Герда перехватила Финиста на выходе из конюшни:

— Помнишь мою просьбу?

Он тихо кивнул и пошел за остальными, с трудом заставляя себя не оглядываться. Герда вернулась в конюшню, нашла кусок веревки и, обмотав ее вокруг Яшкиной шеи, повела за собой. В деннике у входа громко заржал жеребец Николая, желая привлечь внимание кобылы. Та лишь грозно скосила на него глаза и прибавила шагу.

Когда они снова оказались на улице, шел снег. Погода стояла безветренная. Крохотные снежинки плавно кружились в воздухе, нежным холодком касаясь лица и рук. Герда остановилась и в последний раз посмотрела на дом. На первом этаже светились окна. Можно было разглядеть темные силуэты людей, которых она больше никогда не увидит. По щеке скатилась слеза. Герда крепче сжала веревку и уверенно двинулась прочь, сводной рукой вытирая лицо.

— Госпожа Герда! — послышался сзади взволнованный голос.

Она узнала его. От этого стало еще хуже. Ну почему не удалось уйти незамеченной? Герда повернулась:

— Здравствуйте, мастер Эглаборг.

— Госпожа Герда, неужели это действительно вы? — запыхавшись от быстрого шага, радостно произнес старик.

— Я, — смущенно ответила она. — Вы помните меня, мастер Эглаборг?

— Как вас забудешь-то? — усмехнулся он. — Да вы и не изменились совсем, только подросли и похорошели. А прическа? Это какая-то новая мода?

Герда провела рукой по голове. Ей до сих пор иногда казалось, что за спиной длинные косы, а потом она неожиданно вспоминала, как их лишилась. Становилось грустно и гадко. Но никому рассказывать об этом она не собиралась.

— Да, мода, — неопределенно ответила Герда и поспешила сменить тему: — А мастер Николая меня не узнал.

— Как? — ахнул Эглаборг. — Должно быть, вы друг друга неправильно поняли. Признаюсь, я сам вначале не поверил, что вы здесь. Ведь Дрисвяты так далеко. И дорога не из легких.

— Да, — Герда оглянулась на ворота. Почему она медлит? Надо вежливо проститься и уходить, пока...

— Мастер Николая просил подождать, пока он поговорит с остальными. Я как раз для вас баньку натопил. Помоетесь, заодно и время скоротаете. Идемте.

— Не думаю, что стоит...

Эглаборг уже схватил ее под руку, потянул за собой к бане и, распахнув дверь, подтолкнул внутрь.

— Там одежда, — махнул он рукой на лавку у входа. — Не слишком красивая, вы уж извините. Маловато времени было, чтобы найти что-то подходящее. Но зато чистая и теплая. Думаю, сейчас это главное.

— Вы слишком добры, я не могу... — попыталась вырваться Герда.

— Можете-можете. А лошадь вашу я сам в конюшню заведу. Ей тоже отдых с дороги нужен, — он хлопнул дверь на засов снаружи. Герда осталась совсем одна. Делать нечего

— придется воспользоваться гостеприимством старого целителя.

На лавке рядом с одеждой стоял такой же фонарь, как у Эглаборга. Герда разделась, взяла его и вошла в баню. Она была куда меньше, чем в хоромах Хозяйки леса, но зато гораздо более уютной. На жаровне шипели камни. От лохани посреди комнаты шел пар. Вокруг стояли склянки и горшки с ароматными травяными отварами. Герда вымыла голову тем, что пах ромашкой и крапивой, а в лохань вылила с запахом свежей хвои. Окунулась в воду и начала тщательно стирать с себя грязь рогожкой.

Вымывшись, Герда почувствовала себя намного лучше, как будто с грязью ушла прочь усталость. Правда, осталась тоска. Все время приходилось напоминать себе, что как только Эглаборг откроет дверь, придется уйти и не думать о том, как смертельно хочется взглянуть на Николаса напоследок хоть одним глазком.

Обернувшись полотенцем, Герда вышла в предбанник и надела оставленную Эглаборгом одежду: выбеленную льняную рубаху, шерстяную темно-синюю юбку и светлую кофту. Взяла гребешок и подошла к зеркалу, чтобы расчесаться. Вид у нее был очень изможденный. Под глазами красовались черные круги. И без того высокие скулы заострились, как у покойницы. В довершении ко всему одежда висела мешком. Даже кос — самого главного своего украшения — она лишилась. Волосы отрастали неровно, путались и лежали вороньим гнездом. Уродина. Неудивительно, что Николя ее не узнал или сделал вид, что не узнал.

— Госпожа Герда? — послышался голос Эглаборга вместе со звуком отпирающегося засова. — Вы готовы?

— Да, — поспешила заверить его Герда. Очень хотелось выбраться из-под замка и исполнить задуманное.

Эглаборг вошел внутрь и расторопно захлопнул дверь, чтобы не выстуживать баню.

— Мастер Николя очень извиняется. Он еще занят с учениками. Слишком сложные подобрались, — снова начал оправдываться целитель, накидывая Герде на плечи полушубок. — Ну да ладно, подождете его в библиотеке, поедите и заодно отвара моего выпьете. Мастер Николя сказал, что вы вчера голос сорвали.

— Ничего страшного. Не стоит беспокоиться. Не думаю, что мастер Николя будет сильно переживать, если я его не дождусь, — попыталась отговориться она, но Эглаборг снова куда-то ее потащил.

— Верно, вам спать поскорей лечь хочется. В библиотеке очень удобное кресло. Честно признаюсь, мастер Николя в нем спит чаще, чем у себя в кровати. Там и подремлете чуток. Мастер Николя очень хотел с вами поговорить именно сегодня.

Целитель удивительно крепко для своего возраста вцепился в руку. Никуда деться Герда не смогла, только следовать за ним. Они вошли в дом и свернули в едва заметную дверь с правой стороны от лестницы на второй этаж. Там находилась просторная комната, все стены которой занимали заполненные книгами шкафы. Герда от удивления открыла рот. Забыв обо всем на свете, она подошла к ближайшему стеллажу и в свете фонаря принялась разглядывать корешки.

— Я оставлю еду и отвар на столе, — бросил на прощание Эглаборг. Герда махнула рукой, слишком увлеченная, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Давненько на Николая не сваливалось столько хлопот, как с этими учениками. Вначале требовалось разобраться с девчонкой-медиумом. Ночной припадок сильно ее ослабил, ввел в состояние полусна. Бодрствовать она не могла, но и уснуть тоже не удавалось. Эглаборг долго колдовал над лечебным зельем, которое бы облегчило ее состояние или хотя бы помогло заснуть. Сон был сейчас самым действенным лекарством.

После того, как девушку уложили в постель, надо было еще поговорить с оставшимися учениками и их учителем. И желательно по отдельности, чтобы у них не появилась возможность друг другу подсказывать. Первым Николая принял простоватого на вид паренька-левитатора. Выспрашивать пришлось долго, потому что он так старательно увиливал и путался в показаниях, что под конец и сам с трудом мог разобрать, где ложь, а где правда. С иллюзионисткой разговор прошел быстрее и проще. Врать она не пыталась, рассудив, что если за двадцать лет не научилась, то сейчас и пробовать не стоит. Правда, рассказ ее мало что добавил к тому, что Николая уже удалось выяснить из весьма скупого отчета Финиста и слов Ждана.

Время неумолимо бежало. До полуночи оставался всего час, а Охотнику еще предстояло два самых тяжелых разговора. Решив не мучить больше Дугаву дотошными расспросами, он отослал их со Жданом отдыхать. Утром им еще предстояло сдавать экзамен. А сам морально приготовился вести беседу с предводителем.

Разговаривать с оборотнем было очень тяжело. Всклокоченная рыжая шевелюра, режущий голос и взгляд едких птичьих глаз непереносимо раздражали. Николая не мог себе объяснить, почему внешность наставника вызывала в нем столь жгучую неприязнь. Никогда прежде он на подобные вещи внимания не обращал. Для Компании важны лишь незаурядные способности и безоговорочная преданность его учеников. Но у Николая был и свой интерес к Финисту. Чтобы вытрясти из него нужные сведения, необходимо сохранять полное холоднокровие и объективность. Николая глубоко вздохнул, настраивая себя на доброжелательный лад, и попросил Эглаборга пригласить к нему Финиста.

— Поторопились бы вы лучше. Госпожа Герда очень переживает, что вы ее не узнали. Мне с трудом удалось уговорить ее остаться — пришлось чуть ли не силком в баню тащить и там запереть. Но мы не сможем держать ее там долго.

— Я не могу сейчас отвлечься. Попроси ее еще немного подождать.

— К кровати привязать?

Николая зло глянул на целителя, не оценив шутки.

— Накорми, отведи в библиотеку. Отвлекли как-нибудь, пока я тут закончу.

— Ох, глупо вы себя ведете, ох, глупо.

Эглаборг вышел, и его место в кабинете Николая тут же занял Финист.

— В чем дело? — с порога начал возмущаться он. — Почему ты устроил моим ученикам допрос? Они ведь даже толком отдохнуть не успели!

— Ты снова повышаешь на меня голос, — спокойным тоном осадил его Николая. — Мне и самому, знаешь ли, не по душе засиживаться допоздна, учитывая, что прошлой ночью я почти не спал, но меня вынудил твой отчет.

— Что не так с моим отчетом? — начал раздражаться Финист.

— Кроме того, что он написан так, словно ты три дня назад грамоте научился? Хотя, судя по рапортам с голубиных станций, так оно и было, — противника явно задело это замечание. Значит, пока преимущество на стороне Николая. — Лучше расскажи мне все устно, начиная с того места, как вы с Гердой встретились.

Финист нехотя начал пересказывать свой отчет. В показаниях он, в отличие от Ждана, не путался, от изложенной на бумаге версии далеко не отходил, да и врал гораздо более складно, но все же Николая чувствовал, как тот фальшивит и замалчивает каждый раз, когда речь заходит о Герде. Он еще прошлой ночью заметил, что Финист имеет на нее какие-то виды, но не ожидал, что это будет связано с тайной, которую они все разом пытаются скрыть.

— Удовлетворил любопытство? — грубо поинтересовался Финист.

— Не совсем. Видишь ли, твой рассказ несколько отличается от того, что говорили твои ученики.

— В чем же? — холодно осведомился оборотень.

— Вот хотя бы ты говоришь, что Герда сама захотела пойти с вами, а по словам твоих учеников выходит, что это ты ее уговорил. И вообще, зачем бедная девушка решила пуститься во все тяжкие, бросить родительский дом и отправиться неизвестно с кем на край света?

— Ее отец умер, дом забрали за долги. Она всегда мечтала отправиться в путешествие, вот и использовала подвернувшуюся возможность.

Здесь, Николая заметил, пошла уже откровенная ложь.

— Дом забрали за долги? А Ждан сказал, что вы неплохо заплатили за то, что она привела вас через лес. Почему она не оплатила долг из этих денег? Может, потому, что дело вовсе не в них? Дугава, кстати, обмолвилась, что Герду могли сжечь на костре, если бы она не пошла с вами. Так что же на самом деле вынудило ее бросить спокойную жизнь?

Финист скрипнул зубами и посмотрел на него исподлобья.

— Выкладывай. Там кто-то погиб? — из последних сил подталкивал его к откровенности Николая. Все его идеи уже иссякли.

— Человек, которому она задолжала деньги... — Финист подбирал слова очень долго, но, по крайней мере, звучали они более убедительно, чем весь его предыдущий рассказ. — Он оказался подонком и попробовал воспользоваться ее беззащитностью. К тому времени, когда я пришел, он был мертв, а Герда лежала рядом без сознания в разорванной одежде.

— Это она его убила? — все так же спокойно спросил Николая, хотя чувствовал, что удерживать бесстрастную маску становится невыносимо тяжело.

— Нет, — резко выпалил Финист. Он явно боялся такой возможности и одновременно понимал, что собеседник видит его насквозь, поэтому врать уже не пытался. — Не знаю. У него вокруг головы натекла лужа крови. И я ощущал еще одну ауру, хотя никого больше не видел. Потом постоянно замечал ее возле Герды, а недавно слышал, как она с кем-то разговаривает, но рядом никого не было. И я подумал...

— Что она одержима демоном? — закончил за него Николая, чувствуя, как от одной мысли кровь стынет в жилах.

— Он ни разу себя не проявил. Я даже опасности от этой ауры не ощущал, а обычно я очень хорошо демонов чую.

— Какая она была, эта аура?

— Похожа на человеческую, но очень тяжелая, как твоя.

— Моя? — удивился Охотник.

— Да, именно поэтому я тебя на поляне не почувствовал. Подумал, это снова он. А после того, как ты ушел, она пропала.

Николая некоторое время молчал, раздумывая.

— Ладно, иди спать. Эглаборг покажет комнату, — заговорил он далеким глухим голосом.

— Что будет с Гердой?

— Она больше не твоя забота.

— Ты ведь ее не убьешь? Ее дар слишком редкий и ценный. Можно попробовать избавиться ее от одержимости. В конце концов, кроме той сволочи она никому вреда не причинила.

— Я сам решу, что делать, — холодно ответил Николя и направился к двери в библиотеку.

Герда сидела в кресле и увлеченно читала книгу под названием «Путешествие в Муспельсхейм и обратно» Бердонико Колая, знаменитого Стража прошлого века, который посвятил жизнь исследованию мертвого континента. Николя сам несколько раз перечитывал эту книгу, надеясь когда-нибудь своими глазами увидеть знаменитую колыбель цивилизации. Вряд ли Компания его отпустит, но все равно можно чуть-чуть помечтать.

Книга поглотила внимание Герды настолько, что она даже не заметила, как Николя подошел вплотную. Он мог бы вечность вот так наблюдать за ней, если бы тревожные мысли не глодали душу. Девушка выглядела такой безмятежной. С трудом верилось, что внутри нее может ютиться нечто настолько мерзкое, как демон. Чутье молчало. Все ощущения говорили, что эта умиротворенная картина — подлинная и единственная, за ней нет никакого обмана, как нет и не может быть в этой девушке ничего злого или враждебного. Но пренебрегать словами Финиста не стоило. Однажды Николя уже поплатился за подобную беспечность.

Осколки зеркала. Алеющее пятно на снегу. Быстро остывающее тело, пронзенное его собственным мечом. Воспоминания затмевали разум и мешали мыслить здраво. Та трагедия не должна повториться вновь. Только не с этой девушкой.

Николя громко закашлялся, чтобы привлечь внимание Герды. От неожиданности она уронила книгу на колени и испуганно воззрилась на него.

— Извините, я взяла книгу без спроса. Я верну все на место, обещаю, — скороговоркой оправдывалась она, поднимаясь из кресла.

Николя положил руку ей на плечо и властным жестом усадил обратно.

— Ничего страшного, — усмехнулся он. — Можешь брать любые книги, какие нравятся. А если захочешь того, чего здесь нет, только скажи и я выпишу из Дюарля. Через месяц придет с кораблем.

— Что вы, я не смогу злоупотреблять вашим гостеприимством так долго, — смутилась девушка.

— Почему? — нахмурился Николя. Подчеркнуто вежливая манера общения выбила его из колеи. Хотя чего он ждал после того, как сам сделал вид, что не знает ее?

— Ну.. — протянула Герда. — Я ведь не одна из ваших подопечных и у меня нет дара. Поэтому...

— Глупость какая. Конечно, у тебя есть дар. Я сам видел, как ты его использовала сегодня, когда пирокинетик метнул в тебя огонь.

Герда удивленно моргнула.

— Вы что-то путаете. Пламя просто прошло мимо. Вожык же специально в меня не целился.

— Я ничего не путаю. Огонь летел прямо в тебя, и ты его отвернула. Точнее твой дар —

отражение. Судя по отчету Финиста, ты и раньше его использовала, просто неосознанно: в волотовке, когда проникла в иллюзию Дугавы, и в Будескайске, когда обратила призраков против некроманта. Вспомни, они ведь специально обходили место, где ты лежала. Полагаю, были и другие случаи, которые Финист не заметил, потому что к тому времени, как я откопал тебя из сугроба, твоя аура была истощена до предела.

— Это не может быть правдой. Если бы у меня был дар, я бы знала. Я бы почувствовала, но все было совершенно обычно, ничего не изменилось.

— Кроме постоянной усталости, спонтанных кровотечений и обмороков?

— И Финист бы понял, он ведь такой сильный и умный.

— Насчет его ума я могу поспорить, но, думаю, он все прекрасно понял после первой же вашей встречи, иначе не пришел бы в сторожку в Подгайске. Просто тебе решил не говорить.

— Почему?

— Я не спрашивал, но на его месте поступил бы также. Твой дар поначалу никак себя не проявлял, поэтому пугать тебя лишний раз было совершенно незачем. Правда, он не учел, что в обществе других людей с даром, твой очень быстро активизируется и надо будет либо тебя обучить, либо не позволять использовать его. Ни первым, ни вторым, как я понял, Финист не занимался.

Герда поморщилась. Замечание в адрес оборотня явно пришлось ей не по вкусу. Интересно, они просто друзья или... Впрочем, какая разница?

— Но дар переходит по наследству, а все мои родственники обычные люди.

— Совершенно необязательно. Иногда люди с даром рождаются в обычных семьях, хотя я не думаю, что это твой случай.

— Вы что-то знаете? Говорите!

— Когда я был в Дрисвятах...

— Так вы все-таки были в Дрисвятах?

Николя демонстративно проигнорировал провокацию.

— Когда я был в Дрисвятах, твой отец намекал, что у него в роду был дар.

— Но почему он сказал об этом вам, а не мне?

— Думаю, тоже хотел защитить. Твой отец был пропущенным и надеялся, что ты будешь такой же.

— Кто такие пропущенные?

— Рожденные без дара в семье Стражей. Такое случается довольно часто в последнее время. Три моих сестры и брат тоже были пропущенными. С даром не повезло родиться только мне.

— Вы говорите, словно это что-то плохое.

— Так и есть. Обладать даром в наше время очень опасно. И было бы действительно лучше, если бы ты родилась без него.

Герда поджала губы. Она не могла согласиться с Николаем. Он просто не знал, не понимал, каково быть совершенно обычным человеком, прозябать в одиночестве и забвении. Какое будущее ждало ее, будь она обычной... пропущенной? Нищета и голод? Или того хуже,

милостыня от богатенького подонка вроде Вальдемара?

Нет, если у нее действительно есть дар, пусть даже он будет высасывать из нее все соки и в конце концов убьет, она все равно от него не откажется. Ведь дар дал ей ключ от нового мира, в котором хоть ненадолго у нее будет дом. Теперь ее жизнь что-то значит. Теперь она сможет быть рядом со своими друзьями, рядом с...

Герда перевела взгляд на Николая. Тот молча уставился в пустоту. На виске от напряжения вздулась жилка. Он о чем-то думал. Знать бы, о чем. Может, тогда она смогла бы понять, почему он так холоден, почему отрицает очевидное.

— Мне всегда будет плохо после использования дара? — Герда все-таки решилась спросить о том, что было действительно важно. Взгляд Николая снова сконцентрировался на ней.

— Не думаю. Дар поглощает слишком много энергии из-за того, что ты его не контролируешь. А учитывая, что у тебя ее пока маловато, ты постоянно чувствуешь себя усталой. Скажем так, ты пытаешься таскать глыбы, когда мышцы у тебя и на маленькие камушки не наработаны. Потребуется время, чтобы повысить твою выносливость, но если ты будешь прилежно заниматься, я смогу тебе помочь.

— Вы будете меня учить? — смутилась Герда.

— Если я тебя не устраиваю, можно найти кого-нибудь другого, — пожал плечами Николай. Ей показалось или на его лице действительно мелькнула тень досады?

— Нет, просто так неожиданно. До сих пор не могу поверить, что это явь. Дар и... вы. Еще пару часов назад я была уверена, что мне нет места в вашем доме и моя судьба — скитания в одиночестве, а теперь вы просите меня остаться. И мне страшно, что придет утро и все это снова окажется сном.

Герда замолчала, чувствуя себя опустошенной. Зачем она все это наговорила? Сейчас Николай станет ее жалеть, а этого совсем не хотелось. И действительно, он взял ее руки в свои и заглянул в глаза. Вот-вот начнет уверять, что приютил бы ее, даже если бы у нее не было дара. Но Охотник упорно молчал, разминая пальцами ее ладони. Герда никак не могла отделаться от ощущения, что он ее изучает. Наверное, это нужно, чтобы понять, как работать с даром.

Заметив недоуменный взгляд, Николай тяжело вздохнул и отстранился. Повисло долгое неудобное молчание. Он снова уставился в пространство. Герда раздумывала над тем, а не открыть ли снова книжку, чтобы не мешать ему общаться с самим собой. Но это было уже на грани абсурда.

— Мастер Николай! — громко позвала Герда. Тот вздрогнул и вновь посмотрел на нее. — Что с моим обучением?

— Завтра отдохнешь с дороги и обвыкнешься, а послезавтра, пожалуй, начнем.

Он снова замолчал.

— Так, может, я пойду спать? Или я буду ночевать в библиотеке? — не то, чтобы она сильно возражала, но для разнообразия хотелось поспать в мягкой постели.

Николай снова посмотрел на нее. Взгляд был настолько тяжел, что она еле выдержала.

— погоди, мне еще надо кое-что с тобой обсудить, — он замялся. Вдруг стало не по себе. Она, кажется, поняла, в чем причина неловкого молчания. Все это время он искал слова, чтобы поведать ей о чем-то, что его сильно тревожило.

— Финист рассказал, что произошло в Подгайске.

Герда всеми силами старалась забыть пережитый кошмар и не хотела, чтобы он знал об

этом. Кто угодно, только не он! Но, похоже, сегодня придется пройти все семь врат червоточин. Герда тяжело вздохнула, точно так же, как Николая пару минут назад.

— Он думает, что в тебя мог вселиться демон, который убил того человека.

— Демон? — Герда поежилась. — А вы как думаете?

— Не знаю. Я его не чувствую, хотя у меня, как у Охотника, чутье более острое. Финист говорил, что ощущал рядом с тобой чужую ауру. Но и ее я тоже не улавливаю. Скажи, ты когда-нибудь чувствовала, что не контролируешь свое тело и смотришь на него со стороны?

— Было однажды. В Будескайске. Я тогда заставила призраков обратиться против некроманта.

— Это твой дар, скорее всего. А больше такого не случилось?

Герда покачала головой.

— А потеря памяти? — продолжал наседавать Николай

— Плохо помню, что было перед самыми обмороками. А так нет.

— А случилось, что на теле непонятно откуда появлялись раны или синяки? — теперь он буквально навис над ней, заглядывая в глаза.

— Не-е-ет, — ошарашено ответила Герда.

— Хорошо, зайдем с другой стороны. Что ты помнишь о том случае в Подгайске?

Герда сжалась, припоминая темную сторожку, хмельной голос Вальдемара, звук рвущейся ткани, шипение кота.

— Кот? Тот, которого ты искала на плато? Ты еще сказала, что я не смогу его увидеть.

— Да, — вот теперь он точно решит, что она сумасшедшая. — Он как плод воображения. Только я могу его видеть и больше никто. Правда, я почти уверена, что его видела Хозяйка леса, Ужинный король и сумасшедший внук вельвы.

— Значит, твоего кота способны видеть те, кто связан с миром духов. А при мне ты его ни разу не видела?

— Нет.

— Вполне вероятно, что он и есть тот самый демон.

Это походило на правду, но Герда всегда считала демонов чем-то неоспоримо злым, а Шквал наоборот казался самым лучшим, что было в ее жизни.

— Шквал говорил, что это он убил Вальдемара. Я тогда подумала, что он просто пытается меня утешить. Значит, он сделал это на самом деле?

— Что он еще говорил?

— Ничего особенного. Хотел, чтобы я с Финистом ехала. Выручал много раз, поддерживал... — Герда облизала пересохшие губы. — Правда, в последний раз он был совсем странный. Говорил, что за мной должен явиться хозяин масок, который всеми повелевает. Но вместо него пришли вы.

— Хозяин масок? — заметно напрягся Николай. — Никогда о подобном не слышал. Демоны могут быть очень хитрыми и красноречивыми, если им что-то от человека надо. Понять их истинные намерения удастся, когда уже слишком поздно.

Слова Николая возмутили до глубины души. Да в Шквале коварства и притворства меньше, чем в Финисте, и уж точно во стократ меньше, чем в самом Охотнике. По крайней мере, кот никогда ее не обманывал.

— Вы его не знаете. Он ничего дурного не делал. И он исчез. Защитил меня от неннирог и исчез навсегда.

— Успокойся. Я не говорю, что это обязательно он. Ты можешь быть одержима, а

можешь и не быть. Но надо выяснять наверняка. И чем быстрее, тем лучше.

— Как? — Герда резко подалась вперед. Она согласилась бы на все, что угодно, лишь бы оправдать Шквала, как оказалось, своего единственного верного друга.

— Нужно посмотреть твою спину. Если я что-то увижу, то попытаюсь это извлечь, но может быть больно. Ты не должна сопротивляться, иначе ничего не получится.

Герда медленно кивнула, сняла кофту и расстегнула рубашку. Никола отвернулся. Слишком томительными ему показались мгновения, когда она спускала с худеньких плеч рукава. Когда он повернулся, девушка стояла к нему спиной, нагая до пояса. Бледная кожа выглядела почти прозрачной. Голова покорно склонилась чуть набок. Из-под коротких волос выглядывала тонкая шея, углубляя впечатление болезненной хрупкости. Хотелось поскорей укрыть ее и спрятать подальше. Ото всех. От себя в первую очередь. Никола нервно сглотнул. Так нельзя. Подобное малодушие уже стоило жизни одной девушки. Теперь у него нет права на ошибку.

Николя подошел вплотную, положил одну руку возле левой лопатки Герды, а другую под грудь с той же стороны и закрыл глаза. Строго говоря, глаза закрывать не требовалось, но вид обнаженного женского тела очень сильно отвлекал. Пальцы покалывало от накапливаемой энергии. Кожа нагрелась, стала почти обжигающей. Не ощущая ни малейшего сопротивления, облаченные телекинезом руки легко проникали под плоть и кости. Но там ничего не обнаружилось. Нужно погрузиться глубже, в самую суть. Снова никакого сопротивления. Под ладонями что-то едва заметно затрепыхалось. Тоже пусто. Еще глубже. Почему нет сопротивления? На таких уровнях оно обязано быть, чтобы человек мог выжить. Трепыхание усилилось. Лишь коснувшись самого сердца, Никола что-то почувствовал. Натянутую до предела тоненькую струну. Охотник словно наяву видел, как она соединяет белое субстанцию с красной. Что бы это могло быть? Самую капельку, и он коснется ее. Тогда все станет ясно.

«Остановись! Ты же ее сломаешь!» — послышался в голове почти забытый голос Безликого, того самого, чей саркофаг он видел после битвы с Ловцом желаний в церкви Дрисвят десять лет назад. Никола вздрогнул и потерял концентрацию. Сдавленно захрипев, Герда упала на колени и закашлялась.

— Ты в порядке? — встревожено спросил он, протягивая руку, но тут с ужасом заметил, что с нее падают багровые капли и поскорей убрал.

Герда, избегая его, потянулась к своей одежде. Никола отвернулся, пытаясь осознать произошедшее. Почему она не сопротивлялась? Он бы остановился прежде, чем дошел до сердца. Никола вынул из кармана платок и принялся остервенело вытирать руки.

Очень плохое начало. Чтобы чему-то научиться, нужно всецело доверять учителю. А кто станет доверять после такого?

Герда долго не отвечала, одеваясь нарочито медленно, педантично расправляя все

складки и застегивая каждую пуговицу. Она тянула время, чтобы придти в себя. Это было... странно. Когда Николая коснулся ее, потребовалось собрать силу воли в кулак, чтобы не вздрогнуть, не закричать, не сопротивляться. Она постоянно напоминала себе, что делает это ради Шквала, ради его доброго имени. Не шелохнулась даже, когда стало непереносимо больно и трудно дышать, когда в глазах потемнело и сознание начало гаснуть. Она была уверена, что не сможет больше сделать и глотка воздуха, когда Николай ее отпустил. Но нашел ли он то, что искал, или остановился, только потому что пожалел ее?

— Я одержима? — спросила Герда, собравшись с мыслями. Она повернулась к Охотнику лицом, но глаза поднимать не желала.

Николай заговорил так тихо, что едва можно было разобрать слова:

— Только если тем же демоном, что и я.

Герда удивленно подняла глаза. Николай выглядел усталым. Тяжело дышал, по лбу застыли капельки пота, щеки горели, в глазах читалось явное сожаление. Она не могла злиться, когда ему самому было так плохо. Ведь Шквалу он вынес оправдательный приговор.

— Может, пойдём спать? — Герда протянула ему руку.

Он в нерешительности разглядывал ее, а потом нарочито осторожно, словно боясь повредить, обернул ладонь своей и повел Герду наверх.

Там их встретил сильно взволнованный Финист. Герда с сожалением почувствовала, как Николай отпустил ее.

— Ты жива? — Финист так крепко ее обнял, что дышать стало тяжело. — Хвала духам, он тебя не убил!

— Убил?! — Герда поражённо уставилась на Охотника. Тот снова виновато отвел взгляд.

— Твоя комната за крайней дверью справа. Думаю, Эглаборг уже все приготовил. Можешь ложиться спать, ты ведь так хотела.

Николай, не прощаясь, скрылся в соседней комнате. Герда даже не успела ухватить его за рукав, чтобы потребовать объяснений. Хотя даже если бы успела, это было бесполезно. Он бы ушел от ответа со словами: "Это слишком сложно. Ты не поймешь", как обычно делал Шквал.

— Забудь о нем, — Финист развернул Герду к себе. — Как ты? Если тебе здесь не нравится, мы можем сбежать вместе. Это будет сложно, но я что-нибудь придумаю.

Герда удивленно уставилась на него. Куда сбежать? Зачем? Пора бы уже открыть глаза и узреть истину. Она ведь так долго хотела сюда попасть. Да-да, именно этого и хотела, поэтому не решалась их оставить, поэтому не ушла сегодня, пока еще был шанс.

— Почему ты ничего не сказал?

Вопрос поставил Финиста в тупик.

— Я думал, так будет лучше, — оправдывался он. — Надеюсь, никто из Компании не узнает, и мы сможем незаметно уйти. Зажить тихой и спокойной жизнью одни.

— А ты когда-нибудь задумывался, что, возможно, я совсем не этого хочу? Почему ты решаешь за меня?

— Ты не понимаешь. Компания — нехорошее место, особенно для тебя.

— Не смей говорить, что я чего-то не понимаю, — взвилась Герда. — Я не дура и все пойму, если вы потрудитесь объяснить.

Развернувшись на каблуках, она зашла в указанную Николаем дверь и с громким стуком захлопнула ее прямо у носа Финиста.

Николя напряженно прислушивался к разговору за дверью и благодарил всех известных богов, что успел уйти до того, как Герда начала задавать неудобные вопросы. Иначе бы тоже пытался на ходу придумывать нелепые оправдания, как олух-оборотень. О, похоже, он взял неверный тон. Дверь хлопнула так громко, что с потолка посыпалась пыль. Надо будет предупредить Герду, чтобы не делала так больше, иначе дверь слетит с петель — они там проржавели сильно. Давно уже следовало их поменять, да все руки не доходили.

В коридоре послышались удаляющиеся шаги. Потом все стихло. Николя уже не надеялся, что этот невероятно длинный день закончится. Едва сняв сапоги, Охотник повалился на постель, даже не потрудившись раздеться.

«Поговори со мной! Я знаю, ты здесь», — впервые за много лет обратился он к Безликому.

«Тебе не понравился мой подарок?» — обычным язвительным тоном осведомился тот.

«Какой еще подарок?»

«А сам не догадываешься? Герда. Ты ведь умирал, как хотел ее увидеть. Тосковал, портретики рисовал украдкой. И женщин, с которыми был близок, каждый раз отталкивал, потому что искал в них ее и не находил. Не отрицай. Я же знаю все твои мысли как собственные.

Я привел девушку сюда, чтобы она вернула тебе то, что ты давно утратил — жажду жизни. А ты при первой же встрече чуть не убил собственную спасительницу, — горько усмехаясь, говорил Безликий, а потом передразнил Эглаборга: — Глупо, ой, как глупо».

Николя на мгновение задумался. И тут его поразила неожиданная догадка. Все вдруг встало на свои места, словно долго не желавшие стыковаться друг с другом куски мозаики вдруг выстроились в четкую картину.

«Ну, конечно, Безликий хозяин масок! Так кот Герды был одной из них?» — подобные мысли посетили его, еще когда Финист упомянул тяжелую ауру, похожую на его собственную. Николя и сам порой замечал ее присутствие зыбкой тенью на грани собственного сознания. Хотел избавиться от нее, но не мог. Как от собственной тени.

До встречи с Гердой Николя не думал, что его бесплотный собеседник может общаться с другими людьми. Порой Охотник даже сомневался в своем здравом рассудке. Ведь это так похоже на сумасшествие — слышать в голове недоступный другим голос.

«Я называю их аватарами — моими воплощениями в материальном мире. Мне нужен был такой образ, которому бы Герда легко доверилась. Добродушный пушистый зверек подошел как нельзя лучше. Может, если бы я и перед тобой надевал эту маску, ты бы не питал ко мне такого предубеждения?»

Николя скривился. Безликий держит его за полного идиота?

«Если я не могу от тебя избавиться, это еще не значит, что я позволю тебе манипулировать мной. Я не одна из твоих послушных «аватар».

«Кто тут кем манипулирует? Да я только и делаю, что исполняю твои желания, — фыркнул Безликий с притворной обидой в голосе. — Ты беспокоился за девчонку — я послал ей защитника. Хотел снова увидеть ее — я привел ее к тебе. Чем ты недоволен?»

«Все, что ты делаешь, оборачивается не тем, чем кажется на первый взгляд. И я уже не знаю, где ждать подвоха».

«На этот раз его нет, — теперь Безликий говорил предельно серьезно. — Просто прими мой подарок. Поверь, ничего более драгоценного ни я, ни этот мир тебе преподнести не сможем. Перестань вести себя, как идиот. Не повторяй моих ошибок».

Николя предпочел не отвечать, да Безликий и не требовал.

«Зачем понадобились остальные?»

«Северный путь тяжелый и неблизкий. Я бы не смог защитить ее от всех напастей один — в мире людей моя власть слаба. Пришлось подыскать надежного провожатого».

«Ты олуха-оборотня называешь надежным?» — скептически хмыкнул Охотник.

«Ты к нему несправедлив. Он неплохой парень, — не слишком уверенно ответил Безликий, а потом добавил: — Когда не напивается вдрызг и не таскается за каждой встреченной юбкой».

«Он посчитал тебя демоном. И знаешь, мне кажется, он недалек от истины. Мы все одержимы тобой. Твои марионетки. Ты дергаешь за нитки, и мы делаем то, что тебе нужно».

«Так боги именно этим и занимаются. Дергают за нитки».

«Чем же они тогда отличаются от демонов?»

«Хороший вопрос. Я и сам когда-то искал на него ответ».

«Нашел?»

Безликий молчал. Видно, на сегодня разговор был окончен. Узнав, что Герде ничего не угрожает, Николя немного успокоился. И все же в глубине души продолжал точить смутный червь сомнения: «Почему Безликий так хочет, чтобы я сблизился с ней? Чтобы манипулировать или ударить так, чтобы окончательно лишить воли? Придется быть очень осмотрительным».

Глава 18. Снисхождение

Герда проснулась поздно. Слишком много пережила и устала накануне. Да и в постели на пуховых перинах под теплым шерстяным одеялом было так хорошо, что вылезать совсем не хотелось. Блаженная нега волнами разливалась по телу. Как же все-таки приятно никуда не торопиться. Знать, что ни завтра, ни послезавтра не ждет дальняя и полная неизвестности дорога, а крыша над головой и сытная еда уже никуда не денутся.

Герда открыла глаза и выглянула из-под одеяла. В комнату лился яркий солнечный свет из окна напротив кровати. Герда приникла к дорогому полностью прозрачному стеклу. Утро выдалось ясным, морозно-искристым. Вдали виднелась заснеженная кромка леса. Ближе, почти у самого дома, прогуливался вне всяких загонов жеребец Николая: взрывал копытами снег, что-то искал под ним, а когда надоедало, носился, задрав хвост трубой, падал на спину и кувыркался долго-долго, отряхивался и несся дальше, подкидывая задние ноги выше головы.

Восхитившись грацией великолепного животного, Герда окинула взглядом комнату. Вечером даже толком не успела ее осмотреть, так безумно хотелось спать. Каморка оказалась совсем крохотной. Из мебели в нее вмещалась лишь небольшая кровать без спинки, да тумбочка с висевшим над ней зеркалом. К противоположной стене наспех приколотили доску с крючками для одежды. Туда Герда и направилась — надела рубашку и подошла к тумбочке, на которой заботливо оставили тазик с теплой водой для умывания.

Приведя себя в порядок, Герда вышла из комнаты. Снизу доносились голоса. Кажется, она заспалась дольше всех. По обрывкам фраз догадалась, что в гостиной на первом этаже Николая экзаменует Ждана с Дугавой. Очень хотелось на это посмотреть, но Герда сомневалась, что ей позволят, поэтому решила на время затаиться. Она замерла посреди лестницы и присела, спрятавшись за перила.

В щель было видно, как Ждан, паря в воздухе, жонглирует над головой разноцветными клубками ниток, постепенно увеличивая скорость, пока они не сливаются в один поток.

— Хорошо, хватит, — раздался исполненный достоинства голос Николая. — Вижу, к показательному выступлению ты готовился старательно, но мы не в цирке.

Кто-то скрипнул зубами, да так, что было слышно на весь дом. Герда сильно подозревала, что это Финист. Не обратив на звук внимания, Николая поставил на стол яйцо.

— Левитируй, — скомандовал он. Ждан испуганно сглотнул, зажмурился и протянул к яйцу дрожащие руки. Следуя за ними, оно медленно поднялось в воздух на локоть, а потом взорвалось с громким хлопком, забрызгав Ждана с ног до головы.

Финист прикрыл лицо руками.

— Ясно, — бесстрастно заключил Николая и протянул Ждану полотенце. — Умойся.

Выждав короткую паузу, Охотник позвал:

— Следующая.

В центр на негнущихся ногах вышла Дугава. Ее заметно потряхивало от волнения.

— На подготовленные демонстрации я уже насмотрелся, так что не будем тратить время зря и сразу перейдем к моему заданию.

Дугава бросила вопросительный взгляд на Финиста. Тот снова громко скрипнул зубами.

— Х-хорошо, — испуганно выдохнула иллюзионистка.

— Не слышу.

— Хорошо! — взвизгнула она.

— Замечательно. Тогда... — Николая на мгновение задумался. — Покажи что-нибудь страшное. Напугай меня.

Дугава едва слышно заскулила от отчаяния. Финист снова спрятал лицо в ладонях. Герда не представляла, чем можно напугать Николая и мысленно сочувствовала подруге. Ну почему ему надо быть таким строгим?

— Я жду, — нетерпеливо напомнил Николая и поставил перед Дугавой таз с водой. Это было очень любезно с его стороны, так как без нее иллюзии получались блеклые и даже просто впечатлить не могли, не то, что напугать. Дугава замерла. Из воды со зловещим хохотом выпрыгнула шестерка огромных бурых волков со светящимися глазами. Сердце Герды бешено заколотилось от воспоминаний о пережитом в старом лесу Кундии ужасе.

— Варги? Да на них даже недотепы-рыцари охотятся, — покачал головой Николая. Финист презрительно скривился. Весь вид оборотня красноречиво говорил, что он бы сам с удовольствием посмотрел, как этот зазнайка охотится на варгов.

Дугава судорожно вздохнула и снова зажмурилась. Варги слились в длинное, покрытое шипами тело виверны. Теперь вздрогнул Финист. Змея выгнулась и с громким шипением кинулась на Охотника. Тот даже не шелохнулся.

— Виверна? Шутишь что ли? Этим разве что Эглаборга напугать можно.

Из кухни донесся грохот посуды. Видимо, слышимость в доме была отличная, а целитель действительно питал весьма недвусмысленные чувства к гигантским гадам.

— Осталось третья попытка, — привлек к себе внимание Николая.

Дугава поморщилась и снова закрыла глаза. Виверна исчезла. Вода в тазике испарилась вся без остатка, и в напитанном ею воздухе начала разворачиваться грандиозная картина, та самая, которую Герда видела в волотовке.

Помост на главной площади Стольного, вокруг которого сложен огромный костер. Толпа беснуется в ожидании жестокой расправы над очередным колдуном или ведьмой. Люди расступаются, чтобы дать дорогу чудовищно громахующей телеге, на которой везут жертву — девушку с остриженными волосами в одном нижнем платье. Молчаливые Голубые Капюшоны возводят ее на помост, привязывают к шесту и поджигают костер. Огонь занимается очень быстро, языки пламени целуют пятки несчастной. От порыва ветра с одного из ее мучителей падает капюшон. Он разворачивается лицом к зрителям, и его разноцветные глаза, не мигая, смотрят на Охотника.

— Хватит, — громче, чем надо, сказал Николая.

Забрызгав все вокруг, в таз плюхнулась неиспользованная вода. Видение исчезло. Вместо него на Охотника удивленно уставились четыре пары глаз.

— Достаточно, — взяв себя в руки, предельно спокойно отдавал распоряжения Николая.

— Я сдала? — слабым голосом спросила Дугава.

— Об этом станет известно позже, погуляйте немного. Мне надо обсудить результаты с вашим наставником.

Обменявшись встревоженными взглядами, Ждан с Дугавой послушно встали и поднялись на лестницу. Дойдя до середины, они обнаружили затаившуюся там Герду и присоединились к ней.

— Я знал, что все будет плохо, но чтобы настолько, — зашептал Ждан, присаживаясь поближе к перилам, сясь расслышать, что обсуждали Финист и Николая, но те говорили слишком тихо.

— Что будет, если он нас с позором выгонит? Пойдем побираться? — запричитала Дугава.

— Уверена, все будет в порядке. Его явно впечатлила твоя иллюзия. Хотела бы я видеть того, кого она не впечатлила, — постаралась успокоить ее Герда.

— Не слишком ли много ты на себя берешь?! — взбудоражило их неожиданное восклицание Финиста.

— Кажется, я просил не повышать на меня голос, — четко выговаривая каждое слово, произнес Николая, словно собеседник плохо слышал и туго соображал.

— Конец, это конец! Теперь мы точно не сдадим, — заскулил Ждан.

— Ладно, можешь быть свободен. Толку от этого обсуждения никакого, — после короткой паузы заключил Николая.

— Но я еще не закончил! — горячо возразил Финист.

— Я сказал, свободен! — не сдержав раздражения, рявкнул Николая и указал на лестницу.

Финист снова скрипнул зубами и неохотно подчинился. Поднялся по ступеням, но добравшись до импровизированной засады своих учеников, тоже к ним присоединился.

— Плохо, да? — шепотом спросила Дугава. Тот не ответил.

— Почему тебе постоянно надо заедаться? — чуть ли не с кулаками накинулся на него Ждан. — Себя не жалко, так хоть нас бы пожалел.

— Причем здесь вы? — небрежно бросил Финист. — Мы вообще не экзамен обсуждали, — и недвусмысленно покосился на Герду.

Она недоуменно моргнула. Он на что-то намекает? Пусть скажет прямо!

— Я уверена, что все сложится наилучшим образом, — упрямо сказала Герда. Раздался общий тяжелый вздох, выразивший скептическое отношение к ее словам.

— Ты прошлой ночью пытался с его конем поговорить, я видел, — сменил тему Ждан, чтобы ожидание не казалось настолько гнетущим. — Что он сказал?

— Ничего, — мрачно ответил Финист. — Он отказался со мной разговаривать.

— То есть как отказался? — ахнула Дугава. — Ты ведь любое животное можешь заставить, сколько раз хвастался!

— Так если бы это было животное, — печально вздохнул тот. — Демон это натуральный, чуть мне руку не оттяпал. Не знаю, откуда его взял достопочтеннейший инспектор, но могу сказать совершенно точно, вороной жеребец — не животное вовсе.

Герда вспомнила, с какой грацией двигался во дворе конь, словно парил над снегом. Может, в словах Финиста есть доля истины?

— Уже закончили обсуждать мою лошадь? — донесся снизу голос Охотника. Все разом вздрогнули. — Спускайтесь, объявлю ваши назначения.

Финист и Дугава со Жданом поднялись и пошли обратно в гостиную.

— Герда, и ты спускайся, — более мягким тоном позвал Николая. — Не люблю, когда за мной исподтишка наблюдают.

Поняв, что ее раскрыли, но отчитывать не собираются, она последовала за друзьями. Вчетвером они устроились на обитом бордовым бархатом диване, напротив которого стояло кресло Николая с высокими резными ручками в виде львиных голов. Сам он сидел в нарочито небрежной позе, закинув ногу за ногу. Рядом на столе лежало две бумаги, скрепленные печатью компании Норн, изображавшей трех старух, черпающих воду из источника.

— Так мы сдали? — пораженно ахнула Дугава, потянувшись к бумаге со своим именем.

— Читайте, — кивнул Николая.

Ждан тоже схватил рекомендательное письмо — это было именно оно — и быстро пробежал по нему глазами.

— ...присвоить звание левитатора третьего уровня и принять в военную академию компании Норн, — Ждан удивленно поднял глаза на Николая. — Как в военную академию? Я ведь и оружие толком держать не умею. Какой из меня военный? Спросите хоть у Финиста.

Тот развел руками, не желая больше вступать в споры.

— Не переживай, там тебя быстро всему научат, — усмехнулся Николая.

— Погодите, вы дали мне второй уровень и рекомендацию к стажировке у придворного иллюзиониста Дюарля? — настала очередь Дугавы удивляться.

— Она как раз искала себе подмастерье, — кивнул Николая. — Но если не нравится, я могу придумать что-нибудь другое.

— Нет-нет, просто это... дворец Дюарля! Я увижу самого короля! — Дугава чуть не бросилась на шею к инспектору, но тот предусмотрительно выставил перед собой руки.

— А где бумага для Финиста? — прервала ликование Герда. — Его ученики успешно прошли экзамен, значит, и он достоин повышения.

Все, кроме Финиста, который, сложив руки на груди, пристально рассматривал древесный рисунок на полу, уставились на Николая.

— Боюсь, мастеру Финисту придется на некоторое время задержаться, ведь у него остались другие ученики, которые тоже нуждаются в наставлении, — выдавив из себя некое подобие добродушной улыбки, ответил Николая. — Когда он их обучит под моим надзором, я с удовольствием похлопочу и за него.

— Что еще за новости? — нахмурился тот. — Если собираешься выгнать с позором, так, пожалуйста, сделай это сразу. Потому что от тебя и тебе подобных я издевательства терпеть не намерен! У меня еще осталась гордость, что бы вы там в компании ни думали.

Николя закатил глаза и, устало вздохнув, сказал:

— Никто над тобой не издевается. Просто ты притащил в мой дом двух незапланированных учеников. Майли с Вожыком угрожала смертельная опасность, и ты их спас — молодец. Только теперь, будь добр, доведи начатое до конца, а не перекладывай ответственность на мои плечи. Обучи медиума и пирокинетика, и можешь идти на все четыре стороны, если тебе так угодно.

— Как насчет моей просьбы? — прищурился Финист. — Я согласен обучить всех, кого привел.

— Извини, нет.

— Почему?

— Потому что я так решил. Я не обязан отчитываться о причинах.

Ждан с Дугавой ошалело переводили взгляд с одного мужчины на другого, силясь понять, о чем спор. Герда подозревала, что причастна к их распрям, но не понимала, почему. От продолжения неприятного разговора спас стук в дверь. В прихожей раздались шаги, а потом голоса.

— Пришел капитан Мейдоголды, — громко сообщил Эглаборг.

— Веди его сюда, — ответил Николая.

В гостиной показался высокий смуглый мужчина с волосами неопределенного серо-зеленоватого оттенка и хитро прищуренными бирюзовыми глазами. Из уголка рта свисала тонкая бурая нить. От одежды едва уловимо пахло водорослями.

— Это Сальермус, капитан корабля, на котором вы поплывете в Дюарль, — поспешил представить его Николая.

— Мое имя Сайлус, — раздраженно поправил капитан и скучающим взглядом обвел всех собравшихся, ненадолго задержался на Дугаве, а потом снова обернулся к Николаю. — Когда отчаливаем?

— Сейчас. Они позавтракают, и можно ехать.

— Мастер Николая, на пару слов, — деликатно просил целитель.

Охотник скрепя сердце отошел.

— Что бы там ни было, быстрее. Не хочу их одних оставлять, — обронил он, когда они оказались в прихожей. — Этот оборотень и мертвого доведет до бешенства, а я битый час потратил на то, чтобы уговорить Сайлуса помочь. Если он откажется, то следующего корабля придется ждать не меньше двух недель.

Эглаборг неодобрительно цыкнул языком и покачал головой:

— Просто хотел поинтересоваться, не случилось ли у вас что с головой.

— Нет, вроде, — растерянно моргнул Николая.

— Что-то незаметно. На кой ляд вы оборотня здесь оставляете? Сами же обещали не злобствовать. Он хорошо ребят обучил, лучше, чем все остальные наставники, которые сюда приходили. Так и дали бы ему это несчастное повышение, а не задерживали у нас. Вы же первым вззоете. Даже пяти минут с ним без криков не можете вытерпеть.

— Ты не понимаешь. Он умудрился заработать на голубиных станциях такую репутацию, что мне придется придумать очень веский повод, чтобы его повысили. Кроме того, у меня действительно нет времени возиться с учениками, а если отправить их в Дюарль, то корабль рискует пойти ко дну, не выйдя в открытое море.

— Боюсь, что если вы оставите их здесь, то ко дну пойдет весь наш дом со мной во главе!

— Обсудим это позже, — веско оборвал Охотник.

Пока Николая разговаривал с Эглаборгом, Финист подошел к Сайлусу и начал с подозрением оглядывать его со всех сторон. От него несло не только тинной, но еще и чем-то темным, непонятным, словно сочившимся из самой глубокой океанской впадины.

— Давно в море плаваете? — деловито поинтересовался Финист, с трудом преодолевая инстинктивное желание схватиться за меч.

— Всю жизнь, — Сайлус отступил на шаг, явно ощутив исходившую от собеседника угрозу.

— Кораблем командуете сколько? — Финист сделал шаг вперед, наступая.

Моряк замер, видно, решив все же отстоять позицию, и скрестил руки на груди в защитном жесте:

— Лет пять без малого.

— В Дюарле приходилось бывать?

Финист тоже замер — подходить ближе было уже совсем неучтиво.

— Много раз. Почему такой допрос? — капитан с вызовом глянул ему в глаза и сам подался вперед.

Теперь попятился Финист, на ходу придумывая оправдания своей мнительности.

— Хочу убедиться, что мои ученики в надежных руках. Слышали поговорку: «От морского народа хорошего не жди».

Сайлус зло прищурился. Финисту показалось, что он вот-вот развернется на каблуках и уйдет. Интересно, как к этому отнесется Охотник? Впрочем, плевать!

— Нет, — притворно-задумчиво протянул моряк и тут же язвительно оскалился: — Зато слышал, что вьедливей небесных только гигантский кракен.

Финист нахмурился, не поняв намека. Тут вернулся Николая и встал между ними.

— Завтрак на столе. Будите остальных и приходите. Корабль готов, так что не стоит терять время, — громко объявил он.

— Какой-то странный этот капитан. Ты уверен, что он не демон? — зашептал Финист на ухо Николая. Охотник измученно закатил глаза и потянул его за собой в столовую.

К завтраку собрались довольно быстро. Герда привела из мужской спальни Вожыка. Он проснулся уже давно, но один в чужом доме вставать боялся — ждал, пока за ним придут, и был счастлив снова увидеть Герду, целую и невредимую. Хотя Николая пытался ему объяснить, что огонь ее не задел, мальчик не верил, пока не убедился сам. В столовую они спустились вместе, держась за руки, и уселись между Дугавой и Жданом. Места возле Финиста и Николая были свободны (они сидели друг напротив друга и старательно пытались не пересекаться даже взглядами), но занять одно из них Герда не решилась, боясь усугубить напряжение.

Майли спустилась последняя. Заспанная, мертвецки бледная, с черными кругами под глазами, она двигалась медленно, как сомнамбула, то и дело натыкаясь на углы. Заметив ее, Николая вопросительно глянул на Финиста. Тот, подперев подбородок кулаком, задумчиво водил ложкой по пустой тарелке и ни на что не обращал внимания. Тяжело вздохнув, Охотник сам взял девушку под руку, довел до стола и усадил рядом с собой. Майли реагировала на все очень вяло.

Эглаборг спешно подал ей дымящееся резко пахнущее зелье, а Николая влил в рот. Она вырвалась, часто задышала и приложила руку к губам, сдерживая рвотные позывы. Как только они схлынули, ее взгляд стал намного более ясным. Эглаборг поставил перед Майли тарелку, на которой лежали два вареных яйца и кусок масла, а запивать принесли жирные сливки в грубой глиняной пиале. Майли поморщилась. Должно быть, ей не приходилось раньше есть такую тяжелую пищу. Но на возражения сил явно не хватало, поэтому пришлось смириться.

Остальным подали яичницу с жареным беконом. Все жадно накинулись на еду. Они уже и забыли вкус нормальной пищи, обходясь жидкой походной кашей из всего, что попадалось под руку. Простое блюдо показалось верхом кулинарного искусства. Даже Финист смягчился, почувствовав приятную сытую тяжесть в животе, и хоть немного стал прислушиваться к происходившему за столом.

— Почему мы так спешно уезжаем? — неожиданно подала голос Дугава, которая обычно если и жаловалась, то только в самом крайнем случае. — Мы ведь так долго сюда добирались, и вот опять дорога. Даже день не отдохнули. К чему такая спешка?

— Вы сильно задержались в дороге. Надо спешить, чтобы наверстать упущенное время, иначе у вашего наставника будут неприятности, — Николя выразительно глянул на Финиста. Тот снова понурил голову. — Да вы и сами видите, дом у меня маленький и на столько гостей не рассчитан. Не беспокойтесь, у Сайлуса отличный корабль и команда, а сам он превосходный моряк. Лучше во всей Лапии не сыщешь. Мигом вас до Дюарля домчит, там и передохнете.

— Тогда можно нам Герду с собой взять? Она наш друг и мы не бросим ее тут совсем одну, правда, Ждан? — решительно попросила Дугава. Ждан кивнул.

Герда испуганно посмотрела на Николя. Из-за утренних экзаменов она совершенно забыла рассказать друзьям о вчерашнем разговоре с инспектором. А они про нее не забыли. Это трогало до глубины души, но...

— Боюсь, ей, как и Финисту, придется задержаться здесь на некоторое время, — не отрывая взгляд от Герды, ответил Николя. — Ему понадобится помощь с учениками.

Она нахмурилась. Почему он не сказал про ее дар?

— Тогда обещайте, что не будете ее обижать, — не унималась Дугава.

— Не беспокойтесь, здесь остается Финист. Уж он-то за этим присмотрит, — заверил Николя с нескрываемым сарказмом.

— Ведь и правда, — смутилась иллюзионистка.

Герда перевела взгляд с Охотника на Финиста. Оборотень смотрел на Николя со злым прищуром. Кажется, впереди ждет далеко не такое безоблачное будущее, которое она успела себе придумать.

После завтрака Охотник снова собрал всех в гостиной.

— Думаю, вы захотите проводить друзей на корабль, — обратился он к тем, кто оставался жить под его крышей. — Заодно и город посмотрите. Эглаборг, отведи их к портному и цирюльнику, чтобы они могли привести себя в порядок.

— Мастер Николя, — вкрадчиво обратился к нему целитель. — Мне хотелось напомнить, что вам тоже не помешало бы привести себя в порядок.

— Это подождет, — отмахнулся Охотник. — У меня сейчас дел по горло, как-нибудь в другой раз.

— Другой раз у вас длится уже какой месяц, — посетовал Эглаборг, но настаивать не стал.

Друзья в последний раз отправились в дорогу вместе.

Провожали долго, обнимались, обещали писать. Сайлус терпеливо ждал на палубе, игнорируя пристальное внимание Финиста к своей персоне. Когда все слова оказались сказаны, а слезы выплаканы, Ждан с Дугавой поднялись по трапу, корабль снялся с якоря и отчалил. Герда, Финист, Майли и Вожык махали ему вслед, пока белоснежные паруса не скрылись за горизонтом.

Проводив друзей, они, как и предложил Николя, отправились гулять по городу. Упсала оказалась гораздо больше и богаче остальных поселений Лапии, в которых им довелось побывать. Здесь чаще встречались большие дома на высоком фундаменте, бедных лачуг и хибар не было совсем.

Все здания ухожены, двери и ставни выбелены, двускатные кровли увенчаны причудливыми резными коньками, а с улицы к порогам заботливо расчищены небольшие дорожки. В центре города дома мостятся один к одному, почти касаются друг друга стенами, а к окраинам стоят все реже с огороженными большими дворами. Здания сплошь

деревянные, строительного леса тут с избытком, хотя и камня не меньше, ведь за городом на севере небо подпирает тянущееся до самого Хельхейма Утгардское нагорье.

Не деревянным оказалось лишь одно самое высокое строение с колокольной, похожее на единовременную церковь, но не из белого камня, а обычного кирпича, облицованного красным гранитом, — ратуша в центре рыночной площади. Возле нее кругом расположились ремесленные и бакалейные лавки, каждая с красочной вывеской над входом. Друзья остановились у той, где были нарисованы женское платье и мужской камзол, и вошли внутрь.

Над дверью пронзительно зазвенел колокольчик, предупреждая хозяина о появлении покупателей. В глубине слышались неторопливые шаги. Вскоре показался высокий худощавый мужчина с тоненькими тараканьими усами и большими залысинами на висках. Он оценивающе осмотрел столпившихся у входа гостей и презрительно поморщил нос. Лавка была не из дешевых, и желанием обслуживать оборванцев портной явно не горел. Так бы и выгнал стоявшей в углу метлой, если бы вперед не вышел Эглаборг.

— Гостям мастера Николая нужна новая одежда, — вежливо заговорил он. Лицо портного тут же расплылось в елейной улыбке. Видимо, имя Охотника имело в городе большой вес.

— Всегда рад помочь гостям мастера дю Комроя. Кто первый?

Эглаборг удалился по своим делам, а друзья в нерешительности переминались с ноги на ногу, пока Майли, все еще немного сонная, не подошла к полке с тканями и начала внимательно их перебирать, щупая руками и разглядывая рисунок. Ей сразу же приглянулся блестящий алый атлас, и она поспешила отложить его в сторону.

— Госпожа разбирается в тканях? — с интересом спросил портной.

— Самую малость, — пожал плечами Майли. — Может, у вас есть что-нибудь готовое?

— Для такой прелестной госпожи обязательно найдется. Пройдемте померим?

Майли хлопнула ресницами и очаровательно улыбнулась. Compliment явно придал ей бодрости. Она подала портному руку. Тот, галантно коснувшись ладони губами, повел девушку вглубь лавки. Герда с Финистом удивленно переглянулись. Интересно, этому Майли в монастыре научили или она уже родилась манерной кокеткой?

Минуты ожидания тянулись мучительно долго. От скуки Герда тоже подошла к полке с тканями и начала их перебирать. Цвета были сплошь пестрые, а сукно грубое и тяжелое. Ткани абсолютно не нравились, к тому же она не слишком в них разбиралась. Подносила к себе то один кусок, то другой, смотрелась в зеркало и убирала обратно.

Поняв, что ничего себе не выберет, Герда подозвала Вожыка и попыталась найти что-нибудь для него. В конце концов, больше никто на него внимания не обращал, а сам он сильно робел в незнакомой обстановке. А без обновок ему никак нельзя — старая одежда совсем обветшала и от заплат стала похожа на лоскутное одеяло. Вожыку, впрочем, было безразлично в чем ходить, главное, чтоб на девочку не быть похожим. Когда Герда поинтересовалась, почему он так этого боится, Вожык удивился, что это может быть кому-то непонятно. Он ведь мальчик и точка. Герда звонко рассмеялась в ответ.

Ее веселье заразило и Финиста. Словно невзначай положив руку Герде на плечо, он тоже принялся рассматривать ткани... или просто делал вид? Услышав шаги в дальнем конце лавки, Герда шустро выскользнула из его объятий, боясь, что Майли это может сильно задеть — она ведь только-только начала отходить от припадка.

Через мгновение портной вернулся вместе со счастливо улыбающейся наследницей в

новеньком платье из темно-зеленого сукна, которое очень удачно подчеркивало карие глаза. К ним портной подобрал коричневый плащ с капюшоном, отороченным лисьим мехом.

— Ну как? — покрутилась перед друзьями Майли, чтобы они в полной мере оценили наряд.

— Здорово, — за всех ответила Герда.

Финист промычал что-то нечленораздельное.

— А из того атласа мастер Шосс сошьет мне шикарное выходное платье, — поспешила добавить Майли. Герда с Финистом переглянулись и одновременно вздохнули.

— Так, кто дальше? — портной с воодушевлением потирал руки. Модница из Будескайска сильно его раззадорила.

Майли схватила Финиста за руку и достала из стопки тканей несколько кусков.

— Вот эта красно-коричневая на камзол очень пойдет, а светлая на штаны. И покажите те темные, что я в примерочной видела.

Портной согласно кивнул и потащил упирающегося Финиста в конец лавки. Оборотня хотя бы ждать пришлось не так долго. Портной одел его в темно-серые штаны и длинную светло-рыжую кофту, подпоясанную кожаным ремнем. Поверх накинул черный плащ с оторочкой из меха куницы. Новая одежда Финисту очень шла, но в голове Герды с его образом не вязалась. В ней он выглядел как-то... нелепо. В самом деле, Финист — городской щеголь?

Зато Майли, критически оглядев своего возлюбленного рыцаря, просияла и от умиления захлопала в ладоши. Финист вскинул одну бровь, повернулся к зеркалу и свесил голову набок. Неужели ему понравилось?!

— Следующий! — все так же радушно позвал портной. Герда взяла Вожыка за руку и повела в примерочную.

— Для детей ничего готового нет. Придется ждать, — портной поставил мальчика на табурет и начал снимать мерки. — Думаю, светлые бриджи и веселенький голубой камзол подойдут. Будет у нас маленький паж.

Портной добродушно потрепал Вожыка за щеку. Тот болезненно поморщился. Герда представила себе юного пирокинетика в роли пажа и поперхнулась.

— Давайте что-нибудь попроще и поудобней. Широкие штаны и куртку из чего-нибудь не маркого и прочного, — она подала портному кусок плотного темно-синего сукна, которое подобрала для мальчика.

Вожык просиял. Такая ткань показалась ему гораздо более мужественной, чем «веселенький голубой камзол». Портной поджал губы — видно, ему не нравилось, когда к его мнению не прислушивались. Но Герда настояла, а отказывать гостю мастера Николя он не решился. Закончив снимать мерки, портной аккуратно записал их на листок бумаги и, когда Вожык покинул примерочную, занялся Гердой. Это оказалось сплошной мукой. Ей ничего не хотелось и не нравилось, а подобрать что-то, что бы шло к ее бледной коже, серо-стальным глазам и короткой прическе, оказалось очень трудно.

— Осталось только то унылое, — он указал на простенькое платье из светло-серого сукна с белой вышивкой по вороту и подолу.

— Давайте унылое, — безучастно согласилась Герда. Она уже порядком устала от примерки и уверилась, что недостаточно красива для дорогих одежд.

— Совсем с рубахой сливается, — посетовал портной. — Может, хотя бы рукав расклешенным сделать?

— Не стоит. Бесполезно это, — она быстро сняла с себя платье и надела старую одежду.

— Давайте, я хоть мерки сниму. Сошьем что-нибудь по вашему вкусу!

Герда упрямо покачала головой и вышла из примерочной. Взяла лишь плащ — самый обычный черный, подбитый кроличьим мехом — и закуталась в него, чтобы остальные не заметили, что она ничего не купила, и не приставали с расспросами. Вскоре вернулся Эглаборг, чтобы отвести их к цирюльнику.

Цирюльник встретил их более радушно, чем портной, сразу заметив в дверях Эглаборга. Первой стричься снова вызвалась Майли. Лавочник возился с ней очень долго, желая сотворить произведение искусства. Когда девушка вышла, волосы ее оказались завиты и подняты в пышную высокую прическу, оголившую изящную шею, которой касался один единственный высвобожденный черный локон. Герда отстранено подумала, что если бы ей сделали такую прическу, когда у нее были длинные волосы, то голова бы раскололась от возложенного на нее веса.

— Ах, это просто мечта! — радовалась Майли, разглядывая себя в зеркало. — Финист, если бы ты сразу сказал, что здесь с нами будут так хорошо обходиться, я бы никогда и ни в чем не стала тебя упрекать.

Оборотень скептически хмыкнул и тоскливо посмотрел на Герду. Она слабо улыбнулась в ответ, показывая, что ей здесь тоже неуютно. Поскорей бы все закончилось.

Усадив Финиста в кресло, Майли с воодушевлением принялась показывать, где, что и как нужно состричь. Вскоре лицо Финиста оказалось гладко выбрито, волосы висках коротко подстрижены, а на затылке оставлены чуть длиннее. С этой прической и в новой одежде он действительно напоминал рыцаря из знатного кундского рода, рыцаря, которого Майли вылепила собственными руками.

Встряхнув головой, Герда решительно взяла Вожыка под руку и повела стричься.

— Что прикажете с этим делать? — озадаченно спросил цирюльник, разглядывая густые космы на голове мальчика.

— Подстричь, — пожалала плечами Герда, все еще наблюдая за Майли и Финистом.

Наследница гладила оборотня по волосам, широко улыбаясь, и что-то беспрестанно говорила. Наверное, снова сыпала комплиментами, а в глазах Финиста было нечто говорившее, что новый облик пришелся ему по душе. От этого было так странно, неприятно... Слово одежда и прическа превращали его в кого-то чуждого, далекого. Вряд ли он станет смотреть на нее как раньше, если она сама ни капельки не изменится.

— Посмотрите, все ножницы об эту волчью шкуру затупились! — пожаловался цирюльник, показывая Герде инструмент.

Вместо этого она посмотрела на Вожыка. Теперь он походил на обычного мальчика из приличной семьи с аккуратной прической. Герда погладила его по голове и устроилась в кресле вместо него.

— А вас я постричь не смогу, — развел руками цирюльник. — Нечем. Да и что прикажете делать с такими волосами? Знаете, эти ваши новомодные короткие прически не просто вульгарны, но еще и уродливы. А я... я ведь своего рода художник! И как художник отказываюсь работать с таким материалом.

— Хорошо, — тихо ответила Герда. Уродливы, так уродливы. Кто же спорит? Она почувствовала, что вот-вот расплачется, медленно встала и подошла к остальным.

— Можем возвращаться, — стараясь казаться спокойной, предложила Герда. Хотелось поскорей запереться в каморке и дать волю чувствам.

— Надо еще к сапожнику зайти. Какой смысл в новой одежде, если к ней нет подходящей обуви? — воодушевленно предложила Майли.

— Думаю, у нас есть немного времени, — пожал плечами Эглаборг.

Герда тяжело вздохнула. Получить еще одну порцию унижений она совсем не жаждала, но возражать не решилась, видя, что остальным идея пришлась по душе.

Сапожник встретил их, как добрых гостей, даже не заметив Эглаборга, который где-то отстал. Дорогая одежда и прически Майли и Финиста сыграли свою роль. Сразу понятно, люди приличные и деньжата у них имеются, раз могут позволить себе такое. Майли подошла к полке с изящными бальными туфельками из парчи, бархата и шелка. Их было совсем немного. Спросом они не пользовались, но все же выглядели очень привлекательно. С трудом оторвавшись от них, Майли выбрала более практичные остроносые туфли из кожи с каблучком-рюмочкой и зимние ботинки на меху, а потом обратила внимание на Финиста, который уже и сам нашел недурно выглядящие сапоги из коричневой кожи с позолоченными пряжками. Готовой обуви маленького размера для Вожыка снова не оказалось. Сапожник снял мерку и обещал смастерить ее к тому времени, как портной закончит шить одежду.

Себе Герда даже подбирать ничего не стала — слишком расстроил ее визит к портному и цирюльнику. Заинтересовалась лишь черными сапогами для верховой езды из мягко выделанной кожи. В Дрисвятах она таких не видела — там их делали очень жесткими и грубыми. Сидели они плохо и сдавливали ноги. Эти же наоборот выглядели удобными настолько, что стало любопытно их примерить.

— Это мужские, — предупредил сапожник, когда увидел, что она снимает обувь с полки.

Герда пожалала плечами. Она ведь не собирается их носить, только примерить.

Прозвенел колокольчик. Все взгляды обратились к двери. На пороге показался раскрасневшийся с мороза Николая.

— Нагулялись? — радушно спросил он, разглядывая своих гостей. — Еле вас нашел. Понравилось в Упсале?

— Очень! — радостно воскликнула Майли. — Сколько всего мы купили! Не знаю даже, как отблагодарить вас за доброту и щедрость.

Она завертелась перед ним, показывая свой наряд, а потом ткнула пальцем в напряженно разглядывающего пол Финиста.

— Посмотрите на него, разве можно поверить, что тот оборванец, которого вы встретили два дня назад в горах и этот знатный мастер один и тот же человек? — голос Майли звенел от восторга не хуже дверного колокольчика. Она взяла Финиста за руку и подтолкнула навстречу Охотнику. — Ну же, ты обязан поблагодарить мастера Николая за те деньги, что он на нас тратит.

Финист напрягся, сжав губы в тонкую полоску. Охотник лишь безразлично пожал плечами:

— Не стоит. Деньги все равно не мои, а компании.

— Мастер Николая, а ведь Майли права. Теперь Финист лучше вас выглядит, — невзначай шепнул на ухо Эглаборг.

— Не хватало мне еще с ним одежкой мериться, — Охотник поморщился и отмахнулся.

Майли и Финист начали громко спорить по поводу обуви. После того, как оборотню напомнили, кто платит за развлечения, он тут же вернул с таким трудом выбранные сапоги лавочнику. И уже собирался идти к портному, чтобы оставить там всю купленную одежду.

Николя, не обращая на них внимания, направился к Герде. Она безуспешно пыталась продеть ногу в сапог с очень узким голенищем. От напряжения даже губу закусил, а Николя и вовсе не замечала, пока тот не опустился возле нее на корточки.

— Помочь? — спросил он и, не дождавшись ответа, коснулся ее ноги.

Герда вздрогнула и испуганно уставилась в его глаза. Они были совсем другие, чем у Финиста, темные, непроницаемые. Не выдавали ни мыслей, ни чувств. Чего он хочет? По телу пробежали мурашки, к щекам прилила кровь. Его пальцы медленно скользнули вдоль икры и легко натянули сапог до колена. Дышать стало тяжело, сердце зашлось бешеным стуком, грозя вот-вот вырваться из груди.

Ощувив ее испуг, Николя отнял руку и, с трудом сдерживая улыбку, спросил:

— Ну как?

— Жмет здесь, — суматошно прикрыв колени юбкой, Герда показала на голень. — А в стопе велик.

— Тогда давай снимем, — он снова потянул за сапог, но на этот раз касаться ноги не стал.

Избавив ее от обуви, Николя подозвал лавочника:

— Сшейте по ее мерке такие же.

— Но они же мужские, — возразил тот.

— Какая разница? — сказал Охотник таким тоном, что сапожник и сам начал задаваться этим вопросом.

— Не стоит, — заупиралась Герда. — Эта обувь слишком дорогая, тем более мне не с чем и некуда ее носить.

— Ты ничего не купила? — подозрительно спросил Николя.

— Только плащ, — она пожала плечами.

Охотник задумчиво хмыкнул, а потом все-таки заставил сапожника снять мерку с ее ног. Лавочник пообещал через неделю сшить сапоги, достойные самой королевы Дану. Герда слабо улыбнулась и снова опустила глаза. Николя решительно взял ее за руку и потянул к выходу. Она не сопротивлялась — уже давно хотелось выбраться отсюда. Тем более, для Вожыка она уже сделала все, что могла. Оставалось надеяться, что Финист с Майли не забудут проводить его домой. Эглаборг-то точно не должен. По крайней мере, он хотя бы внешне казался достаточно внимательным и серьезным.

— Куда вы? — перегородил дверь Финист.

— Тебе-то какое дело? У тебя есть свои ученики. Вот за ними и следи, — Охотник глазами указал на скупающего у прилавка Вожыка и заставил оборотня посторониться. Герда виновато посмотрела на него. Финист выглядел очень обеспокоенным. Переживает, что Николя снова попытается причинить ей вред? После вчерашнего они так и не объяснились, но Герда не чувствовала страха за свою жизнь. Ни теперь, ни даже тогда.

— Куда мы? — запоздало поинтересовалась она.

— Увидишь, — загадочно подмигнул Николя и поманил за собой.

Они двинулись вдоль узких улочек к видневшимся на краю города холмам. Не дойдя до них совсем чуть-чуть, Охотник резко остановился и оглянулся по сторонам, крадучись добрался до угла ближайшего дома и, обернувшись к Герде, приложил палец к губам, призывая сохранять молчание. Она оцепенела. Неужели он заметил демонов?

Охотник украдкой выглянул из-за угла и выдернул оттуда двух перепачканных в снегу и сильно потрепанных мальчишек.

— Здрасьте, а у нас тут засада, — живо сообщил один из них, светловолосый с пухлыми розовыми щеками. Второй, темноволосый и щуплый, пихнул его в бок. По-видимому, засада была тайной.

— Мама велела привет передавать, — заговорил он вместо товарища. — Про здоровычко спрашивала...

— Мама велела домой возвращаться, — перебил его Николая. — И живо, пока отец с охоты не вернулся и не задал тебе трепку.

Мальчонка тут же суксился, попрощался с другом и понесся к холмам с такой скоростью, что только пятки сверкали.

— Ну так... — нерешительно начал светловолосый. — Я тоже пойду?

— Иди, только я отцу твоему все про вашу засаду расскажу. И про снежки, и про раскатанный лед, и про драку с детьми рыбаков, про все расскажу.

— Ой, только не отцу, лучше маме.

— Нет-нет, именно отцу, хотя... если ты мне поможешь.

— Да я что угодно сделаю.

— Хорошо. Мы как раз к твоей сестре идем. Надо, чтобы ты с Гудой посидел, пока мы разговаривать будем.

— Ой, только не сидеть с Гудой!

— Что ж, не хочешь сидеть с племянницей, будешь вместо этого весь вечер на горохе стоять.

Мальчик от досады издал странный звук, похожий на рев раненного животного. Николая задумчиво почесал затылок и, пробормотав себе под нос: "Что за дети пошли!", снова взял Герду за руку. Втроем они подошли к одному из недавно построенных на окраине домов с двускатной черепичной крышей и большим двором, огороженным редким низким забором. Калитка была распахнута настежь, поэтому они беспрепятственно поднялись на высокое крыльцо. Николая заглянул в окно и постучал в дверь. Послышались шаги. Вскоре на пороге показалась молодая светловолосая женщина, румяная, пышнотелая — в Дрисвятах про таких говорили "кровь с молоком". При виде Николая она широко улыбнулась, но прежде чем успела произнести слова приветствия, вперед вылез мальчишка и с деловым видом осведомился:

— Есть что пожрать? Я с Гудой нянькаться пришел.

— О, духи, кто тебя так выражаться научил? А если я папе расскажу? — строго выговорила женщина.

— Анка — ябеда, — обиженно ответил тот. — Скучные вы все. Где ребенок? Я готов отбывать повинность.

— Придержи лошадок, Лейф, — мягко отстранил его Николая. — Нам с твоей сестрой вначале поговорить нужно.

— Отвлекать меня будешь? — Анка игриво выгнула бровь. — Ну давай, ты же знаешь, ни одна женщина Упсалы против твоих чар устоять не может.

— Ты мне льстишь, — усмехнулся Охотник. — Но раз так, может, окажешь мне одну услугу?

— Для милого Николая все, что угодно, — женщина снова широко улыбнулась.

— Ловлю на слове, — глаза Николая лукаво прищурились. — Это Герда, моя подопечная. Сможешь для нее что-нибудь из своих старых вещей подобрать?

Герда оробела и потупилась. Охотник подтолкнул ее к Анке. Та с неподдельным

интересом стала ее разглядывать.

— Подопечная, говоришь, — подмигнула Анка. — Не беспокойся, все будет в лучшем виде.

— Хорошо, а Лейф как раз с ребенком посидит, пока ты будешь занята. Да, Лейф? — мальчишка закатил глаза.

— Этот посидит, как же. Потом Гуду месяц от всякой пакости отучать придется. У меня для этих целей есть профессиональный нянь. Ниссе, дружок, а поставь-ка на стол чего-нибудь съестного, у нас гости!

— Родительское приданное ко двору пришлось? — все в той же шутливой манере продолжал Николая.

— Ты не представляешь, чего мне стоило вместо ненужного барахла уговорить их ниссе отдать. Это же такое подспорье в хозяйстве! Без него муж бы меня точно после первого завтрака на улицу выставил.

— Ты преувеличиваешь. Если он твой характер вытерпел, то стряпню уж точно переживет. Я вернусь через пару часов. Мне еще к твоему отцу заглянуть надо.

— Иди. Когда вернешься, ее не узнаешь!

— Этого я и боюсь.

Николя ушел, оставив Герду на попечение Анки. Они зашли в столовую, где за столом уже сидел Лейф и нетерпеливо колотил по нему деревянной ложкой. Из противоположного конца дома появился маленький мохнатый человечек с дымящейся тарелкой в руках. Он аккуратно поставил ее на стол, а потом незаметно подкрался к несносному мальчишке, выхватил у него ложку и треснул негодника по лбу. От неожиданности Лейф чуть не подскочил до самого потолка, а потом захныкал, прижимая руку к ушибленному месту.

— Где ваши манеры, мастер Лейф? Сколько можно повторять, что за столом нужно вести себя прилично?! Ух, совсем без меня от рук отбились, а матушка, небось, одна уже не справляется с таким неслухом. Хоть бы ее пожалели.

— Да что я такого сделал? — заскулил мальчик.

— Нужно сидеть ровно и терпеливо ждать, пока еду поставят на стол, а не колотить по нему ложкой. А еще перед едой надо мыть руки!

— Но я мыл!

— Ковыряться в снегу не значит мыть. А ну-ка быстро!

Лейф снова закатил глаза и нехотя поплелся к ведру с водой. Герда не смогла сдержать улыбки.

— Наш ниссе живо его воспитает, — шепнула на ухо Анка. — Он в таких делах мастак, не смотри, что маленький.

— Удивительно, он демон, но совсем не плохой, — восхитилась Герда.

— Да какой он демон! Видела бы ты элитный табун моего отца — вот там действительно демоны. А ниссе у нас как член семьи. Не знаю, что бы мы без него делали.

Анка усадила Герду на лавку, а сама устроилась рядом на стуле.

— Ну рассказывай, откуда ты, — потребовала хозяйка, с любопытством глядя на Герду.

— Из Дрисвят. Это в Веломовии, — коротко ответила она, очень стесняясь. Герда не совсем понимала, зачем Николая ее сюда привел и как следует себя вести с этой улыбчивой госпожой. А как Анка с ним разговаривала! Герда никогда бы на такое не отважилась. «Ни одна женщина Упсалы против его чар устоять не может! На что я вообще надеялась, когда думала, что он вспоминает обо мне? Кто он... а кто я».

— Далеко. А там такая мода, ну короткие волосы? — продолжала расспрашивать Анка.

— Что? Нет, это просто... несчастный случай, — печально вздохнула Герда, в который раз за последние два дня вспоминая ту ужасную ночь в сторожке.

— Понятно, у меня тоже такое было. На празднике прыгала через костер и подпалила косы. Они тогда почти до самых корней обгорели, но ничего, потом обратно отросли. Потрогай, какие сейчас хорошие.

Герда несмело протянула руку к ее золотистым локонам. На ощупь они оказались поразительно мягкими и пушистыми. Наверное, даже не путались совсем.

— Весь секрет в том, чтобы подстригать кончики только на растущую луну и никогда не унывать.

Герда слабо улыбнулась. Так мило, что почти незнакомая женщина пытается ее подбодрить, но от отражения в зеркале никуда не скрыться.

— Даже с такими короткими волосами можно сделать что-нибудь интересное. Садись-ка на мое место. Я сейчас приду.

Герда устроилась на стуле. Анка принесла миску с водой, расческу и корзинку с короткими жгутами из плотной белой ткани.

— Это от демонов? — любопытно спросила Герда.

— Для красоты, — усмехнулась Анка и принялась расчесывать ей волосы, смачивая их водой, разбирая на небольшие прядки, в которые потом вплетала жгуты.

Когда она закончила, Герда посмотрела на себя в зеркало — голова теперь походила на утыканную булавками подушку.

— Разве это красиво? — не сдержавшись, спросила она.

— погоди, на чудеса нужно время, — покачала головой Анка. — А пока посмотрим, что тебе подойдет из моей одежды.

Женщина поманила Герду за собой в небольшую светлую комнату, отделенную от гостиной темно-коричневой шторой. Здесь стоял впечатляющих размеров сундук с убористой ковкой на боках, а на стене висело огромное зеркало в резной раме.

— Это моя гардеробная, ну знаешь, как у знатных дам в Дюарле, — похвасталась Анка. — Мы хоть и не такие богатые, как они, но зато умеем жить с фантазией.

На этот раз Герда улыбнулась гораздо более искренне. Анка откинула тяжелую крышку сундука и принялась перебирать сложенную внутри одежду. Словив на себе удивленный взгляд Герды, она улыбнулась:

— Не бойся, тебе как раз впору придется. Я только после рождения Гуды поправилась, а раньше совсем худышкой была. Кое-что, конечно, можно распустить, но большинство нарядов я уже вряд ли носить стану, как эту юбку с кофтой. Они тоже из моего сундучка — вчера мастер Эглаборг прибежал одолжить женскую одежду. Схватил первое попавшееся. Ну, ты же знаешь этих мужчин — не любят они в женском тряпье копаться. Сейчас подберем что-нибудь получше. Примерь-ка вот это.

Анка достала платье из темно-синего сукна с укороченным до середины икры подолом. Манжеты рукавов и воротник под самое горло обшиты голубым кружевом, в цвет им подобран плетеный пояс. Село платье отлично, словно на Герду было сшито.

— Вот, на холодную снежную погоду под сапоги самое то. И низ пачкаться не будет. Очень удобно. Нравится?

Герда нерешительно пожала плечами. На ее вкус, оно слишком откровенно обтягивало в груди. Не хотелось, чтобы все на это внимание обращали.

— Повернись, — велела Анка, держа наготове еще одно платье. — По-моему, самое то. Герда еще раз посмотрела в зеркало.

— Хорошенькое, конечно, но...

— Значит, берем, — заключила хозяйка и подала ей следующий наряд.

Герда в жизни не перемеривала столько одежды. У портного и то всего тремя платьями отделалась, а тут неугомонная Анка не успокоилась, пока не опробовала весь свой "гардероб". Герда на все реагировала одинаково сдержанно. Ничего особо не нравилось, но то, что особенно раздражало, она тут же снимала. Принимая это во внимание, Анке пришлось выбирать вещи самой. В результате скопилась большая стопка одежды из трех платьев, двух юбок, четырех нижних рубашек и еще трех кофт. Когда одежда закончилась, Герда с облегчением вздохнула.

— Вы давно знаете мастера Николая? — робко поинтересовалась она, когда Анка перестала вынимать из сундука бесконечные платья и юбки.

— Да лет десять уже, наверное. Лейф тогда такой же мелкий, как Гуда, был. Его у нас похитили, а Николай вернул и стал героем для всей нашей семьи. Мы, правда, тогда не знали, каким мой братец вырастет остолопом, а иначе бы десять раз подумали, прежде чем назад его принимать.

— Десять лет? — удивилась Герда. Именно тогда она встретила Охотника впервые.

— Тогда Николай был здесь проездом, а четыре года назад вернулся. Говорит, дышит у нас по-особому свободно, поэтому он тут и обосновался. Для Упсалы это большая удача — иметь своего собственного Охотника на демонов. Края у нас беспокойные, а помощи от соседей не дождешься, потому он в городе, считай, самый важный человек... После моего отца, бургомистра, разумеется.

— А какие у вас с ним отношения? — Герде было очень неловко задавать этот вопрос, но он буквально жег ее изнутри с тех самых пор, как она услышала их игривый разговор на пороге.

— Отношения? — Анка удивленно вскинула брови. — Да какие у нас могут быть отношения? Я ведь замужем, да к тому же Николай не самая легкая мишень для любовных игр. По нему полгорода сохнет. Загадочный, сильный, прославленный воин, как в него не влюбиться? Да только ему и дела нет до наших девушек. Он постоянно куда-то бежит: сражаться с демонами, спасать попавших в беду — на остальное времени просто не хватает.

Герда понурилась. Она всегда знала, просто верить боялась, а теперь придется это принять, как и свое отражение в зеркале.

— Не хмурься. Смотри, что у меня еще осталось.

Анка достала из сундука бриджи из плотной темно-зеленой ткани и кожаный ремень с кованой пряжкой.

— Разве они не мужские? — подозрительно спросила Герда. Анка заговорщически подмигнула и дала померить.

Как только Герда их надела, сразу поняла, что это ее вещь — гораздо удобней, чем все, что она мерила до этого.

Увидев ее воодушевление, Анка возликовала:

— Мужчины говорят, женщины должны носить платья и юбочки с оборками, но на самом деле просто боятся, что если девушки наденут штаны, то обретут силу. И уже не будут ни в ком нуждаться.

Герда смущенно улыбнулась.

— Вот, это поверх рубахи одевается, — Анка протянула ей коричневую жилетку из тонко выделанной кожи. Герда набросила ее на плечи, застегнула крючки спереди и повернулась к зеркалу, пристально изучая свое отражение. Вот оно! Именно то, как она хотела выглядеть, как она должна выглядеть, как она себя представляла.

— Нравится? — весело поинтересовалась Анка. — Я же говорила, что найду, чем тебя порадовать. А теперь иди сюда. За то, что ты вытерпела все мои издевательства, я поделюсь с тобой одним секретом.

Анкой указала на сундук. На самом дне осталось лежать всего одно платье — из выбеленного льна, с тонкой красно-синей вышивкой на воротнике, рукавах и подоле.

— Подвенечное, — с гордостью объявила Анка. — Раньше оно моей матери принадлежало, а потом она передала его мне. Хочет, чтобы у нас в семье традиция появилась — передавать это платье от матери к дочери. Красивое, правда?

— Очень, — растроганно ответила Герда. Она вспомнила, что в Дрисвятах от матери тоже осталось такое платье, правда, надеть его она уже никогда не сможет.

— Хочешь померить? — спросила Анка с горящими от азарта глазами.

— Не думаю, что стоит. Оно ведь только для вашей семьи.

— Ничего с ним не станет, если ты примеришь один разок. Погоди, я волосы тебе развяжу.

Анка вынула жгуты из волос и расчесала их. Прическа стала пышной, прядки завивались и каскадами спускались до середины шеи. Выглядело если не красиво, то все равно очень миленько. Анка помогла надеть платье. Оно было очень легкое, летнее, с короткими рукавами-воланами и высокой талией, на которой повязывался красный пояс — символ супружеской верности. Свободная, но не пышная юбка доходила до самых щиколоток. Платье было совершенно простым, но одновременно таким невероятно красивым, что даже самая обыкновенная девушка выглядела в нем очаровательной принцессой.

— Какая прелесть! Стань на табурет, чтобы лучше видно было, — Анка сложила руки на груди, любуясь, как Герда преобразилась благодаря ее стараниям.

Неожиданно занавеска отвернулась. В гардеробную заглянули Лейф и Николая собственной персоной.

— Девушки, вы готовы? — весело спросил Охотник, но, увидев Герду, осекся. Лицо вытянулось, брови сошлись над переносицей, а рот чуть приоткрылся от удивления.

— Разве можно врываться в гардеробную без предупреждения? — шаловливо подмигнула Анка, посмеиваясь над нелепой сценой. — А то еще чего доброго, суженую в подвенечном платье до свадьбы увидишь, а это — очень дурная примета. К долгой разлуке.

Герда покраснела до корней волос и отвернулась. Николая закрыл рот и недовольно сощурился в сторону хозяйки.

— Ну же, иди, ты ее смущаешь, — покатываясь со смеха, махнула на него рукой Анка.

Герда обернулась через плечо. Николая виновато улыбнулся, схватил Лейфа за шкуру и пинком вытолкнул из гардеробной.

— Я думал, они там голые, — послышался за занавеской мальчишечий голос, а потом громкий вскрик. — Ай, больно!

Герда с укором посмотрела на хозяйку и бросилась снимать дурацкое платье.

— Извини, не удержалась. У вас такие лица были, что грех не пошутить, — развела руками Анка. Герда недовольно поджала губы, чувствуя себя как никогда глупо. — Перестань дуться. Я, может, правду напроорочила. Между прочим, у меня бабка ясновидящей

была, не вельвой, конечно, но все же будущее предсказывала. И теперь вам хочешь-не хочешь, а придется свадьбу сыграть, чтобы нашу семейную репутацию не подмочить.

— Боюсь, это сильно вряд ли. Мы с мастером Николая даже не друзья, — снова слишком серьезно восприняла ее слова Герда и понурилась. — Мне пора, он уже ждет.

Она потянулась к одежде, в которой пришла.

— Надень синее. Мы ведь так долго выбирали, — нарочито жалобно заглядывая в глаза, попросила Анка. Пришлось согласиться. Отказать знакомой Николая, которая потратила на нее столько времени, казалось очень неучтивым. Герда нехотя надела излишне обтягивающее платье. Анка помогла поправить прическу.

— Может, у вас найдется лишний платок? — робко спросила Герда на выходе из гардеробной.

— Зачем? — удивилась Анка.

— На всякий случай.

Хозяйка пожала плечами и протянула ей маленькую голубую косынку. Герда спрятала ее в рукав и вышла к Николаю. Он подбадривающе улыбнулся. Совсем чуть-чуть уголком рта, еле заметно, но на душе стало гораздо спокойней.

— Разве не красавица? — спросила Анка, выходя следом за Гердой. — Я же говорила, когда вернешься, не узнаешь.

— Ты просто волшебница, Анка, — не замедлил похвалить ее Николай. — Но все же чего-то не хватает.

Он поставил на пол пару деревянных башмаков небесно-голубого цвета с белыми прожилками ромашек по краям. Без задников и на высокой подошве, выглядели они попростенькому мило.

— Не стоило из-за меня так беспокоиться, — повесила голову Герда, хотя необычная обувь пришлась ей по душе.

— Это ерунда — сабо или, как местные их называют, клоги. В сырую пору весь город ходит. Очень удобно. Примерь.

Не выдержав пристального взгляда Николая, Герда сдалась и просунула ноги в башмаки. Обувь подошла идеально — нигде не жала и не сваливалась со стопы.

— У вас очень хороший глаз, — смущенно потупившись, заметила она.

— Я вырос с тремя сестрами, — шутливо прищурился Николай. — А еще я скопировал мерку у сапожника. На сырую погоду самое то, но пока морозы можешь носить их дома. Если где будут жать или натирать — отнесем обратно к мастеру. Он живо все поправит или сделает лучшие прямо по твоей ноге.

Герда окончательно осмелела и даже немного улыбнулась, глядя на одинаково радушные лица Анки и Охотника.

— Спасибо вам обоим. Простите, что без интереса. Просто я не привыкла к... ко всему этому.

— Тут не за что извиняться. Думаю, любой человек на твоём месте чувствовал себя не в своей тарелке, — просто ответила Анка.

Николай коротко кивнул, соглашаясь.

Они попрощались с радушной хозяйкой и ее непутевым братцем и пошли домой. Николай говорил, что они сильно задержались и остальные, должно быть, изнывают от беспокойства, но Герда в этом сильно сомневалась, вспоминая, как те воодушевились покупками. Поэтому заметив напряженно вышагивающего по двору взад-вперед Финиста,

она очень удивилась. Пришлось поплотнее закутаться в плащ и натянуть на голову капюшон, чтобы он не разглядел ее нового облика.

— Все в порядке? — спросил оборотень первым делом. Герда кивнула.

Она не понимала, почему Финист так распереживался. Знай Герда оборотня хуже, то подумала бы, что он ревнует.

— Ну не съел же я ее, — усмехнулся Николая.

Финист презрительно прищурился, а потом с интересом стал разглядывать тряпки в руках Охотника.

— Скорее, а то к обеду опоздаем, — поторопил Николая.

Герда не сняла плащ, даже когда они оказались в доме и, не желая ни с кем встречаться, рванула в свою каморку. Николая отнес туда ее вещи и увел Финиста, который долго не мог сообразить, что она хочет переодеться.

— Не задерживайся, — кинул Охотник напоследок.

Герда спустилась, когда остальные уже обедали. Теперь она была одета в старую юбку с кофтой, а волосы прикрывала косынка. Из новых вещей Герда надела лишь клоги. Все-таки их подарил сам Николая.

Глава 19. Первые уроки

На следующее утро Герда встала рано. Остальные еще спали, кроме Николя, который ни свет ни заря куда-то ушел, и Эглаборга, который уже стряпал на кухне. Герда решила ему помочь. Неудобно, что он готовит, подает, баню топит, водит везде, а они воспринимают это как должное.

На кухне царил образцовый порядок. Пол сиял чистотой. На многочисленных полках аккуратными рядами выстроились горшки и склянки с нацарапанными на стенках непонятными надписями. Под потолком висели пуки сушеных трав, связки лука, в углу ютились большие деревянные кадки, над камином кипел котел. Эглаборг стоял возле стола у противоположной стены и готовил завтрак. На стене на крючках висели ножи, серпы и еще какие-то диковинные инструменты. В многообразии форм и размеров наблюдалась неуловимая система — все располагалось на своих местах, и целитель быстро находил нужные ему вещи.

— Что-то вы рано, — Эглаборг заметил Герду, когда оторвался от готовки, чтобы утереть выступивший на лбу пот.

— Я не привыкла спать так долго, — пожалала плечами она. — Можно вам помочь?

— Не стоит, — тут же отмахнулся целитель. Он явно не терпел на своей кухне посторонних.

— Пожалуйста, я обещаю быть аккуратной. Позвольте хоть что-нибудь сделать, чтобы я не чувствовала себя бесполезной нахлебницей.

Поняв, что спорить бесполезно, Эглаборг вручил ей маленький ножик и попросил мелко покрошить разных трав, а потом растолочь в ступе сушеные грибы и лесные орехи. С этим Герда справилась легко и быстро. Тогда целитель поручил ей новое задание: смешать в чашках жидкости из разных кувшинов, строго соблюдая указанные меры.

— Вся хитрость в приготовлении снадобий — не ошибиться в пропорциях. Ведь чаще всего лекарства — яд, просто он используется в малых количествах, а дополнительные ингредиенты нейтрализуют вредные свойства. Если яда положить слишком много, нейтрализатора мало — больной отравится, наоборот — лекарство не подействует. Поэтому нужно быть предельно внимательным во время работы.

Проникшись важностью задачи, Герда аккуратно отмеряла и тщательно перемешивала разные ингредиенты до однородной массы.

— У вас неплохо получается, — похвалил Эглаборг, пристально наблюдавший за работой, чтобы вовремя все исправить, если Герда ошибется.

— Это оттого, что я отражаю ваш дар?

— Не думаю. Я бы почувствовал. Дар целителя не в том, чтобы готовить снадобья или собирать травы. Этим могут заниматься травники без дара. Искусство целителя в том, чтобы понять, что происходит с человеком и как ему можно помочь, причем не обязательно снадобьями. Иногда разговор по душам оказывается гораздо действенней, чем любое зелье. А порой встречаются такие болезни, против которых лекарства бессильны. Тогда лечить приходится наложением рук, когда ты буквально влезашь в тело больного и пытаешься подправить его изнутри. Я, правда, не люблю этот способ. Он очень рискованный и отнимает слишком много сил, но иногда без него не обойтись.

Герда удивленно моргнула — ей в голову пришла странная мысль:

— Так могут только целители?

— Вы про мастера Николая? — Эглаборг быстро догадался, куда она клонит, и помрачнел. — Когда он обучался в Храме Ветров на Островах Алого восхода, то перенял у местных жрецов несколько тайных духовных практик. Мне их доверять не стали. Да я и не стремился. Есть в них что-то противоестественное.

Герда пожалала плечами. Уж она бы никогда не упустила шанса узнать нечто тайное. Перед мысленным взором пронеслась постыдная сцена в лесу близ Будескайского замка. Нет, конечно, не такое тайное, а что-нибудь по-настоящему важное и нужное.

— А кто болеет? — спохватилась Герда, поняв, что не знает главного.

— Никто. Это для всех. Для вас, чтобы восстановить энергию вашего дара, для госпожи Майли, чтобы избежать повторных припадков, для Вожыка, чтобы не реагировал на все так остро, для мастера Николая...

— Зачем? — Герда нахмурилась. Неужели с ним тоже что-то не так?

— У него очень нестабильный дар. К тому же мастер Николай привык пользоваться им в полную силу, а это требует определенной подпитки извне. Кстати, это относится и к мастеру Финисту. Когда он только приехал, было очень заметно, что зверь внутри изгрыз его полностью. Конечно, после отдыха ему стало легче, но все же не следовало отказываться от моей помощи. Может, вы попробуете его уговорить?

— Я попытаюсь, — неуверенно ответила Герда. Их отношения с Финистом сильно накалились за последнее время. Она сомневалась, что после всего он станет ее слушать.

Вскоре завтрак был готов. Финист, Майли и Вожык встали, а Николай вернулся с утренней прогулки, и все дружно уселись за стол. Ели в полной тишине. Если вчера Майли еще пыталась завести непринужденную беседу, то теперь поняла всю тщетность этой затеи. И тоже молчала, лишь изредка с опаской поглядывая то на Николая, то на Финиста. Те с одинаково хмурым видом уставились в тарелки и пережевывали пищу настолько сосредоточенно, что казалось, они поглощены решением невероятно важных проблем. Герда с Вожыком перекинулись парой коротких фраз: кто как себя чувствует, какой видел сон, вкусная ли еда.

Когда завтрак закончился, все молча разбрелись по своим комнатам.

Первым делом Герда высыпала на кровать содержимое дорожной сумки, чтобы проверить, что осталось от пожитков. Николай нашел ее на плато после нападения ненниров и оставил в комнате Герды. Она обнаружила приятный сюрприз только вчера вечером, но разбирать не стала — отложила до утра.

Вещей оказалось не так много, тем более нужных, а не мусора, вроде ветхой одежды, сношенной обуви и черствого хлеба. Остался, правда, кинжал Хозяйки леса, книжки и самое главное сокровище — дневник Лайсве. Герда успела изучить лишь малую часть и была уверена, что в нем еще можно найти много занимательных историй. Разложив вещи, она собралась что-нибудь почитать. Сидеть в библиотеке не хотелось, а забирать книги к себе было боязно — если Николай разрешил их читать, это не значит, что их можно выносить. Сейчас Герда колебалась между дневником и книжкой про оружие. Она хотела поискать там что-нибудь про кинжал Хозяйки. А вдруг он и впрямь волшебный?

От необходимости выбирать избавил стук в дверь. Приотворив ее, внутрь робко заглянул Вожык.

— Можно? — спросил он, стоя на пороге. Герда кивнула и подбадривающе улыбнулась. Вожык сел рядом на кровати.

— Что-то случилось? — спросила она, заметив встревоженное выражение на лице мальчика.

— Не хочу, чтобы меня учил Финист, — хмуро ответил он. — Хочу, чтобы ты занималась со мной как раньше.

— Я не могу. Я ведь сама толком ничего не знаю, а все, что мы с тобой делали... Посмотри, куда нас это завело.

Вожык понурился.

— Ты несправедлив к Финисту. Он отличный учитель и обязательно тебе поможет, как помог Ждану с Дугавой. Вот увидишь.

— Я ему не нравлюсь. Мы живем в одной комнате, но за все это время он со мной и словом не перемолвился.

— Наверное, еще не обвыкся. Не суди его строго — ему тоже нелегко приходится. Просто дай ему шанс. Я поговорю с ним, попрошу, чтобы был к тебе внимательней. Уверена, у вас все получится.

— Даже мастер Николая был бы лучше, — упрямо ответил Вожык.

Дверь снова распахнулась. словно почувствовав, что разговор зашел о нем, на пороге показался Охотник.

— Собирайся. Оденься потеплей и захвати у Эглаборга обед и флягу с теплым питьем, — велел он Герде. — Нам пора.

— Куда? — послышался из коридора недовольный голос Финиста.

Николя, не оборачиваясь, закатил глаза.

— На занятия.

— Почему вы не можете остаться тут?

— Потому что я так решил.

— Но на улице холодно.

— Спасибо, а то я сам не знал. Послушай, что ты тут забыл?

— Я хотел поговорить с Гердой.

— У тебя есть свои ученики. Вот с ними и разговаривай, а ее оставь в покое.

Воздух накалился настолько, что, казалось, вот-вот начнет искриться. Герда поспешила вмешаться:

— Пожалуйста, не надо из-за меня ругаться. Мастер Николая, позвольте мне поговорить с Финистом. Мне очень нужно ему кое-что сказать. Это не займет много времени.

— Если так нужно, — нехотя согласился Охотник. Они с Вожыком вышли, оставив Финиста наедине с Гердой.

— Послушай... — начали они вместе и осеклись.

— Ты давай, — предложила Герда.

— Лучше ты.

— Я хотела попросить, чтобы ты был внимательней к Вожыку. Я понимаю, тебе нелегко обучать пирокинетика, но он очень сообразительный и старательный. Сделает все, что скажешь. Помоги ему. Я знаю, ты сможешь. Ты ведь даже меня драться научил.

— Конечно, — Финист широко улыбнулся. — Я сделаю все, что смогу.

По мечтательному виду Герда поняла, что его голова занята отнюдь не обучением.

— Что ты хотел мне сказать? — поспешила напомнить она, боясь заставлять Николая долго ждать. А вдруг он и на нее рассердится?

— Это насчет Охотника, — Финист тут же посерьезнел. — Будь с ним осторожна. Он

нехороший человек и может воспользоваться твоей наивностью.

— Я не настолько наивна, чтобы этим могли воспользоваться. А мастер Николая ничего дурного никому не сделал.

— Это пока. Ты не знаешь порядков Компании. Высокопоставленные офицеры часто используют людей для достижения своих целей, не считаясь с их мнением и безопасностью. Я просто боюсь, чтобы ты не оказалась в центре интриг.

— Какие могут быть интриги с моим участием? Я дочка лесника. И дар у меня очень слабенький. Не представляю, как мной можно воспользоваться. А мастер Николая никогда до интриг не опустится. Уж это я знаю точно.

— Ты слишком доверчива и добра, — сокрушенно покачал головой Финист. — Будь осторожна. Если тебе что-то покажется подозрительным, скажи. Я найду способ тебя защитить.

— Финист...

Он упреждающе поднял руку и вышел. Герда постояла некоторое время, приводя мысли и чувства в порядок, а потом начала суматошно собираться. Николая наверняка придет в ярость от того, что она так надолго задержалась.

Как ни странно, Охотник ругаться не стал. Наоборот терпеливо дождался, пока она зашнуровала сапоги, и заботливо накинул на плечи плащ. Герда снова ступевалась — не привыкла, не знала, как реагировать. Николая не стал заострять на этом внимание, а поскорей повел ее за собой на улицу в сторону леса.

Шли молча. Герда ждала, что Охотник расскажет, куда и зачем они идут или хотя бы поинтересуется, о чем она говорила с Финистом, но Николая упрямо двигался вперед, лишь изредка оборачиваясь на свою спутницу. Остановились на плоской вершине холма, где была расчищена площадка под костер, вокруг которого лежали большие бревна для сидения. Николая едва заметно махнул кистью левой руки. С двух бревен слетел снег, и они подкатились ближе к костру друг напротив друга. Герда удивленно открыла рот. У Охотника такой же дар, как у Ждана, левитация? Но у Ждана так легко и быстро не вышло бы.

— Вы истинный телекинетик? — восхищенно выдохнула она.

— Есть немного, — скромно ответил Николая и добродушно улыбнулся. — Садись. Будем учиться правильно дышать.

— Я уже училась этому вместе с Вожьком, — ответила Герда, радуясь, что тоже смогла его удивить.

— Хорошо, тогда покажи.

Они устроились на бревнах друг напротив друга. Герда втянула в легкие обжигающе холодный воздух, так же медленно выпустила и принялась про себя считать вдохи и выдохи. Это было очень нелегко, потому что Николая взял ее за руку, нащупал пульс и пристально уставился в глаза.

— Ладно, хватит, — Охотник убрал руку. — Ты все неправильно делаешь. Распрями спину, не сутуль плечи, подними голову. Почему ты ее все время опускаешь? Если не можешь держать прямо, то просто отклонись назад, так у тебя спина сразу выпрямится. Хорошо. А теперь расслабься, закрой глаза и дыши глубоко.

Николая положил ладонь ей на живот. Герда внутренне сжалась, но сделала все, как было сказано. Вдох выдался тяжелым и неровным, а выдох и того хуже. Она открыла глаза и вопросительно глянула на Охотника.

— Попробуй еще раз, — велел Николая. — Ты не расслабляешься. Расслабься!

Герда попробовала еще раз. Николая взял обе ее руки в свои и тоже закрыл глаза. Она не знала, сколько они так просидели, но в конце концов стало скучно. Герда открыла глаза. Охотник продолжал сидеть с отрешенным видом. Она уже наблюдала его в похожем состоянии в библиотеке, только тогда он проделывал это с открытыми глазами. Словно Николая есть, и его нет одновременно.

— Почему при нашей первой встрече на плато вы солгали насчет того, кто вы? Вы же видели, что я вас узнала, — Герда начала задавать мучившие ее вопросы, которые не решалась озвучить до этого.

Николай поморщился и тоже открыл глаза.

— Потому что то имя, под которым ты знала меня раньше, не стоит произносить вслух. Все считают, что Николас Комри умер. И это к лучшему. Пожалуйста, не рассказывай никому о том, что тебе известно. А теперь давай продолжим, — Охотник замолчал и снова закрыл глаза. Герда поспешила последовать его примеру.

Снова стало скучно. Сколько можно сидеть, ничего не делая?

— Что еще говорил мой отец? Он упоминал своих родителей?

— Ничего, Герда, ничего. Мы едва успели парой слов перекинуться. Сомневаюсь, что он стал бы рассказывать о своих связях со Стражами первому встречному. Пожалуйста, давай не будем отвлекаться.

Герда разочарованно кивнула и опять попыталась сосредоточиться на дыхании. Когда сидеть смирно стало совсем невозможно, она начала раскачиваться взад-вперед, как маятник. Николай скрипнул зубами точь-в-точь как Финист. Это напомнило об еще одном невыясненном вопросе.

— Почему Финист думает, что вам и Компании нельзя доверять?

— Почему бы не спросить об этом у него? Откуда мне знать, отчего он такой мнительный?

Николай явно начал терять терпение. Почему у мужчин его так ненадолго хватает?

— Пожалуйста, давай сосредоточимся на упражнении и не будем отвлекаться на всякую ерунду.

Герда в который уже раз честно попыталась расслабиться, но тело словно само не желало успокаиваться. Хотелось ерзать и крутиться. От скуки Герда начала про себя напевать мелодии знакомых песенок, которые часто играли на праздниках в Дрисвятах. И сама не заметила, как стала кивать в такт крутившейся в голове музыки.

— Герда! — прикрикнул Николай. Она вздрогнула и открыла глаза. — Это просто невозможно. Ты постоянно дергаешься и разговариваешь. Так нельзя. Сила ветра в молчании.

— Так мой дар тоже относится к стихии ветра?

— Да. Я привел тебя сюда, чтобы ты смогла его ощутить, но ничего не получается, потому что ты не хочешь расслабиться. Требуется только сидеть молча, считать вздохи и слушать ветер.

— Простите... Видно, мой дар слишком слабый и я не могу ничего услышать.

— Да причем тут это? Ветер может слышать даже самый обычный человек.

Герда понурилась. Обидно, что все началось с провала. Эта учеба будет совсем не такой веселой, как она представляла.

— Ладно, если ты устала, давай прервемся и поедим, — предложил Николай.

Герда достала из сумки врученный Эглаборгом сверток с кусочками вяленого мяса и

хлеба, взяла себе совсем чуть-чуть, а остальное отдала Охотнику.

— Тебе следует больше есть, чтобы восстановить силы после истощения, — недовольно заметил он.

— Я не привыкла, — тихо ответила Герда.

— Пора бросать старые привычки.

Она потупилась. А толку, если это все равно временно, и что будет дальше, она не знает?

— Почему ты такая скованная? — нахмурился Николая, так и не дождавшись ответа. — Раньше ты такой не была.

— Откуда вы знаете, какой я была раньше? Вы ведь гостили у нас совсем недолго и не успели понять, какая я на самом деле, а я не успела узнать вас.

Герда грустно замолчала и приложила к губам флягу с теплым еще компотом.

— Давай это исправим. Ты честно и не стесняясь ответишь на мои вопросы, а я на твои. Идет?

Герда пожала плечами. За себя она была уверена, а вот сдержит ли свое слово Охотник?

— Почему ты такая грустная? — задал Николая первый вопрос.

— Скучаю по дому, по отцу. Даже сороковник по нему справиться не успела, а теперь вряд ли на могилу когда-нибудь приду, — Герда отвернулась, чтобы смахнуть некстати выступившие слезы.

— Я тоже скучаю, — вдруг разоткровенничался Охотник. — Мой дом на другой стороне пролива. В ясную погоду отсюда даже берег виден, но дорога туда для меня навсегда закрыта. А я ведь с ним, со своим отцом, даже не попрощался перед отъездом. Все надеялся вернуться домой прославленным воином, но возвращаться было уже некуда.

Взгляд Николая сделался мутным и далеким, будто его слова вызывали к жизни болезненные воспоминания. Герда протянула руку и накрыла его ладонь своей. Дальше ничего говорить не стоило — она не хотела видеть выражение горечи на его лице.

— Твой вопрос, — быстро взяв себя в руки, сказал Николая.

Герда задумалась. Стоило Охотнику согласиться искренне ответить на любой даже самый каверзный вопрос, как они все из головы вылетели. Что же такое важное она хотела спросить?

— Почему вы выбрали в ученики именно меня? — с трудом собравшись с мыслями, заговорила Герда. Николая моргнул.

— В компании на одного человека положено не больше двух учеников. Ни к чему усложнять Финисту задачу.

— Я не об этом спрашивала. Я спросила, почему вы выбрали именно меня, а не Майли или Вожыка. Финист говорит, что он неподходящий учитель для пирокинетика. Вы бы справились с ним гораздо лучше.

— Ты бы хотела, чтобы тебя обучал Финист?

— Не отвечайте вопросом на вопрос!

— Гррр, хорошо. Мне показалось, что для тебя Финист будет еще худшим учителем, чем для пирокинетика. Он провел с тобой столько времени и даже не попытался хоть чему-то научить.

Стало непереносимо обидно, что Николая отзывался о Финисте с таким пренебрежением.

— У него не было времени. И он учил меня.

— Чему? — напрягся Охотник.

— Драться на палках.

— Серьезно? — не смог сдержать смеха Николая.

Герда обиженно поджала губы. Зачем она это сказала? Теперь он еще долго над ней потешаться будет. Ну, какой из нее боец?

— Он хотел научить меня защищаться, после того как... — Герда собралась с духом и выпалила на одном дыхании: — как Вальдемар на меня напал.

Охотник поперхнулся собственным смехом и замолчал, пристально глядя на нее.

— Между тобой и Финистом что-то есть?

— Что? — ошарашено переспросила Герда. Что это за вопрос такой?

— Ты о нем так беспокоишься, вот я и подумал...

— Нет, — она оборвала его на полуслове.

— И не было? — не унимался он.

Герда прикусила губу. Она не хотела отвечать на этот вопрос.

— Так все-таки было?

— Он поцеловал меня... — глаза Николая округлились. — Всего два раза.

— И?

— Что и?.. Больше ничего не было.

Николя выгнул бровь. Герда от стыда закрыла лицо руками. Ничего, сейчас она такой вопрос задаст!

— Вы обо мне вспоминали? — предельно спокойным тоном спросила она, снова открыв лицо.

— Что? — Герда с ликованием заметила, что выражение лица Охотника стало слегка озадаченным.

— За эти десять лет вы хоть раз обо мне вспоминали? — четко повторила она.

— Один раз, может, и вспоминал, — пожал плечами он и хитро прищурился: — Когда спасался от кровавых клещиков-пищалок в дикой тайге Сайберы.

Герда задрожала от вскипевшей внутри ярости, незаметно набрала в руку снега и слепила снежок:

— Что это за ответ?

— Какой вопрос... — начал он с самым невозмутимым видом.

Герда не выдержала и запустила снежок в ехидно ухмыляющееся лицо. Ей удалось застать его врасплох, и снаряд врезался прямо в щеку.

— Ах так! — разозлившись, воскликнул он, но прежде, чем успел что-нибудь предпринять, еще один снежок ударил его в грудь. Не медля больше ни секунды, Николая тоже начал лепить снежки и швырять их в Герду. Они еще долго бегали друг за другом, забавляясь и весело смеясь.

— Вот ты и расслабилась, — одними губами улыбнулся Николая, когда они, оба уставшие и раскрасневшиеся, повалились на покрывало.

Герда понурилась. Так игру с вопросами он затеял только ради того, чтобы она раскрылась для учебы? Душу словно подернуло ледяной стужей. Герда поежилась, посильней закуталась в плащ и отвернулась.

— Эй, ну что опять? — Николая коснулся ее плеча и развернул к себе. — Да ты вся промокла! Холодно?

Она безразлично пожалала плечами. Значит, кровавый клещик-пищалка.

Николя печально вздохнул, растеряв всю веселость:

— Пожалуй, на сегодня хватит. Пора возвращаться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он взял Герду за руку и отвел домой.

Первым делом она отправилась к себе переодеться, а Николя ушел в город по делам. Оставшись одна, Герда тихонько заглянула в остальные комнаты на этаже. За первой дверью находилась спальня Николя. Мебели, строгой, без всяких украшений, в ней было совсем немного: кровать у стенки, смежной с комнатой Герды, рядом тумба, напротив платяной шкаф и зеркало — хотя само помещение показалось очень просторным. Никаких вещей, кроме одежды, Герда не заметила. Наверное, Николя здесь только спит. Значит, еще должен быть кабинет, где он работает. Взглянуть бы на него хоть одним глазком. Говорят, по личным вещам о человеке можно узнать все. Как бы хотелось, чтобы это было правдой. Заглянул в комнату, а там все мысли, все ответы, прямые и честные, без увиливания и хитростей.

За следующей дверью оказалась комната, очень похожая на кухню по обстановке с пучками сушеной травы под потолком и горшками на полках. Возле окна располагался стол, заваленный записями и схемами. Приземистая кровать существовала здесь исключительно из-за того, что ни один человек без сна жить не мог. Спальня Эглаборга, тут сомнений быть не может. Чудной старик.

Дверь в третью комнату была слегка приоткрытой. Герда заглянула туда одним глазком — перед зеркалом в длинной белой рубашке сидела Майли и тщательно расчесывала шикарные длинные темные волосы, напевая себе под нос. Герда на цыпочках отошла от двери — совсем не хотелось нарываться на неловкий разговор.

Четвертая дверь вела в самую большую спальню с двумя неаккуратно застеленными кроватями. Одежда раскидана: частью висит на стульях, частью валяется на полу. "Мужчины", — покачала головой Герда, с улыбкой подобрала вещи и развесила их по крючкам, взбила подушки и поправила покрывала. На тумбе возле меньшей кровати лежали ветки, куски коры и лоскуты ткани, а возле большой — раскрытая книга про повадки диких зверей и стопка мятых записок. Герда прочитала одну — похоже на абзац из книги. Почти без ошибок. В следующей в мельчайших подробностях описывался конь Николя, повадки, норы. Герда встревожено сдвинула брови. С одной стороны, хорошо, что Финист продолжает учиться грамоте самостоятельно. Но с другой, его отношение к Николя действительно напоминает помешательство.

Герда аккуратно сложила записки на место, вышла из комнаты и направилась к последней двери. За этой уж точно должен быть кабинет. Вариантов больше не осталось. Но к великому разочарованию, комната оказалась запертой. Похоже, Николя скрывал свои вещи так же тщательно, как и мысли. Что ж, не стоило и надеяться.

На лестнице послышались шаги. Герда обернулась и увидела поднимающихся Финиста и Вожыка. Шли они медленно, шаркая ногами, опустив глаза к полу.

— Как прошло занятие? — спросила она, широко улыбаясь, чтобы их подбодрить.

Финист с Вожыком обменялись хмурыми взглядами и одновременно произнесли:

— Все в порядке.

Очень слабо верилось, но ничего выпытывать не хотелось. Надо будет — сами расскажут. Кто-нибудь из них точно. Финист с Вожыком молча вошли в свою комнату, а Герда спустилась к Эглаборгу и снова попросилась помочь. Целитель согласился уже

гораздо охотней и весь следующий час рассказывал благодарной слушательнице о свойствах известных ему трав, грибов и прочих полезных вещах, вроде вареной печени лесного манкуса (кто это такой, Герда представляла очень смутно и интуиция подсказывала, что оно к лучшему) или тертого рога единорога (не альбиноса-любителя девственниц, к которому даже прикасаться строго-настрога запрещалось, а какой-то местной рыбины, у которой во лбу рос рог).

Николя не вернулся даже к ужину. Из-за этого Герда чувствовала себя неудобно и все время украдкой оборачивалась на дверь. Финист не преминул поинтересоваться, как прошло занятие и почему она так ждет Николая. Герда вкратце обо всем рассказала, за исключением игры в вопросы и того, что за ней последовало. Финист разочарованно кивнул.

— Что тебя так настораживает? — спросила Герда.

— Все. У него странное ремесло, странный конь, даже учит он... странно.

— Ты бы учил меня по-другому?

— Да.

— Как?

Финист смутился. В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появился Николай. Первым порывом было сорваться с места и кинуться ему на шею. «Клещик-пищалка», — одернула себя Герда и сдержанно поприветствовала его вместе со всеми. После прихода хозяина ужин проходил тихо. Никто не разговаривал, и вскоре разошлись спать.

Следующие несколько дней прошли очень однообразно. Поднялся сильный пронизывающий ветер, а с наступлением темноты начинались лютые метели, поэтому из дома почти не выходили. Финист и Николай занимались со своими учениками в разных комнатах, чтобы не мешать друг другу. Первый остался с Вожыком и Майли в гостиной, а второй уединился с Гердой в библиотеке.

— Почему ты так не уверена в своих силах? — поинтересовался Николай во время следующего занятия. Они сидели друг напротив друга: Охотник в своем любимом кресле, а Герда на любезно принесенном им из гостиной стуле.

— Вы хотите продолжить игру в вопросы? Она мне не понравилась, — угрюмо ответила она.

— Это важно для обучения, — настоял Николай. Пришлось послушаться.

— Я не чувствую своего дара. Вдруг вы ошиблись, и все те случаи всего лишь совпадения?

— Так ты хочешь увидеть свой дар?

— А можно? — Герда аж подалась вперед от любопытства.

— Хотел приберечь этот трюк на потом, но если тебе не терпится...

Герда внимательно присмотрелась к Николаю, чтобы удостовериться, что он не шутит. Охотник хитро прищурился. Герда краем глаза заметила, как со стола поднимается кружка с водой и опускается на самый край выставленной вперед ладони Николая.

— Следи за моим пальцем, — Охотник приложил указательный палец свободной руки к своему носу, медленно отвел его влево, а потом так же медленно вправо. — Теперь смотри сквозь меня, словно гредишь наяву. Что ты видишь?

— Ничего необычного, — разочарованно ответила Герда, ожидая какого-то откровения.

— Совсем ничего? — смутился Николай. — Попробуй еще раз.

Кружка поднялась с его ладони и закружилась в воздухе.

— Просто свечение, как будто двойтся в глазах. У меня такое часто бывает, когда я

смотрю в никуда, — Герда осеклась, удивленно рассматривая силуэт фигуры своего учителя. — Свечение... оно увеличивается! Как такое может быть?

— Это свечение — аура, духовная оболочка. Она есть у любого живого существа. Если ты так хорошо ее видишь, значит и чувствовать должна. Никогда спиной не ощущала, что на тебя кто-то смотрит? Не чувствовала, что кто-то стоит за дверью, хотя он еще даже не постучал?

— Бывало пару раз... Мне казалось, что это моя ненормальность.

— В каком-то смысле так оно и есть. Это чутье Стражей, способность, которая позволяет вовремя засечь противника и оценить его силы. А теперь еще раз посмотри на мою ауру. Что ты видишь?

Герда так пристально вглядывалась в окружавшее его сияние, что глаза начали слезиться.

— Несколько разноцветных слоев, как в радуге, — сказала она, боясь ошибиться.

— Правильно. Какого цвета верхний слой?

— Бледно-голубой, — на этот раз ответ нашелся намного быстрее.

— Хорошо, теперь что с ним происходит?

Кружка плавно опустилась обратно на стол.

— Он уменьшается, — Герда нахмурилась. — Этот слой и есть дар? Он увеличивается, когда вы его используете.

— Все верно. Видишь, как у тебя хорошо получается? — похвалил Николая.

— Это пустяк. Наверняка, так любой может, — засмушалась Герда, но Охотник полностью проигнорировал ее слова.

— Теперь посмотрим, какая аура у тебя.

— А получится? — взволнованно спросила Герда.

— Только если ты будешь в себя верить, — Николай взял ее руки в свои. — Давай. Хотя бы попытайся.

Герда несмело пригляделась к собственным ладоням. Вокруг них тоже было сияние. Не такое сильное, как у Охотника, но все же было.

— Какого цвета верхний слой?

— Бледно-голубой, как у вас! — поделилась удивительной находкой Герда.

— Это цвет стихии ветра, — улыбаясь, пояснил Николай. — У других стихий цвет будет иной.

— Он такой маленький, особенно рядом с вашим.

Николай задумчиво перебирал в руках ладонь Герды, словно бы сравнивал ее, крохотную и мягкую, со своей крупной и жесткой, огрубевшей от меча и поводов. Подняв, наконец, взгляд, Охотник сдавленно сглотнул и отвернулся. Что с ним?

— Аура активного дара, как у меня, всегда больше ауры пассивного, как у тебя.

— Активный и пассивный дар? — удивленно переспросила Герда. Финист никогда об этом не упоминал.

— Да, они есть в каждой стихии. Активный дар — телекинез, пирокинез, иллюзионизм и оборотничество — тот, которому для выхода не требуется ничего, кроме внутренней энергии человека. Пассивный — телепатия, целительство, ясновидение и спиритизм — наоборот начинает работать, только когда взаимодействует с другими людьми или потусторонним миром. Пользоваться им сложнее, чем активным. К тому же ты девушка.

— Это плохо? — Герда недовольно нахмурилась. Вот уж мужчиной никогда становится

не хотелось. Единственное хорошее, что у них есть — возможность носить штаны, но благодаря Анке теперь она тоже вполне может себе это позволить.

— Нет, просто женский дар развивается по-другому.

— Не понимаю.

— Сейчас попробую объяснить. Есть два уровня владения даром: врожденный — тот, который дан человеку изначально; и потенциальный — тот, которого человек может достигнуть в течение жизни. У мужчин врожденный уровень очень высокий, а потенциальный низкий, то есть в течение жизни он изменяется постепенно и мало. У женщин наоборот — врожденный уровень почти нулевой, а потенциальный очень высокий. Поэтому рано судить, насколько сильный у тебя дар. Он еще не до конца раскрылся, но если ты будешь его развивать, кто знает, может, он даже окажется сильнее моего.

— Вряд ли, — покачала головой Герда. — Я помню, как вы сражались с Ловцом. Я бы никогда так не смогла.

— Надеюсь, тебе никогда не придется, — усмехнулся Николя одними губами, взгляд при этом сделался очень тревожным.

Они вновь перешли к дыхательным упражнениям и занимались исключительно ими следующие несколько дней. В библиотеке сосредоточиться оказалось куда сложнее, но Герда старалась выполнять все в точности, как просил Николя: сидеть спокойно, не разговаривать, расслабляться, дышать животом, считать вдохи. Когда уже начало казаться, что все получается безукоризненно, Охотник заявил, что так никуда не годится, потому что ветра она все равно сидя в четырех стенах не услышит. Обидно было до глубины души. Она так старалась... а никто не оценил.

Встречаться с остальными домочадцами удавалось только за завтраком и ужином. Говорили мало, в основном о чем-то несущественном. Герда несколько раз сама пыталась завести беседу, но получалось как-то глупо и неловко. Тогда она решила использовать это время, чтобы научиться видеть и чувствовать ауры. С каждым разом получалось все легче. Теперь даже сильно щуриться не требовалось, чтобы разглядеть их во всех подробностях.

У Майли аура оказалось слабенькая, вся в разрывах, а верхний слой некрасивого болотного цвета. У Вожыка она выглядела немного сильнее, но тоже со странными утончениями, зато верхний слой словно полыхал ярко рыжим пламенем. У Эглаборга цвет тоже оказался рыжим, но более приглушенным, а сама аура более тонкой и однородной. Самой интересной оказалась аура Финиста. Как и у Николя, она была очень большой и плотной, с верхним слоем необычного бирюзового оттенка. На этом странности не заканчивались. Каждый раз, когда Финист сталкивался с Охотником, а сталкивались они постоянно — то в одну дверь одновременно пытались пройти, то сесть на один и тот же стул, то просто занять одно и то же место, слишком узкое для двоих и толкались плечами, пока кто-то из них не оказывался достаточно умен (как правило, им был Николя), чтобы пропустить второго — аура оборотня сильно увеличивалась и становилась нестерпимо яркой. То же самое происходило с Охотником.

Улучив момент, Герда рассказала Николя о своих наблюдениях. Он терпеливо слушал, объясняя попутно, что цвета обозначают стихии, а разрывы и утончения говорят о том, что у человека нарушен энергетический баланс. Ничего удивительного в этом не было, потому что Майли и Вожык со своим даром не справлялись. Он причинял им больше вреда, чем пользы. Со временем, когда они всему научатся, баланс восстановится и аура снова станет равномерной. Оказалось, что у Герды тоже есть такие разрывы, просто она не может

посмотреть на свою ауру со стороны, чтобы заметить их. А упражнения с дыханием как раз направлены на то, чтобы разрывы компенсировать.

Николя обрадовался, что Герда так воодушевилась учебой, но стоило заговорить о Финисте, как он снова помрачнел. Нет, вначале Николя охотно объяснил, что необычный цвет ауры получается из-за того, что Финист как оборотень-птица принадлежит сразу к двум стихиям: земли и воздуха. Смешиваясь, они дают бирюзовый оттенок. Но когда Герда начала рассказывать про странное взаимодействие двух аур, Охотник нахмурился и заявил, что ей показалось и вообще не стоит увлекаться, а то и не такое примерещится.

Не удовлетворившись, Герда обратилась к Финисту. Услышав ее рассказ, оборотень сразу переполошился. Первым его вопросом было:

— Ты ведь не говорила об этом Охотнику?

Герда удивленно моргнула. Да что с ними такое?

— Он мой учитель.

— Но ему нельзя доверять! Если в следующий раз увидишь что-то странное, сразу иди ко мне. Я скажу, стоит об этом говорить или нет.

— Что ужасного в моих наблюдениях за аурами?

— Ничего, — не слишком уверенно ответил Финист. — Просто не нужно рассказывать лишнего. Кто знает, что из этого он сможет потом использовать против нас?

Герда поджала губы. Этот тоже ничего не скажет, хоть ты его ножом режь. Ну и демоны с ними обоими!

Вскоре дом Охотника навестили портной и сапожник, чтобы отдать заказчикам готовые вещи. Все воодушевленно мерили обновки. Одна Герда пряталась в темном углу, чтобы никто не обратил внимания на ее новые сапоги. И все же избежать зоркого взгляда Майли не удалось. Наследница с интересом изучила обувь со стороны, потом подошла, потрогала и с видом знатока заявила:

— Хорошая обувь. Для деревенского мужлана.

Герда очень пожалела, что способность к отражению срабатывает только на чужой дар, а не на слова. Иначе она бы так ответила! Герда молча забрала свою обновку в каморку и заперлась там, чтобы почитать в тишине. Взяла книжку об оружии и начала листать в поисках кинжала, похожего на тот, что остался от Хозяйки леса. Найти его оказалось не так-то просто. Клинок у кинжала был несимметричной волнистой формы и резко расширялся к рукояти. По многослойной стали шел узор из неоднородных бороздок. Деревянная рукоять, украшенная орнаментом с цветками, похожими на водяные лилии, чуть изгибалась в левую сторону.

Герда пролистала книжку почти до самого конца, прежде чем увидела нечто похожее на иллюстрации к главе о ритуальном оружии. Говорилось о нем очень скупно — всего пару слов о том, что оно предназначается для жертвоприношений. Прежде, чем использовать, необходимо положить его под подушку на ночь. Если приснятся кошмары, то оружие нового хозяина-жреца не принимает и трогать его нельзя, иначе оно принесет большой вред.

Герда сделала, как говорилось в книге. Ночью ей приснился Охотник. Впрочем, он и без того постоянно ей снился. Вряд ли такой сон можно было считать плохим, хотя он мучил ее гораздо больше, чем самый жуткий ночной кошмар. После этого испытания Герда уверилась, что оружие не опасно, и решила носить его с собой на всякий случай. Хотя убить им кого-то вряд ли получится, но можно хотя бы попробовать защититься.

В дверь настойчиво постучали. Майли в каморку не заглядывала, Эглаборг и Вожык

стучали очень деликатно, а Финист имел привычку вваливаться без предупреждения, поэтому Герда безошибочно определила, кто стоял за дверью сейчас и спешно пошла открывать.

— Я принес теплой одежды. Собирайся быстрее, нам предстоит дальняя дорога. Выйти нужно как можно раньше, — встретил ее на пороге Николая с большой собольей шубой в руках. — Метель как раз закончилась, так что самое время учиться слушать ветер. Э-э-э, ты еще не оделась? — неожиданно осекся он, заметив, что Герда стоит перед ним в одной ночной рубашке.

— Я еще не проснулась, — ответила она, силясь понять, который сейчас час, потому что по ощущениям было еще очень рано. Николай скользнул взглядом по босым ногам, беленой льняной рубахе, задержался на расстегнутой пуговице у самого ворота и вытянул шею, как будто пытаюсь сглотнуть вставший в горле ком.

— Собирайся быстрее. Я внизу подожду, — Охотник вручил ей шубу и стремительно направился к лестнице.

Герда вернулась в комнату и внимательно осмотрела свое отражение в зеркале. Вроде, все как обычно. Глаза припухшие со сна, волосы немного растрепаны, пуговица... Подумаешь, пуговица. Герда всегда расстегивала ее, потому что не переносила, когда ворот давил на шею — казалось, что он ее душит.

Почему Николая так смутился? То без зазрения совести хватает за колени и играет в снежки, а потом какой-то пуговицы стесняется. Но гадать об этом было глупо, да и время поджимало.

Герда быстро надела все самое теплое, что у нее было, и отправилась в гостиную. Там они с Николаем наспех позавтракали, потуже закутались в меха, натянули сапоги из овчины и вышли на улицу. Герда сразу же повернула к конюшне, но Охотник остановил ее.

— Я думала, нам предстоит дальняя дорога, — не понимая, сказала она.

— На лошадях мы туда не доберемся, — расплывчато ответил Николай.

— Куда?

— На Нарви. Это самая высокая точка Утгарда. Уж там-то ты точно услышишь голос ветра.

— Гора Нарви? — удивилась Герда. — Я читала про нее. Она же в сердце гор находится. Туда самое меньшее — две недели пути по глубокому снегу. И не уверена, что смогу подняться на вершину. Я ведь как птица летать не умею.

— Зато я умею, — рассмеялся Охотник. — Поверь, мы окажемся там намного быстрее, чем ты думаешь. Идем.

Не заходя в город, они направились на север, где вдалеке виднелись окрашенные рассветными лучами солнца в красно-желтые тона предгорья северного Утгарда. Вскоре впереди показался перекинутый через ущелье большой деревянный мост, перед которым на громадном валуне была выбита старинная рунная надпись "Биворн". Николай взял Герду за руку, чтобы она не робела, и смело повел вперед. На другой стороне они остановились. Николай снял с пояса охотничий рог и приложил к губам. По горам эхом прокатился глухой звук, похожий на уханье филина. Герда недоуменно уставилась на Охотника. Тот напряженно смотрел вдаль. Вдруг затряслась земля, послышался страшный грохот. Лавина! Паникуя, Герда отступила к мосту, но Николай схватил ее за руку и притянул к себе.

— Не пугайся, — усмехнулся он. — Пока мы вместе, бояться нечего.

То ли от слов Николая, то ли от его близости страх ушел. Герда расправила плечи и тоже

стала вглядываться в покрытые густым заснеженным лесом предгорья. Казалось, что ледяные глыбы двигаются, словно сами идут к ним, как в старинной легенде. Чутье, на которое она до начала учебы старалась не обращать внимания, настойчиво подсказывало, что это демоны. И Герда не знала, чего стоит бояться больше: разбушевавшейся стихии или хищных тварей.

Предчувствие оправдалось: на фоне леса показались гигантские силуэты ростом со столетние корабельные сосны. Еще пару мгновений, и Герда смогла разглядеть пришельцев в подробностях. Их было пятеро. Громадные, плечистые, с руками почти до самых колен, тем не менее, спины они держали горделиво прямо, а шествовали торжественно и плавно. Тела замотаны в оленьи шкуры. Плоские овальные лица обтянуты бледно-серой кожей и обрамлены косматыми черными волосами и такими же бородами, хотя у одного уже появились словно припорошенные снегом редкие проседи.

Великаны остановились возле Охотника и почтительно склонили головы.

— Приветствуем, мастер Николя, — хором сказали они. В ушах словно зарокотал горный поток.

— Приветствую, достойные Grimтурсы, — поклонился в ответ Охотник. Герда поспешила сделать то же самое, решив, что задавать вопросы нет времени.

— Есть вести с северных отрогов? — разогнувшись, деловито поинтересовался Николя.

— Все тихо, — бесстрастно ответил старший из великанов.

— Странно. Четыре года прошло, а легион и не думает возвращаться, — нахмурился Охотник.

— Так это ведь хорошо, — продолжал рокотать без малейшей тени эмоции Grimтурс. — Испугались, видно, вашей заговоренной стали.

— Сомневаюсь. Скорее затаились на время и чего-то ждут. Знать бы чего, — Николя тяжело вздохнул.

— Часа возрождения? — робко подала голос Герда.

Все удивленно уставились на нее, словно она сказала что-то ужасное.

— Ты что-то знаешь? — предельно спокойно спросил Николя. Только пристальный взгляд выдавал тревогу.

— Я просто слышала... — испуганно ответила она. Только не это! Ей совершенно не хотелось, чтобы Николя снова решил, что с ней что-то не так. Ну почему не получается быть как все? Или хотя бы помолчать в такие моменты.

— Что и от кого ты слышала? — продолжал выпрашивать Охотник. Шансов уйти от ответа не осталось.

— От Хозяйки леса и от некроманта в Будескайске. Они ждали его, говорили, что он вот-вот должен наступить. Час возрождения — это плохо?

— Я знаю не больше твоего, — пожал плечами Николя и обратился к взиравшим на них с мрачной тревогой великанам: — А вы что-нибудь слышали?

Grimтурсы переглянулись.

— Нет, совсем ничего, — слишком поспешно ответил седой, словно растерял всю свою ледяную выдержку. Николя поджал губы — явно им не поверил.

— В таком случае, не стану вас задерживать, славные Grimтурсы, — Охотник снова склонил голову в знак почтения. Великаны вежливо попрощались и пошли обратно.

— Кевельгар, — тихо позвал Николя. Меньший из великанов, шагавший последним, остановился и повернулся к Охотнику. Николя незаметно ему подмигнул.

— Кевельгар! — позвали остальные Гримтурсы.

— Идите, — махнул он. — Я... я потом догоню.

— Только не сболтни лишнего. Тайны гор должны остаться тайнами, — строго наказал старший. Они покинули Герду и Николая наедине с Кевельгаром.

— Вы что-то хотели, мастер Страж? — уже намного теплее обратился Гримтурс.

— Небольшую услугу. Это моя гостья Герда. Она очень любит тайны и, как и ты, является хранителем древнего знания нашего народа.

Герда нахмурилась. Конечно, слова Николая ей очень польстили, но хранителем знаний, тем более древних, ее даже с большим преувеличением нельзя было назвать.

— Я хочу показать ей Нарви, — продолжил говорить Охотник.

Гримтурс заинтересованно посмотрел на Герду.

— И сколько гор открыло тебе свои недра? — спросил он.

Она недоуменно глянула на Николая. Тот молчал, ожидая, что она сама найдет ответ.

— Наши знания хранятся не в горах, а в книгах, — неуверенно начала Герда. — Вот.

Она достала из-за пазухи дневник Лайсве и показала Гримтурсу. Николай удивленно выгнул бровь. После случая с Юстесом Герда стала опасаться, что ее «сокровище» могут похитить и старалась не оставлять его без присмотра.

Кевельгар с любопытством изучил книгу.

— Такая крохотная. Видно, тайны у людей тоже крохотные.

— Так ведь дело не в размере.

Николя с Гримтурсом хором засмеялись. Герда нахмурилась, не понимая, чем вызвала их веселье.

— Точно хронистка! — успокоившись, ответил Кевельгар. — Так уж и быть, мастер Охотник, отнесу вас и вашу гостью на Нарви, тем более ничего запретного там нет.

Гримтурс поднял их и посадил себе на плечи. Герда испуганно вцепилась в мохнатые жесткие волосы великана.

— Не бойся. Это абсолютно безопасно, — заверил Николая. Она сделала над собой усилие, чтобы прекратить трястись.

Путь занял целый день. И если вначале Герда еще могла восхищаться величественными видами заснеженного Утгардского нагорья, то под конец они наскучили настолько, что она по обыкновению начала раскачиваться из стороны в сторону и напевать что-то себе под нос.

— Не делай этого, — раздраженно бросил Николая.

— Я вам мешаю?

— Мне страшно, что ты свалишься.

— Вы же говорили, что это безопасно.

— Если вести себя разумно, то вполне.

Герда недовольно поджала губы.

— Мастер Кевельгар, а какие тайны хранят в себе горы? — переключила она внимание на передвигавшегося огромными скачками Гримтурса.

— О, горы хранят ответы на все вопросы. О том, из чего состоит наш мир и когда он был сотворен, о том, что с ним станет потом и когда нам, Гримтурсам, придется его покинуть. Разве в ваших книгах не говорится о том же?

— Я таких не встречала, — задумчиво ответила Герда.

— Это от того, что вы мало живете и мало помните, а мы, Гримтурсы, помним все. Это проклятье гор.

Кевельгар замолчал, с трудом пытаясь отдышаться. Видно, ему было трудно говорить и идти одновременно.

— Так странно, — пробормотала Герда, повернувшись к Николаю. — Они ведь демоны, но вы на них не охотитесь.

— Они никому вреда не причиняют. Почему я должен на них охотиться?

Герда пожалала плечами. Вопрос загнал ее в тупик.

— Финист говорил, что Охотники шарлатаны и не борются с демонами, а обирают доверчивых людей.

Николай недовольно прищурился, как делал всегда, когда речь заходила об оборотне.

— В чем-то он прав. Если есть шанс избежать битвы, то я всегда им пользуюсь. Некоторые демоны к людям относятся вполне дружелюбно, а большинство мы вообще не интересуем. Столкновения в основном происходят из-за мелких недоразумений, которые можно разрешить и без драк — выслушать обе стороны, заставить пойти друг другу навстречу. Собственно, это и было главной задачей Стражей — посредничество, а не борьба.

Это звучало разумно. Даже слишком, учитывая, что в юности Николай особым благоразумием не отличался.

— А Ловец в Дрисвятах... вы и с ним пробовали договориться?

Николай заметно вздрогнул.

— Его условия оказались неприемлемыми.

— Почему? Что он попросил?

— Давай не будем об этом.

Охотник снял рукавицу и протянул руку Герде. Она сделала то же самое, не совсем понимая, чего он хочет. Но касаться Николая всегда было приятно, поэтому она не стала противиться. Когда руки начали коченеть, пришлось отнять их и снова надеть рукавицы.

— Вас тоже обучал наставник из Компании? — раз не захотел говорить о Ловце, так пусть хоть про себя что-нибудь расскажет.

— Нет, меня воспитывали, как Стража. Как Страж я прошел Испытание и потом еще некоторое время обучался в Храме ветров на Островах Алого восхода.

— Это ведь на другом краю Мидгарда! Вы, должно быть, весь мир объехали, — восхитилась Герда. — Я бы тоже хотела так... Хотя вряд ли бы смогла.

— Только Мидгард, да и то не весь. Я бы хотел побывать в Муспельсхейме, но Компания вряд ли меня отпустит, — Николай печально вздохнул.

Герда нахмурилась.

— Неужели они могут решать за вас?

— Они могут решать за всех.

— И вы так спокойно это сносите?

— Что ты мне предлагаешь? Беситься, как Финист? Рад бы, но не могу. Я по-другому устроен.

В его словах едва заметно проскальзывала озлобленная ирония попавшего в клетку дикого зверя. Неужели все и вправду настолько безнадежно? Тогда почему Николай не воспротивится, не восстанет против сковавших его правил? Он ведь очень сильный. Даже Финист это признает. Значит, смог бы вырваться: съездить на Авалор, или в Муспельсхейм, или даже в Дрисвяты. Интересно...

— А если Компания прикажет бросить меня, вы это сделаете?

— Не прикажет, — резко отчеканил Николай и отвернулся.

Герда прикусила губу. Не следовало его провоцировать, ведь она уже много раз убеждалась в умении Николая уходить от неловких вопросов.

Солнце быстро скатилось за горизонт, и на горы мгновенно опустилась ночная мгла, а с ней и пронизывающий до костей холод. Герда плотней закуталась в шубу, надвинув ее почти на самый нос, и натянула на лоб шапку. Открытыми остались лишь глаза. Руки и ноги стыли под одеждой. Казалось, даже кровь замерзает в жилах, становясь болезненно вязкой.

— Холодно? — проницательно спросил Николай. — Выпей это. Нам еще несколько часов надо продержаться.

Он протянул ей уже знакомую флягу. Герда поморщилась, вспоминая гадкий привкус горячительного напитка.

— Давай, а то силой волью, — пригрозил Охотник.

— Интересно, каким образом. Вы ведь на другом плече сидите, — попыталась сострить она, но что-то подсказывало, что увильнуть не выйдет.

Фляга взлетела в воздух. Руки и ноги связало незримыми путами. Шуба сама собой сползла с лица. Что-то зажало нос. Герда открыла рот, чтобы глотнуть воздуха, но вместо него туда полилась горькая обжигающая внутренности жидкость. Неимоверным усилием удалось выдрать руку и отнять от губ флягу.

— Я поняла-поняла, — простонала Герда, чувствуя, как фляга вырывается из ладони.

— Тогда слушайся, — назидательно ответил Охотник.

Путы тут же исчезли, а фляга мертво легла в руку.

— Пей, — велел Николай. Пришлось подчиниться.

— Вы злоупотребляете своей силой, — мрачно сказала Герда, передавая флягу обратно.

— Ты злоупотребляешь моим расположением, — Охотник сам отпил несколько глотков. — Когда ты научишься управлять своими способностями, применять дар я уже не смогу.

— Почему я в этом сильно сомневаюсь?

— Ну, мне точно станет сложнее, — лукаво усмехнулся Николай. Герда понурилась. — Эй, тебя вообще-то это воодушевить к учебе должно.

— Что-то не воодушевляет.

— А что воодушевляет?

— Не знаю. Глупая способность — чужой дар отражать. Вот если бы я могла читать мысли, или как вы двигать вещи на расстоянии, или как Финист разговаривать с животными, или как Дугава творить иллюзии, или как Майли...

— Но ты все это можешь, можешь гораздо больше, чем любой из нас. Когда ты полностью овладеешь даром, любые способности Стражей станут тебе подвластны.

— Тогда мне срочно нужно разыскать телепата, — рассмеялась Герда.

— Зачем? — нахмурился Николай.

— Чтобы узнать ответы на вопросы, которые вы так старательно обходите.

— Тебе никогда не говорили, что ты слишком умная?

— Скорее, что я заноза в заднице.

— Фу! Ты из книг таких выражений нахваталась?

— Не совсем, — Герда загадочно улыбнулась.

— От Финиста, — догадался Николай. Она пожала плечами.

Неожиданно Кевельгар остановился.

— Все, пришли, — сообщил он и аккуратно поставил своих наездников на землю.

— Это и есть вершина Нарви? — удивленно спросила Герда. — Здесь так темно, ничего не видно. Непонятно даже, как высоко мы находимся.

— У тебя должно было заложить уши, — со снисходительной улыбкой объяснял Николая. — Да и дышится здесь совсем по-другому, глубоко, полной грудью, не замечаешь?

— Да, но... я ожидала чего-то большего.

— Разве не ты говорила, что размер не имеет значения? Порой великое откровение скрывается за едва заметными вещами. Встань тут. Взгляни на небо. Оно усеяно мириадами звезд. Видишь, как они мерцают? Каждая из них хочет говорить с тобой голосом ветра. Прислушайся и ты услышишь, как они поют.

В ночной тишине Герда слышала лишь голос Николая и свое тяжелое дыхание.

— Стань сюда.

Герда сделала несколько осторожных шагов. Она чувствовала, что совсем рядом зияет бездонная пропасть, но не могла разглядеть в темноте.

— Не бойся, — Николая притянул Герду ближе, к самому краю, стянул с нее шубу и бросил Кевельгару. — Отцепись от меня и расставь руки в стороны. Я не дам тебе упасть. Ну же, если не веришь ни в себя, ни в ветер, то поверь хотя бы в меня.

Герда послушалась, не могла не послушаться, ведь верить ему хотелось больше всего на свете. Она и сама не понимала, почему, но именно вера поддерживала ее во всех невзгодах этого трудного пути. Герда почти потеряла ее, когда встретила его, такого чужого и холодного. Но сейчас впервые показалось, что Николая снова стал тем добрым и могучим Охотником, каким представлялся ей в детстве.

— Чувствуешь? — прервал мысли голос Николая.

Герда закрыла глаза и сосредоточилась. Почва под ногами оборвалась. Герда полетела вниз с ошеломляющей скоростью и, почти коснувшись острых камней на дне ущелья, замерла, а потом взмыла вертикально вверх. И полетела уже не над горами, а над знакомым Мертвым городом со свечными башнями. За спиной громко хлопали гигантские крылья, и казалось, что они принадлежали старинному другу, который всегда был рядом и поровну делил все невзгоды и радости. От восторга даже дыхание в груди замерло.

— Тише-тише, — послышался вкрадчивый голос, шептавший на самое ухо. — Не увлекайся и дыши.

Герда открыла глаза. На небе развернулся разноцветный вихрь, словно короной венчая горную гряду.

— Как красиво! — изумленно выдохнула она.

— Снова огни червоточины. Что-то они зачастили. Неужто, действительно грядет конец времен? — встревожено сказал Николая. Герда опустила руки и прижалась к нему.

— Это оно? Рождение нового демона?

— Так говорят, — коротко ответил Охотник и замолчал.

— Я летала, — Герда попыталась отвлечь его от мрачных мыслей.

— Хорошо! Значит, ты, наконец, расслабилась и позволила ветру говорить.

— Я была не одна. Со мной кто-то был, но я не поняла, кто.

— Ветер. Видно, ты так представляешь единение со стихией.

— Разве вы представляете его по-другому?

— У каждого это происходит по-разному.

— А как у вас?

— Отойди в сторону, — Николая оттолкнул Герду подальше от обрыва и сам занял ее

место.

Он точно также раскинул руки и закрыл глаза. Северное сияние исчезло, и на горизонте забрезжила тусклая полоса рассвета. Откуда ни возьмись налетел ветер, хотя весь день и всю ночь его не было. Выбившиеся из тугого пучка пряди затрепетали, на лицо упали первые лучи солнца, ноги оторвались от земли. Николая с просветленным торжественным лицом воспарил над бездной, похожий на крылатого небесного воина из древних легенд. Всего на несколько коротких мгновений, но этого хватило с лихвой, чтобы в памяти навсегда запечатлелась самая восхитительная и таинственная картина, что Герде приходилось видеть.

Глава 20. В тихой гавани

Финист стоял, замерев у окна, и безотрывно наблюдал, как Николя ведет Герду через двор в сторону видневшегося вдаль леса. Охотник по обыкновению крепко держал ее за руку и не отпускал от себя ни на шаг, словно она была его собственностью. А Герда, казалось, ничего не замечала. Это раздражало Финиста больше всего. Он не понимал, отчего она вдруг стала такой доверчивой, ведь даже к нему привыкала очень долго, а с Николя вдруг полностью растеряла всю осторожность. Будто знала его не пару дней, а гораздо дольше. Неужели он тот самый? Если так, то почему он не забрал ее из Дрисвят? Не может быть, чтобы он не почувствовал ее дар.

— Финист! — настойчиво позвала Майли, прожигая спину укоризненным взглядом.

Финист повернулся и недовольно глянул на свою ученицу, сидевшую на стуле в гостиной. Почему он должен тратить время на эту взбалмошную истеричку вместо того, чтобы проводить его с любимой? Это злило как никогда. Но чтобы научить ее хоть чему-то, нужно вначале справиться с собственными чувствами, хотя бы забыть о них на время и сосредоточиться на работе.

— Как ты спала? — Финист решил начать с простого вопроса. Майли повела плечами.

— Обычно.

— Отец больше не навещал?

Она вздрогнула и заморгала:

— Зачем ты напоминаешь про него? Знаешь же, как мне неприятно и страшно.

— Если мы не разберемся с этой проблемой сейчас, дальше будет хуже. И без того слишком затянули. Ты не должна бояться привидений, да и себя тоже.

— Как я могу не бояться призрака того, кого сама предала и убила?

— В сотый раз повторяю, не ты его предала, а он тебя. Он лгал тебе всю жизнь и растил как ягненка на заклятие. И убила его тоже не ты, и не Герда. Он сам себя погубил своей ненавистью. Чем быстрее ты это примешь, тем легче тебе будет избавиться от его призрака, понимаешь? Ты должна перестать винить себя... и его тоже. Не забыть, конечно, нет, забывать не стоит. Но извлечь из этого урок и жить дальше в мире с собой. Тогда призрак почувствует, что ты стала духовно сильнее его, и спокойно двинется дальше по Сумеречной реке.

— Не могу. Он мой отец. Меня учили, что отца нужно чтить и уважать, но я не делала этого. Я предала его. И даже не тогда, когда попыталась спасти вас во время церемонии, а намного раньше, когда прельстилась плотскими утехами, не обвенчавшись, не испросив его соизволения на брак. И за это должна вытерпеть все ниспосланные мне Единым наказания, самое большое из которых этот демонов дар!

Финист тяжело вздохнул. Как же сильно ей в голову вбили религиозные бредни. Почему только они не остановили ее, когда она висла у него на шее и буквально умоляла обратить на себя мужское внимание? Сколько еще придется платить за ту роковую ошибку? Почему он так легко сдался? Надо было не отступать перед отказом, а просить еще и еще, пока та, которая действительно была ему нужна, не приняла его чувства.

— Давай попробуем забыть о том, чему тебя учили в монастыре. Он тоже в прошлом, как и твой любимый Единый, за которым тебе так нравится прятаться от всех проблем. Представь, что его нет и никогда не было, а ответственность за свою судьбу несешь только

ты сама.

— Не хочу этого представлять. Чтобы жить, мне надо во что-то верить. Только тогда мое существование обретает смысл.

— Верить в себя ты не хочешь?

— Я слишком слаба и ничтожна, чтобы ставить себя выше отца, а, тем более, выше Единого.

— Хорошо, как насчет того, чтоб верить в меня?

Майли недоверчиво подняла глаза.

— Как я могу верить в такое порочное создание?

— Порочное? Я?! — опешил Финист.

— Да, ты! Даже мрачный мастер Охотник куда лучше тебя. Он, по крайней мере, заботливый и внимательный. И ведет себя как благородный человек, а не как разбойник с большой дороги, умеющий общаться только с продажными девками!

— Ну, знаешь, я просто не привык лгать и притворяться. Со мной все просто — что видишь, то и получаешь. Неотесанный грубый деревенщина, потерявший дом и превратившийся в нищего бродягу и разбойника — такой я на самом деле. И не говори, что не догадывалась об этом с самого начала. Что же до пороков, то у Охотника их в разы больше моего, даже по нашим скудным староверческим меркам. До встречи с ним я думал, что хуже буквоедов и крючкотворов с голубиных станций быть уже не может. Но этот инспектор... Он же якшается с демонами и ведет себя как они. Затеял какую-то игру, где все мы марионетки и обязаны слепо подчиняться его воле, даже если это приведет на край обрыва.

— Послушай себя! Ты же просто ревнуешь к нему Герду. Вот уж действительно жалкое зрелище.

Финист поморщился и громко скрипнул зубами.

— Как тебе угодно, но помани мое слово, Охотник совсем не таков, каким кажется на первый взгляд. И я сделаю все, чтобы вывести его на чистую воду.

— Смотри, как бы тебя самого не вывели, — съязвила Майли. — Урок закончен? Я свободна?

— Да, — махнул на нее рукой Финист, не в силах больше что-то доказывать, и закрыл глаза, пытаясь восстановить спокойствие.

Полный провал. Ну почему то, что было так легко с Дугавой и Жданом, с ней так невероятно трудно?

Финист поднял голову и заметил, что Майли остановилась посреди лестницы, внимательно глядя на него. Он задумчиво сощурил глаза. Конечно, всегда есть способ сделать девушку сговорчивей, особенно когда она явно дает понять, чего хочет, но... Нет, он уже совершил эту ошибку однажды — не стоит ее повторять. Финист снова повернулся к окну. На улице целитель хлопотал по хозяйству: чистил дорожки от снега, колол дрова, таскал воду в конюшню. Финисту стало совестно, что он прохлаждается без дела. Аж руки загудели, требуя, чтобы он занял их работой.

Финист решительно вышел во двор и, деловито отобрав у Эглаборга вилы, вычистил конюшню, подослал пол сухой соломой, подкинул сена и выгнал лошадей гулять в загон. Потом поправил покосившуюся дровню и уже начал искать новое занятие, когда на крыльце показался целитель и направился в его сторону. За его спиной робко прятался Вожык.

— У вас еще урок с мальчиком, — напомнил Эглаборг, выпихивая вперед испуганно

мывшегося мальчика. — Вы не забыли? А то он слишком стесняется.

Финист прикрыл лицо рукой. Конечно, как он мог забыть, ведь об этом просила Герда! А все Майли виновата со своими истериками.

— Хорошо. Ты тепло оделся?

Вожык несмело кивнул.

— Тогда, пожалуй, уйдем подальше от домов... на всякий случай.

Мальчик совсем понурился. Финист постарался выдавить из себя подбадривающую улыбку, но, вспомнив, как легко это получалось у Николая, тут же посуровел.

— Идем.

Вместе они добрались до пустыря между городом и лесом и остановились в низинке, где не так дуло.

— Для начала покажи мне, что ты умеешь, — предложил Финист.

— Да собственно... ничего, — засмутился Вожык. — Мы только дышать с Гердой учились и драться... чуть-чуть.

— Драться? — Финист задумчиво почесал затылок. А что? Не самая плохая идея. — Тогда придется начать с самого начала. Попробуем научиться зажигать огонь не только случайно, но и по своему желанию. Стань прямо, разведи руки в стороны и медленно своди их, пока не почувствуешь жар между ладоней.

— Ничего не чувствую.

— Напряги пальцы. Чувствуешь жар?

— Да, мне страшно.

— Не бойся, все будет хорошо. Главное, не бойся.

— Не могу. Горячо, ай!

Вожык вздрогнул и разомкнул руки.

— Чего ты боишься? — сокрушенно спросил Финист, изо всех сил пытаясь преодолеть раздражение. Почему никто не может беспрекословно выполнить даже самые простые задания?

— Огня! Я боюсь обжечь себя или вас... или Герду, как той ночью.

Финист тяжело вздохнул, вспоминая жуткую сцену. Все-таки дар Герды самый необычный и полезный из всех, что ему доводилось видеть. Понятно, из-за чего Охотник так над ней трясется. Верно, хочет Компании услужить.

— Это плохо. Страх — последнее дело, особенно для мужчины. Ты должен его преодолеть, — обратился он к мальчику. Вожык понурился. — Попробуй еще раз. Высвободи все, что ты скрываешь. Забудь о страхе.

— Но Герда говорила, что я должен себя сдерживать.

— Забудь о том, что говорила Герда. Теперь тебя учу я. Доверься мне, ну пожалуйста.

Финист слишком устал, чтобы проводить еще одну беседу на тему отношений ученика и учителя. Не хотят слушать и не надо, пусть мастер Охотник сам с ними разбирается. Правда, он обещал Герде, а ее разочаровывать совсем не хотелось, особенно сейчас, когда их дружба переживает не лучшие времена.

Мальчик послушался: расправил плечи, поднял голову, развел руки и медленно начал сводить. Глаза смотрели куда решительней, чем прежде. Финист отошел в сторону, чтобы его случайно не задело.

— Вспомни все, что тебя злит, волнует или пугает, — наставлял он. — Почувствуй, как эмоции накаляются, как бурлит и закипает кровь в жилах.

С кончиков пальцев мальчика срывались искры.

— Медленней. Вспоминай все. Все, что не дает тебе покоя.

От снега под ногами поднимался пар, но Вожык слишком сосредоточился на своих эмоциях, чтобы заметить это.

— А теперь представь, что впереди стоит твой злейший враг. Выпусти все, что у тебя накопилось. Испепели его!

Ладони Вожыка соприкоснулись. Вверх вырвался огромный клуб пламени. Мальчик громко взвизгнул. Не на шутку испугавшись, Финист сорвался с места и кинулся к нему. Показалось, что огонь хлестнул Вожыка прямо по глазам. На самом деле пламя лишь слегка задело брови и челку, но мальчик продолжал скулить, баюкая правую руку.

"Все-таки обжегся", — с запоздалой досадой подумал Финист. Набрав в ладонь снега, он приложил холод к поврежденной ладони ученика. Вожык терпел, плотно сжав зубы, пока от холода ощущения не притупились.

— По крайней мере, ты выпустил пар, — попытался ободрить его Финист. — Думаю, на сегодня хватит.

Не удержавшись, Вожык громко всхлипнул.

— Только Герде не рассказывай, — произнесли они почти одновременно.

— Знаешь, а ты храбрый малый, — потрепал его по волосам Финист.

— Но я все еще боюсь своего дара. Теперь даже больше, — сокрушенно ответил Вожык. — Раньше я никогда не обжигал себя так сильно. Это так... больно.

— Это моя вина, прости. Я не учел, какую мощь ты можешь высвободить. Но теперь мы станем заниматься каждый день, и энергия не будет застаиваться. Такое не повторится, обещаю.

Вожык слабо кивнул.

— Я могу вытерпеть боль, лишь бы больше никому вред не причинять... Особенно Герде.

— Она тебе нравится?

— Она особенная... такая теплая, живая... как мама.

— Теплая, да, — задумчиво пробормотал Финист.

Он своих родителей практически не помнил. Отца совсем чуть-чуть, да и то по рассказам стариков в основном, а мать... даже запаха ее в памяти не сохранилось. Была ли она похожа на Герду, или на Майли, или на другую знакомую женщину, кто знает?

Когда они пришли домой, Герда тоже уже вернулась и первым делом попыталась разузнать про их успехи, но оба — и ученик, и учитель — старательно этот вопрос обходили, ограничившись коротким уверением, что все нормально и не стоит беспокоиться. Вечер прошел в отрешенном угрюмом молчании. Финист был бы и рад завести беседу, но присутствие Николая действовало ему на нервы. Поэтому лечь спать пришлось рано, а сон никак не шел — мучили тревожные мысли, ощущение того, что он слишком мало потрудился за день и совсем не устал, чтобы ложиться спать... Майли бы сказала, что это привычка деревенщины — доводить себя до изнеможения, чтобы ночью даже на жесткой лавке спать без задних ног... Да, наверное, так оно и есть. Не по душе ему благополучная сытая жизнь.

Только удалось заснуть, как кто-то пихнул его в плечо и противным голосом зашептал на ухо:

— Проснись!

— Зачем? — недовольно осведомился Финист, разглядывая силуэт Майли в неверном свете свечи, которую та держала в руках.

— Мне приснился кошмар.

— Отец?

— Да.

— Я же говорил, просто отпусти его, — отмахнулся оборотень, переворачиваясь на другой бок.

— Не могу. Финист, пожалуйста! — продолжала тормошить его Майли.

— Ну что еще? — заскрежетал он зубами от досады.

— Полежи со мной... как тогда, во время путешествия. Мне от этого всегда легче становилось.

Финист недовольно уставился на нее. Значит, верить в него нельзя, потому что он порочное создание и грубый деревенщина, а как полежать рядом, так он сразу в рыцаря-защитника от кошмаров превращается. Финист перевел взгляд на мирно посапывавшего на соседней кровати Вожька. Вот уж кто спал сегодня без задних ног.

"Ладно, что толку сейчас препираться? Сделаю, как она хочет, а то вдруг кричать начнет и снова всех перебудит".

Финист встал и поплелся вслед за Майли в ее комнату. Повезло, что кровать оказалась достаточно широкой, иначе пришлось бы спать на полу у ее ног, словно сторожевому псу, а эта роль ему всегда претила. Майли легла спиной к стенке, а Финист устроился на краю, с трудом заставив себя повернуться к ней лицом. Натянув на себя кусок слишком узкого для двоих одеяла, он тут же закрыл глаза и принялся считать зареченских лошадей на лугу. Дойдя до пятидесятой, Финист услышал над самым ухом голос Майли:

— Ты не спишь?

Он скрипнул зубами:

— Я пытаюсь.

— Знаешь, о чем я мечтаю? — проигнорировала его ответ девушка.

"Не знаю и знать не желаю", — хотел сказать Финист, но Майли уже продолжала.

— О том, чтобы этот дар, твой и мой, оказался болезнью. Тяжелой, но излечимой. И чтобы пройдя через все тяготы и испытания, ниспосланные Единым, мы, наконец, от него избавились и зажили тихой спокойной жизнью. И Вожька, и Ждана с Дугавой, и мастера Николая с его слугой, и даже Герду смогли излечить. И тогда все бы были счастливы.

Финист широко распахнул глаза и холодно посмотрел в лицо Майли, которое находилось всего в ладони от его собственного. Он даже мог видеть, как тусклый лунный свет отражается в ее темных глазах.

— Дар — это не болезнь. Это часть тебя и часть меня. Без него мы были бы совершенно другими людьми. И вряд ли бы встретились, да что там встретились, каждый из нас до сих пор жив только благодаря дару. Не хочешь верить в меня, верь в свой дар. Он дан тебе от рождения, чтобы ты могла защищать себя и всех остальных людей от демонов. Не называй болезнью благословение.

— Я не верю в богов Стражей и их предназначение. У меня только один бог — Единый.

— У Стражей нет богов. Их даже среди староверов называли безбожниками.

— Так ты тоже ни во что не веришь?

— Я верю в себя и в свой дар. И тебе советую делать также. А теперь давай спать.

Финист закрыл глаза, но стоило представить заливной луг с пасущимися на нем

золотистыми лошадьми, как Майли снова подала голос.

— Как ты думаешь, я красивая?

Финист чуть не упал с кровати. Какого демона она спрашивает это посреди ночи?

— Красивая, только отстань.

— Красивее Герды?

— Я сейчас уйду к себе.

— Ладно-ладно. Уж и спросить нельзя.

На этот раз она действительно замолчала, и Финист спокойно смог вернуться к своему табу, только лошади почему-то стали вороными жеребцами — двойниками коня Охотника — дружно скалили на него зубы и махали передними копытами.

Финист проснулся под утро, как и хотел. Очень тихо поднялся, стараясь не разбудить Майли, и на цыпочках вышел в коридор, не желая, чтобы кто-нибудь узнал, где он провел ночь. За спиной раздалось деликатное покашливание. Финист резко обернулся.

— Кажется, я просил обучить медиума, а не спать с ней, — мрачно выговорил Охотник.

— Это совсем не то, о чем ты подумал, — попытался оправдаться оборотень.

— Ну да, — скептически хмыкнул Николя и двинулся к лестнице.

"Интересно, куда он так рано?" — удивился Финист и пошел к себе в комнату досыпать последние часы перед завтраком.

И все равно отдохнуть от Майли настолько, чтобы не раздражаться при ее появлении, не удалось. Финист радовался, что у нее хотя бы хватило ума не спрашивать при всех, почему он не дождался, пока она проснулась.

В присутствии остальных обитателей дома Майли старалась держаться как можно скромнее, особенно это касалось Охотника. Он внушал ей смешанные чувства. Во-первых, из-за подчеркнута отчужденной манеры общения невозможно было понять, о чем он думает, во-вторых, некая загадочность в нем притягивала, но одновременно пугала. Не определившись с тем, как ему понравиться, Майли выбрала самую выигрышную на ее взгляд стратегию — помалкивать и наблюдать. Лишь иногда она позволяла себе отвести душу, исподтишка делая Герде колкие замечания или игриво стреляя глазами в сторону Финиста. Правда, оборотня это очень раздражало. Майли не понимала, почему. Она изо всех сил пыталась растопить вставшую между ними ледяную преграду, но Финист упорно не желал говорить ни о чем, кроме учебы. Майли так долго ждала, чтобы Герда ушла с дороги и оборотень полностью посвятил себя ей. Но когда это произошло, не смогла удовлетвориться ролью одной из его учеников.

— Знаешь, в чем твоя проблема? — устало спросил Финист после очередного неудавшегося урока.

За окном ярко светило солнце. Лучи, отражаясь от выгоревших волос, создавали странное впечатление, словно вокруг его головы сиял золотистый ореол. Черты лица при этом стали настолько точеными и яркими, что от красоты захватывало дух. По чьей злой шутке этому мужлану, этому неотесанному деревенщине, да к тому же еще и колдуну досталась такая благородная внешность? Ничего удивительного, что при первой встрече Майли решила, что он рыцарь. Правильно говаривала настоятельница в монастыре: порой

внешность лишь маска. И эта маска ее погубила. Продолжает губить до сих пор, потому что каждый раз, когда она поднимает на него взгляд, внутри все переворачивается от болезненного желания прижаться, прикоснуться к колючей от щетины щеке, вдохнуть теплый мужской запах и забыться в страстном поцелуе.

— В том, что я доверилась не тем людям? — сокрушенно спросила Майли, повинувшись собственным мыслям.

Финист презрительно поджал губы, но на колкость отвечать не стал, продолжив монотонно вести урок:

— Во внутреннем противоречии. Оно даже ночью тебя терзает — оно, не твой отец. И припадки тоже от этого. Ты не можешь примириться с собой, ведь дар — часть тебя.

— Я бы хотела найти лекаря, который бы смог эту часть отрезать.

Он явно взвился: глаза полыхнули яростью, ноздри едва заметно затрепетали, а рот искривился в ироничной ухмылке.

— Так в чем же дело? Я знаю таких лекарей. Их по всему Мидгарду пруд пруди. Хочешь, подскажу, как к ним добраться?

— А можешь? — удивилась Майли и подалась вперед. Чувствовала какой-то подвох, но надежда на избавление была сильнее здравого смысла.

— Конечно, нет ничего проще, — Финист прегаденько ухмыльнулся. — Сядишь на ближайший корабль до Авалора, подходишь там к первому встречному человеку в голубом плаще и рассказываешь ему о своей беде. Вот уж он все тебе отрежет по самое не балуй. И заживешь ты долго и счастливо... среди мертвых. Только меня с собой не зови.

— Какой ты...

— Противный? Злой? Порочный? Так бы назвали меня единоверцы? — он презрительно скривил рот в правую сторону и недобро прищурился. — Пойми, ты теперь не одна из них и не можешь жить по их правилам и законам. Даже вечным покаянием ты не заслужишь место среди них, потому что родилась с даром. Слышишь, родилась! Это не болезнь. Им нельзя заразиться. И отсечь тоже нельзя — с ним ты и умрешь.

— Значит, мне лучше умереть. Не хочу быть злой ведьмой! — в отчаянии выкрикнула Майли. Ну почему он не может ее понять?!

— Так не будь ей! — Финист подскочил и тоже повысил голос, но после короткой заминки взял себя в руки и заговорил куда спокойнее: — Вся загвоздка в перспективе. Для Голубых Капюшонов ты абсолютное и безоговорочное зло, у которого нет права на жизнь, но для нас ты друг и союзник. Мы готовы делить с тобой кров и пищу, наставлять и защищать тебя. Так почему ты выбираешь их, а не нас?

— Потому что я знаю, во что верят они, но что движет вами, если у вас нет даже веры? — теперь ничего не понимала уже сама Майли.

— Желание выжить. Поверь, этим мы не сильно отличаемся от остальных существ, населяющих Мидгард. Но, похоже, у тебя такое желание отсутствует. Если ты действительно хочешь умереть, так и скажи. Я устал тратить время впустую.

Майли ничего не ответила и отвернулась. От пренебрежительного тона было непереносимо больно. И еще больнее от того, что Финист во всем был прав. Единоверцы никогда не примут ее обратно, сколько бы она не каялась в своих грехах. Неужели она, добродетельная и праведная, истово верующая, в глазах Единого-милостивого менее достойна чем... наивная светловолосая простушка, которая даже не замечает, как все вокруг водят ее за нос?!

— Я хочу жить, — решительно объявила Майли. — Но я не хочу сражаться с теми, с кем жила так долго и чью веру разделяю до сих пор.

— Тебя об этом никто не просит.

— А если война? В монастыре говорили, что следующая война со староверами лишь вопрос времени. Если она случится, разве ты можешь с уверенностью сказать, что мне не придется сражаться против единоверцев?

— Давай начнем с того, что ты не воин. И не станешь им, даже если научишься пользоваться даром. Но если война все-таки случится, то поверь, убивать будут нас, а не единоверцев.

— Наши шансы настолько малы? — Майли с трудом, но все-таки причислила себя к их компании.

— Я бы сказал, ничтожны.

— Тогда зачем все это обучение?

— Чтобы прожить немного дольше.

Майли пораженно уставилась на него. Она не представляла, что Финист мог погибнуть, пусть даже в битве с неравным по силе противником. Это было бы сравнимо со смертью Единого. Невозможно, неправильно и... бессмысленно. Майли сдавленно вздохнула, неслышно подошла к Финисту и нежно прикоснулась губами к его щеке. Он вздрогнул и удивленно поднял глаза.

— Я согласна принять свой дар, если это поможет тебе выжить.

Финист слабо улыбнулся, явно обескураженный ее неожиданной реакцией, но требовать объяснений не стал. Видно, был рад не меньше Майли, что они хоть в чем-то нашли согласие.

После занятий с Майли Финист чувствовал себя опустошенным, как будто всю душу наизнанку вывернули. Может, он разговаривал слишком резко, но сил бороться с упрямством ученицы уже не оставалось. Только сейчас он до конца осознал, как ему повезло с Дугавой и Жданом. Более прилежных учеников нельзя и придумать.

С Вожыком тоже выходило не слишком хорошо. Хотя благодаря показанному на первом занятии упражнению, энергия в маленьком пирокинетике уже не застаивалась, но обучиться ничему новому мальчик так и не смог из-за укоренившегося в душе страха. Слишком часто собственное пламя его обжигало. Даже старый слуга Охотника это заметил и украдкой передавал Финисту целебную мазь. Он принял ее, наступив на горло собственной гордости — слишком виноватым себя чувствовал перед Вожыком, да и перед Гердой тоже.

Не помогало справиться со страхом и то, что Финист всегда приходил на занятия на взводе после очередного провала с Майли, долго не мог взять в себя в руки, срывая на мальчишке раздражение. От этого Вожык еще больше замыкался и терял последние крохи уверенности в собственных силах. После очередной неудачной попытки зажечь огонь, пирокинетик мрачно сообщил, что перестал видеть человечков в языках пламени. Должно быть, им надоело возиться с таким слабым и бестолковым пирокинетиком, и они решили найти кого-нибудь достойней.

От этой тирады Финисту захотелось волком выть. Ведь проблема явно заключалась не в

ученике, а в учителе. Это он оказался настолько слеп и глуп, что сам загнал мальчишку в угол. Тогда Финист решил сменить тактику — переставил занятия Вожыка и Майли местами, чтобы поменьше срываться. Не слишком хитрая уловка, но все лучше, чем расписываться перед Охотником в бессилии.

Дело пошло на поправку. Вожык взбодрился и повеселел, видя, что учитель уже не смотрит таким суровым укоризненным взглядом.

В перерывах между занятиями Финист много помогал Эглаборгу по хозяйству: чистил конюшню, голубятню, колочил дрова, носил воду. Делал все, чтобы занять руки и разгрузить голову. Целитель бурчал поначалу, но потом махнул рукой — лишь бы на кухню не лез да вещей не путал.

Было в этой работе еще одно значимое преимущество — Финист получил возможность понаблюдать за жеребцом Охотника вблизи. Первым делом решил расспросить о нем свою кобылу.

— Чудной он. Скрытный очень, — неторопливо рассказывала Золотинка. — И судя по манерам, явно не из местных.

— Это я и сам заметил, — ее рассудительный тон всегда вызывал у Финиста чувство, что старший в их паре она, а не он. — С юга он: шерсть короткая, стать необычная, глаза сорочки, нос тонкий с горбинкой. Купцы рассказывали, что такие только в Эламе водятся. Но насколько он ценен, если его сюда через пол Мидгарда тащили? — Финист осекся, заметив, что его лошадь прижала уши. — Эй, ты чего? Для меня ты дороже всех эламских жеребцов вместе взятых.

Он ласково похлопал кобылу по шее.

— Черноволосый за ним по утрам приходит, — смилостивилась Золотинка и продолжила рассказ. — А через пару часов приводит всего в мыле, накрывает одеялом и отдает седовласому шагать, пока конь дыхание не восстановит.

— И так каждый день?

— Нет, но иногда бывает. Седовласый жеребца явно побаивается. Норовистый очень, хотя с черноволосым ведет себя куда скромнее.

— С этим тоже понятно. Мне надо что-нибудь необычное, чем он отличается от остальных лошадей, понимаешь?

— Гогочет много... хотя жеребцы в этом возрасте всегда гогочут. Не знаю, что ты хочешь услышать. Совершенно обыкновенный грубый и невоспитанный молодчик. Ты лучше у Яшки поспрашивай. Он с нее глаз не сводит с самого первого дня.

— Ясно. Что конь, что хозяин — одна зараза, — мрачно ответил Финист и пошел к деннику жеребца.

Прежде чем приниматься за чистку конюшни, нужно было вывести бестию на выгул. Стоило сунуться на территорию жеребца, как тот соорудил страшную гримасу: вытянул шею и начал недобро сверкать белками глаз. Финист демонстративно перехватил вилы из одной руки в другую, показывая, что на испуг его не взять. Потом медленно открыл дверь и накинул на шею веревку. Жеребец грозно щелкнул зубами у самой руки Финиста.

— Только попробуй, — Финист взял недоуздок, не спуская глаз с наглой морды. Но как только протянул руку к коню, тот все-таки исхитрился цапнуть его за плечо. Не больно, скорее для острастки, но Финист решил пресечь агрессивное поведение и отвесил смачную оплеуху по мерзко ухмыляющейся морде. Жеребец набычился.

— А в следующий раз вот этим помеж ушей получишь, — помахал рукоятью от вил

Финист. Конь скривился, но стал спокойно, позволил надеть на себя недоуздок и вывести из денника. Однако на выходе из конюшни снова решил проверить Финиста и попытался галопом протащить его по двору, как часто делал с Эглаборгом. Оборотень бросил вилы, уперся ногами в землю и со всей силы дернул веревку, привязанную к недоуздку, потом еще раз и еще, пока конь не остановился.

— Ты, кажется, забыл, — Финист поднял вилы. — Еще один фокус!

Жеребец громко заржал. Хозяина что ли на помощь звал? Только Охотника поблизости видно не было. Поняв это, конь покорно опустил голову и нехотя поплелся за Финистом в загон. Но стоило затворить калитку, как жеребец полетел по снегу, высоко подпрыгивая и брыкаясь всем телом.

— Интересно, как достопочтенный Охотник на этом держится, — удивленно присвистнул Финист и вернулся в конюшню.

Из-за проблем с учениками не оставалось ни времени, ни сил поговорить с Гердой, а так хотелось узнать, чем с ней занимается Охотник. То, что она упоминала в коротких беседах перед завтраком и после ужина, звучало загадочно и тревожно. Упражнения с дыханием, пристальное изучение ауры, двухдневные походы незнамо куда... вряд ли это входит в стандартный курс компании. Или Николя готовит Герду к чему-то другому? Как иначе объяснить, что он не доверил ее Финисту, а предпочел заниматься лично, отрываясь от каких-то важных охотничьих дел. Знать бы еще, что это за дела такие, ради которых он пренебрегает обязанностями офицера Компании.

После путешествия на Нарви все изменилось: в первую очередь отношение к занятиям и к самому дару. Теперь Герда сама прислушивается к завываниям ветра на улице, к тому, как он хлещет в окна или по крыше в ненастные дни. Он действительно пел. Пел всегда, даже когда казалось, что он совсем затих — на самом деле просто таился, не останавливая песни. Когда Герда сидела молча, сосредотачиваясь на дыхании, сознание сливалась с песней ветра, погружалось в вихрь, и она вновь парила над таинственным городом. Чувство полета вызывало бурный восторг. Хотелось возвращаться туда снова и снова. Ради этого Герда все-таки приучила себя сидеть молча.

Удовлетворившись успехами своей ученицы, Николя решил поставить перед ней новую, более сложную задачу. Герда приготовилась слушать очень внимательно, осознавая теперь всю важность уроков Охотника. Ее серьезный вид заставил Николя усмехнуться:

— Не напрягайся так. На этот раз ничего сложного. Помнишь нашу игру в снежки?

Герда удивленно вскинула брови и кивнула.

— Сейчас мы сделаем то же самое. Я буду бросать в тебя снежки с помощью телекинеза, ты — отклонять, как отклоняла раньше пламя Вожька.

Стало немного не по себе. Герда до сих пор до конца не уверилась, что произошло той ночью. Все получилось само, совершенно без ее участия.

— Удалось один раз — значит, и второй выйдет, — зато Николя не допускал ни малейшего сомнения в успехе. Это пугало еще больше. — Главное, запомни, что ты при этом ощущаешь. Встань ровно, расслабься и дыши, как я тебя учил.

— Глаза закрыть?

— Лучше пока не надо. Думаю, поначалу тебе лучше видеть, что происходит. Готова?

Герда слабо кивнула, не ощущая однако никакой готовности. "Успокойся и дыши", — напомнила она себе. По щеке больно царапнул холодный снежок.

— Все внимание на меня. Ну же, сконцентрируйся! — крикнул Николя, недовольный, что она пропустила первую атаку.

Герда подняла глаза и затрепетала в ожидании. Удостоверившись, что ученица на него смотрит, Николя запустил следующий снаряд. Он летел так неумолимо стремительно, что она не удержалась и отпрянула в сторону.

— Что ты делаешь? Ты должна отклонить снежок, а не отклоняться сама, — покачал головой учитель.

— Я... я понимаю, — расстроено ответила Герда, сама не ожидавшая такой реакции.

Огромным усилием она заставила себя неподвижно дожидаться следующего удара, думая только о том, как отклонить снежок. Но ничего не получилось. За полчаса не удалось отбить ни одного снаряда, к тому же одежда промокла до нитки, а кожу на лице сильно саднило от обжигающих ударов. Герда прижала руку к щеке, не сдержалась и громко всхлипнула. Последний снежок застыл в воздухе и упал обратно на землю.

— Ты даже не пытаешься, — разочарованно подытожил Охотник.

— Неправда, — Герда стиснула зубы, стараясь подавить душившие ее рыдания. — Я пытаюсь... честное слово, пытаюсь. Может, вы с Финистом ошиблись, и нет у меня никакого дара.

Николя ничего не ответил. На виске вздулась маленькая жилка. Охотник отвернулся и долго молчал, безотрывно глядя в пустое пространство перед собой, потом тяжело вздохнул и перевел взгляд на свою ученицу.

— Расскажи еще раз, как это происходило раньше, — нарушил тягостное молчание Николя.

— Не было никакого раньше. Вам показалось, — развела руками Герда. Охотник глухо застонал.

— Хорошо, — кивнул он, собрав остатки терпения в кулак. — Садись.

— Будем опять дышать?

— Нет, ты расскажешь по порядку обо всем, что с тобой происходило во время пути, а я решу...

— Есть у меня дар или нет?

— Да, — громче, чем требовалось, ответил Охотник.

Герда вздрогнула, словно кожей ощущая, как он сердится, и торопливо начала рассказывать. Говорить пришлось долго. Охотник все это время сидел с непроницаемым видом и изредка кивал, но явно не ее словам, а своим мыслям, спрашивал об абсолютно несущественных деталях, которые Герда и не помнила толком. Голова закипала от перенапряжения. К концу Герда чувствовала себя опустошенной и разбитой. Голос осип, а любое шевеление мысли вызывало жуткую боль в висках.

— Хорошо, — удовлетворился Охотник. — Теперь становись обратно.

— Зачем? — растерялась Герда. Она продрогла и устала, а единственным желанием было поскорей попасть домой и устроится возле камина с книгой.

— Продолжим занятие. Ты ведь уже отдохнула?

Герда удивленно моргнула. Это был отдых? Но возражать не решилась и заняла позицию, обреченно ожидая новую порцию снежков. Первый ударился об колено, второй

больно ужалил в плечо, третий залепил глаза, а за ним сразу же прилетели четвертый и пятый.

— Не стой! Делай что-нибудь! — донесся раздраженный возглас Николая.

Стало жутко больно, но не от ударов — их она уже перестала замечать, а от нестерпимой обиды. Чем она заслужила такие муки? Снежки уже сыпались со всех сторон, и не по одному, как раньше, а целыми пригоршнями без остановки. Даже дышать стало трудно.

— Перестаньте! — в отчаянье взмолилась Герда. — Вы ошиблись! Нет у меня дара!

Она закрыла лицо руками и попыталась уклониться от обстрела.

— Если ты такая никчемная и бездарная, то зачем обманывала меня все это время? — прокричал Охотник так грозно, что душа ушла в пятки.

— Я не хотела, я... — пыталась оправдаться Герда, не понимая, в чем ее вина. — Я уйду! Только остановитесь!

Снежные стены обступили ее со всех сторон. Выставив руки вперед, Герда бросилась прочь. Окружавший ее буран взорвался изнутри и опал, освободив путь.

Охотник с трудом перевел дыхание и на мгновение прикрыл глаза. Герда без оглядки бросилась к лесу, не разбирая дороги. Все равно куда, лишь бы подальше от него.

— Стой! — донесся до нее испуганный окрик Николая.

Ноги остановились сами, словно принадлежали вовсе не ей. Герда затравлено обернулась. Вдруг с чудовищных грохотом почва обвалилась, словно прожорливая бездна распахнула свой зев. Взмахнув руками, как в своих мечтах махала крыльями, Герда камнем полетела вниз и упала на спину. От боли вышибло дух. На мгновение весь мир погрузился во тьму.

— Жива? — донесся сверху вездесущий голос Николая. Герда открыла глаза и закашлялась. Охотник стоял в двух саженях над ней на краю обрыва, с которого вниз сыпались комья снега, куски мерзлой земли и трухлявые щепки.

— Ну не молчи же ты! — нетерпеливо крикнул он и прыгнул к ней, плавно приостановив падение у самого пола.

Герда встряхнула головой, прогоняя оцепенение, поднялась на четвереньки и попятилась. Рука напоролась на что-то острое. Пришлось оторвать взгляд от устроившего на нее охоту хищника. Герда медленно повернула ладонь к себе и обескуражено уставилась на порванную насквозь варежку, из которой падали большие алые капли.

— Что случилось? — спросил Николай над самым ухом. — Не убегай так больше. Ты меня до смерти напугала.

Он обхватил Герду руками и крепко прижал к себе. Ее тело напряглось и задрожало, а потом как-то быстро расслабилось и обмякло. Стало так хорошо, что забылось и ушибленное колено, и промокшая насквозь одежда, и кровившая рана, и даже смешанная со страхом обида за то, что Николай кричал на нее там наверху.

— Чего нюни развесила? — спросил он, приподняв ее подбородок кончиком пальца.

Герда вздрогнула, вспомнив, сколько раз Шквал повторял эту фразу. Она сняла порванную варежку и коснулась щеки. Та действительно оказалась влажной. Слезы текли сами по себе — она даже не замечала.

— Все в порядке. Я... — Герда с трудом подавила всхлип. — Я сейчас.

Она случайно обтерла лицо пораненной ладонью, оставив на щеке багровую дорожку.

— Ты ранена? — не на шутку встревожился Николай.

Не дожидаясь ответа, он схватил ее ладонь и принялся внимательно разглядывать порез.

— Края ровные, как от острого лезвия, — задумчиво произнес он. — Ты здесь порезалась?

— Да, но я не заметила, обо что

Герда немного успокоилась, поняв, что Никола больше не сердится. Он опустил на колени и принялся ощупывать пол в поисках лезвия. Герда крепко задумалась. Зачем он за ней побежал? Сам же кричал наверху так, словно не желал больше видеть, но уйти почему-то не позволил.

Охотник громко хмыкнул, ничего не обнаружив, и принялся искать в другой стороне. Почему он ведет себя так странно? То уличает в обмане, хотя она вовсе не желала никого обманывать — они сами обманулись, он и Финист — то вдруг переживает из-за пустяковой царапины.

— Где мы? — решила нарушить тишину Герда, ощутив, как по спине продрал озноб.

— В заброшенном склепе, — ответил Охотник, не поднимаясь с колен. — Мы на старом кладбище.

Сказал, и действительно могильной затхлостью повеяло. Холодной и гнилой. Герда поежилась и с опаской осмотрелась по сторонам. Она провалилась в большое высеченное в камне помещение. Или пещеру? Сверху склеп был укрыт настилом из потемневшего от времени дерева. Его трухлявые остатки торчали из дыры и валялись на испещренном тонкими бороздками полу вместе со снегом и землей. Видно, склеп присыпали, чтобы замаскировать от посторонних глаз, но доски прогнили и выдали таившийся внизу секрет. Герда сделала несколько шагов к ближайшей стене и провела рукой по вырезанным в камне диковинным письменам, напомиравшим те, что она видела в записке из волотовки. Странно. И ощущения почти такие же. Жаль, что Шквала рядом нет. Он наверняка знал, что они означают.

В глубине склепа раздался громкий шелест. Никола с Гердой одновременно вздрогнули и обернулись. На струящийся сверху поток света выбралась стая летучих мышей и устремилась наружу через зияющую в потолке дыру.

— Куда это они посреди бела дня? — нахмурился Никола.

Герда пожала плечами.

— Зачем вы привели меня на кладбище? — подозрительно спросила она.

— Здесь тихо. И Финист вряд ли рискнет сунуть сюда свой нос, зная, что должен заниматься с медиумом. Кладбищенский дух плохо на них влияет, особенно на тех, кто подвержен истерикам.

Герда удивленно моргнула. Никола поморщился, поняв ее неозвученный вопрос.

— Я тоже не железный, а Финист постоянно лезет, куда не просят.

— Он беспокоится обо мне, — быстро оправдала его Герда.

— Ага, как кошка о мышке беспокоится.

Она поперхнулась и ошарашено уставилась на своего учителя. В полумраке древнего склепа его глаза сверкали словно кошачьи.

— Что? — не понял ее взгляда Никола.

— Ничего, просто иногда вы мне кое-кого напоминаете.

— Хм?

— Нет-нет, наверное, я скучаю по нему больше, чем казалось.

Герда вздохнула и опустилась на колени. Стараясь отвлечься, она начала изучать

вырезанные в полу бороздки. Они шли параллельно к дальней стене склепа. Следуя за ними, Герда добралась до небольшой выемки, в которой все бороздки сходились, закручиваясь по спирали.

— Вот дрянь! — выругался Николая. — Да где же ты? От меня так просто не спрячешься. О, демоны, заговоренная сталь!

По одной из бороздок в выемку скатилась багровая капля. Пол под ногами содрогнулся. Сердце заколотилось, как бешенное, стало трудно дышать. "Аура, — догадалась Герда. — Огромная нечеловеческая злая аура!" Прямо из отверстия в полу на нее уставился чей-то глаз.

— Николас! — от страха Герда бросилась к Охотнику. Он тут же сгреб ее в охапку, оттолкнулся от пола, стремительно взмыл к дыре в потолке и выпорхнул оттуда, точь-в-точь как мыши десять минут назад. Правда, полет продлился недолго. Через мгновение они вместе рухнули в сугроб. Сзади послышался грохот. Они обернулись — крыша склепа обвалилась почти до самых ног. Не стовариваясь, Николая с Гердой поползли прочь. Земля продолжала осыпаться. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем обвал остановился, и они обессилено повалились в снег. Аура исчезла, точнее, затаилась внизу под склепом.

— Что это было? — с трудом переводя дыхание, спросила Герда. — Ваш очередной друг-демон?

— Разве я похож на человека, у которого могут быть такие друзья? — огрызнулся Николая, переворачиваясь на спину.

— Да кто вас разберет? С гримтурсами-то вы дружите... и конь у вас не вполне обычный.

— Это духи природы, а там кладбищенская нежить. С такими только некроманты общаться могут, — Николая поднялся и подал ей руку. Почему-то правую, хотя Герда была уверена, что он левша. Приподнявшись, она заметила кровавые пятна на снегу.

— Вы ранены? — переполошилась Герда. Охотник поднял левую руку и развернул ее тыльной стороной вверх. Рукав куртки оказался разрезан почти до самого локтя. Из глубокой продольной раны на запястье обильно сочилась кровь.

— Там в полу торчало острое лезвие в мою ладонь длиной. Заговоренная сталь, по всей видимости — ни за что не увидишь, пока не напорешься, — Николая снова опустился на колени и приложил к ране комок снега, пытаясь унять кровотечение. Потом отодрал лоскут ткани от рукава рубашки и туго обмотал его выше запястья.

— Лезвие, желобки на полу... для чего все это?

— Думаю, чтобы кого-то кормить. Нежить обычно питается аурой или дыханием, а эта, кажется, пробудилась от нашей крови. Темнеет. Идем скорей, ночью эти твари на охоту выходят.

Герда не стала спорить и, прихрамывая, пошла следом за Охотником, но не смогла примериться к его широкому шагу.

— Не отставай. Что с тобой? — быстро заметил это Николая.

— Ног ушибла, когда падала.

— Хочешь, я возьму тебя на руки?

— Не стоит, вы и так слишком много крови потеряли.

Охотник все же заставил ее опереться на его плечо. Так они доковыляли до дома. На пороге их встретил Финист. Прищурился и недовольно поджал губы, заметив, как рука Николая по-змеиному обвивает талию Герды.

— Что случилось? — подозрительно поинтересовался оборотень.

— Ничего страшного. Упала и немного ушиблась, — постаралась объяснить Герда, не вдаваясь в подробности. — Ты же знаешь, какая я бываю неловкая.

Уголки губ Финиста растянулись в плутоватой ухмылке.

— Довел девчонку, что она захотела сбежать? — тихо-тихо прошептал он над самым ухом Охотника.

Николя резко развернулся и смерил его презрительным взглядом:

— Тебе какое дело? Мало забот со своими учениками? Так покажи, чего ты добился.

— С радостью, — прорычал Финист.

Герда удивленно переводила взгляд с одного разъяренного мужчины на другого. Казалось, что даже наледь на пороге не устоит перед жаром разгорающейся свары.

— Прекрасно. Как насчет завтра? — смягчился Николя.

— Завтра? Что завтра? — выпучил глаза оборотень.

— Завтра ты продемонстрируешь, чему смог научить своих учеников за это время, — четко проговаривал каждое слово Николя.

Финист ошарашено моргнул — явно не ожидал такого поворота событий.

— Лучше послезавтра, — ляпнул он, не подумав.

— Хорошо, значит, послезавтра. Все равно один день ничего не решит, — безразлично пожал плечами Охотник, открыл дверь и, пропустив Герду вперед, вошел в дом.

— Где ж вас так угораздило?! — причитал Эглаборг, обрабатывая рану на руке Охотника.

— Неважно. Давай быстрее, у меня еще дела есть, — не слишком вежливо отвечал Николя.

Пришлось потратить уйму времени и сил, чтобы заставить его показать рану целителю. Охотник старательно отнекивался, говорил, что Герде помощь нужнее и вообще кровотечение давно остановилось, но по бледному цвету его лица было ясно видно обратное.

— Тогда сядьте и не дергайтесь, — назидательно ответил старик. — Вы же сами себя задерживаете.

Целитель достал с верхней полки кожаный чехол, вынул из него иглу и моток. Отмерял на локоть толстую белую нитку, обрезал и окунул в склянку с ядовито-желтого цвета жидкостью. Накалил иголку на огне, вддел в нее нить и положил руку Николя на стол.

— Помогите-ка, — Эглаборг подозвал Герду и поручил держать руку Николя, чтобы не дергалась.

— Зачем это нужно? — закатил глаза Охотник.

Герда усмехнулась. Ноет, прямо как маленький.

— Чтобы зажило быстрее и не воспалилось. Скажите еще спасибо, что я из нашего путешествия в Поднебесной этот моток захватил. Жилами шить еще то удовольствие. Теперь, главное, сидите смирно. А вы, госпожа Герда, держите его покрепче, если я ненароком болевую точку задену.

От усердия Герда навалилась на руку Николя всем весом. Эглаборг соединил края раны и сделал первый стежок. Охотник поморщился и смешно зашипел, но не шелохнулся.

Целитель сделал еще несколько стежков, завязал нить на узелок и обрезал. Сверху полил на рану той же жидкостью, в которой купал нить, а потом ловко перебинтовал запястье и ладонь.

— Вот и все. Не стоило так переживать, — улыбнулся Эглаборг. — Я знаю, что делаю.

— Никто и не переживал, — пробубнил себе под нос Николая, поднимаясь со стула.

— Я надеюсь, вы не обратно в склеп так спешите? — вкрадчиво поинтересовалась

Герда. — И почему вы не поблагодарили мастера Эглаборга? Он ведь так вам помог!

По лицу Охотника пошли пунцовые пятна.

— Спасибо, — коротко бросил он, словно стеснялся. Старик не удержался и засмеялся себе в кулак. — Я еще не настолько из ума выжил, чтобы ночью на кладбище с нежитью воевать. К знакомым схожу, может, они что слышали об этом склепе.

Герда слабо улыбнулась, в глубине души побаиваясь, что он лжет.

— Все-таки осмотри и ее тоже, — велел Охотник целителю. — Она с большой высоты упала.

Эглаборг кивнул. Николая направился к выходу.

К ужину он не явился. В этом не было ничего необычного, но Герда очень переживала из-за всего случившегося. К тому же она не могла ни с кем поделиться своей тревогой. Эглаборг оказался сильно занят по хозяйству, Финист пол-ужина что-то бухтел себе под нос, а потом, не дав Майли и Вожыку доест, потащил их в гостиную. Явно из-за проверки разволновался.

Так и не найдя для себя занятия, Герда поднялась в спальню, умылась, расчесалась, переделалась в ночную рубашку, взяла книгу про оружие и улеглась в постель. Пролистав всего пару страниц, когда глаза начали слипаться, а голова клониться к груди. Герда отложила книжку, затушила свечу, сладко зевнула и закрыла глаза. Но не успела она задремать, как в дверь постучали.

"Теперь я хотя бы знаю, что он жив", — отрешенно подумала Герда и пошла открывать. На пороге стоял Николая с большим соломенным тюфяком, перекинутым через плечо. Герда удивленно моргнула. Охотник деликатно отодвинул ее в сторонку, вошел и бросил свою ношу возле кровати.

— Ааа? — протянула Герда, хотя на самом деле хотелось спросить: "Какого демона?"

— Я буду здесь спать, — объявил Николая, словно угадав ее мысли.

Герда снова моргнула:

— Зачем?

— Тебя защищать.

— От кого? От вас самих что ли?

— Очень смешно, — проворчал Охотник, а потом совершенно невпопад добавил: — Милая сорочка.

Герда опустила голову, разглядывая вышитые на воротнике цветочки — единственное украшение унылой ночной одежды.

— Это рубашка, — пожалала плечами она.

Повисла неловкая пауза. Николая уселся на тюфяк и замер, глядя в пустоту. Герда прекрасно знала, что он может так просидеть очень долго, а ей сильно хотелось спать. Срочно надо было брать инициативу в свои руки.

— Удалось что-нибудь узнать про склеп?

— Да, и много. Здесь действительно раньше обитала довольно опасная нежить.

Местные вели с ней отчаянную борьбу. Думали, что изгнали, но, похоже, она просто затаилась на время.

— Что за нежить?

— Нежить, как нежить.

— Мастер Николя! — Герда одарила Охотника гневным взглядом.

Он тяжело вздохнул и принялся рассказывать:

— Ночные Ходоки. По легендам, повелитель берега мертвых сочетался браком с богиней тьмы — Великой летучей мышью. Плодом их союза стал мертворожденный ребенок, ибо смерть жизнь породить не может. Но тьма имела власть оживить мертвеца, напитав его смертной кровью. Ребенок ожил и стал первым Ночным Ходок. Он боится дневного света, а для поддержания жизни ему нужна человеческая кровь. Без нее он впадает в спячку. А еще он любит соединяться с красивыми юными девами. Приходит к ним по ночам и, если те добровольно пускают его в собственное жилище, завладевает разумом и сердцем, делая из них рабынь и матерей для новых Ходоков.

Герда слушала, затаив дыхание. Перед глазами разворачивалась грандиозная картина: бледнокожий красавец восседает на троне из черепов и пьет из золотой чаши густой алый напиток, а вокруг кружатся прекрасные девы в полупрозрачных одеждах, украдкой бросая на своего идола томные взгляды.

— Да ты сама наверняка знаешь эту историю, — вывел ее из задумчивости голос Николя.

— Да, но вы так красиво ее пересказываете, — лукаво усмехнулась Герда. — Все равно не понимаю, почему вы здесь.

— Хочу за тобой присмотреть. Они же дев любят, — любезно пояснил Николя.

— И?

— Ты дева.

— Так они же красивых любят.

— И?

— Как вы себе это представляете? Бессмертный сын древнего бога заявится сюда и начнет меня околдовывать? Бред это. Зачем ему такая ничтожная серая мышка, как я? Вы лучше к Майли сходите. У нее шансов Ходока привлечь гораздо больше.

Николя усмехнулся.

— Бессмертный сын древнего бога? Ну-ну, похоже, он тебя уже околдовал! А Майли и без меня есть кому охранять.

— В смысле?

— Финист спит в ее комнате. Ты не знала?

Герда моргнула. В этом не было ничего удивительного, но все равно неприятно. У Майли все складывается как нельзя лучше, а у нее... Герда перевела взгляд на соломенный тюфяк. В голове тут же созрел каверзный план, как отплатить Николя за все неловкие моменты, что он ей доставил.

— Мы могли бы пойти к вам в комнату. У вас большая кровать. Вам бы не пришлось спать на полу, — предложила она с самым невинным видом.

Николя выпучил глаза прямо как Финист накануне. Герда мысленно похлопала себя по плечу — получилось выбить его из колеи хотя бы ненадолго. Однако он быстро нашелся:

— Я не буду спать с тобой в одной кровати. А вдруг ты пинаешься?

— Да ну вас, — пробурчала Герда и, отвернувшись к стене, попыталась заснуть.

Вначале попробовала считать баранов. У них как назло обнаружилось лицо Николая, поэтому она решила перейти на козлов, но и тут ничего не вышло. Козлы оказались похожими на Финиста. В конце концов Герда снова повернулась к Охотнику. Тот продолжал глядеть на нее, посверкивая глазами в темноте.

— Я так не могу! — простонала Герда.

— Спи, — шикнул Николая.

— Не могу, когда вы на меня так пялитесь.

— Я не могу отвернуться, иначе Ходок похитит тебя прямо у меня из-под носа.

Герда застонала еще громче.

— Просто не обращай внимание.

— Не могу!

— Я же могу не обращать внимания на Финиста.

Герда только хотела ответить, что думает по поводу их склок, как вдруг что-то громко постучало в окно.

Герда подалась вперед, чтобы разглядеть, что могло произвести такой шум. Николая поднялся следом.

"Впусти меня, — прозвучал в голове тихий вкрадчивый голос. Она подошла к окну и уставилась в ночную тьму. — Открой окно. Я расскажу дивную сказку. Таковую ты точно нигде больше не услышишь, — продолжал уговаривать некто невидимый. — Там будет и свобододлюбивая дева, и всемогущий повелитель ночи, и благородный воитель, и Мертвый ветер, который губит все на своем пути".

Герда сдавленно выдохнула и завороченно прошептала:

— Мертвый ветер.

Рука сама потянулась к щеколде, на которую запиралось окно. Прямо за ним было ее видение: черный всадник, тот самый Мертвый ветер, только на этот раз точно настоящий, а не...

— Герда! — услышала она Николая словно сквозь воду, но не повернулась, продолжая тянуться к окну.

— Герда! — в голосе Охотника появились нотки страха и отчаянья. Она не реагировала. Зачем? Он на нее накричал, напугал, обидел, разочаровал. А за окном ждал тот, кого она искала всю жизнь.

— Л'хасси! — вдруг прошипел Охотник. Герда широко распахнула глаза. Нет никакого всадника, а в окне лишь отражение Николая! Пораженная, она пошатнулась. Охотник подхватил ее здоровой рукой.

— Открой окно и отойди в сторону, чтобы я тебя не коснулся, — прошептал над самым ухом.

— Но...

— Будь смелой. Он тебя зовет, значит, и впустить его сможешь только ты, — подбодрил Николая. — Я с тобой.

Герда решительно отодвинула щеколду. Окно распахнулось настежь, будто от сквозняка. Пахнуло холодом, только не зимним, а могильным.

— Николаяяяяяя, — прокатилось по комнате зловещее шипение.

Внутри просочилось нечто темное, темнее самой ночи. Ноги словно приросли к месту.

— Отойди! — взревел Николая, когда тьма принялась обволакивать Герду своими объятьями.

Поняв, что сдвинуться не сможет, она упала ничком на пол. Охотник рванулся вперед и рассек клинком заполонившую окно тьму. Краешком угасающего сознания Герда почувствовала, как Николая запнуло об ее ногу. И тоже полетел вниз. Их закружило в диком вихре. Герда силой выдернула себя из забытья и вцепилась в руку Охотника, боясь потерять его и потеряться самой. Николая крепко прижимал ее к себе, одновременно сражаясь с потоком, чтобы вырваться из ока бури. Неожиданно вихрь стих.

От ужаса Герда закричала: они с Николаем зависли в воздухе на огромной высоте, а потом с ошеломляющей скоростью рухнули в бездну. Свет померк. Они лежали на земле переломанной грудой костей.

— Герда? — послышался взволнованный голос Финиста.

Она встряхнула головой, с трудом соображая, где находится и что произошло. Руки-ноги оказались целы, только двигаться было очень неудобно. Пол стал бугристым и беспрестанно извивался. Воздух казался ужасно спертым.

— Герда?! — в голосе Финиста читался испуг.

Она дернулась. Мир обрел свет, и дышать сразу стало легче. В дверях с запаленной свечой в руке возвышался оборотень.

— Все в порядке? — встревожено спросил он. — Ты так громко кричала.

Герда огляделась. Она лежала на полу возле собственной кровати под грудой одеял и подушек. Николая нигде видно не было.

— Упала с кровати, — ответила Герда то единственное, что пришло в голову.

— О, — неловко выдохнул Финист. — А почему здесь так холодно? Зачем ты спишь с открытым окном?

Герда попыталась встать, но зацепилась за что-то рукавом. Финист сам подошел к окну и закрыл его. Герда сунула руку под одеяло, чтобы освободиться, но столкнулась с чужой рукой. Понятно, почему пол извивался, словно живой. Потому что он и был живой. Николая! Кажется, рукав застрял в пряжке от его пояса. Охотник как раз пытался его отцепить.

— Не ударились? Почему не встаешь? — продолжал беспокоиться Финист, подходя вплотную.

Герда почувствовала легкий щелчок. Рука, наконец, отцепилась. Окрыленная свободой, Герда резко подалась вперед, задев животом что-то выпуклое и твердое. Должно быть, эфес меча. Одеяло недовольно зашипело.

— Что там? — Финист потянулся к краешку одеяла, но Герда уже поднялась и одернула его руку. Оборотень удивленно уставился на нее.

— Не стоит. У меня красные дни, — с каждым разом оправдания получались все более нелепые, но это подействовало — Финист отпрянул от одеяла, как ужаленный.

— Так это... — откровенные заявления явно его смутили. Но он был бы не Финист, если бы не нашелся через пару мгновений. — Если тебе страшно, я могу остаться здесь и охранять твой сон.

Одеяло снова зашипело. Финист удивленно вытаращился.

— Кошки за окном. Кажется, сезон свадеб начался на месяц раньше, — "Что я несу?" — думала про себя Герда. Единственным желанием сейчас было взять что-нибудь тяжелое и сравнить демоново одеяло с полом.

— Так я останусь? — с надеждой спросил Финист.

— Не стоит. Я уже давно не боюсь спать одна, — сейчас Герда уверилась, что одной спать намного безопасней.

— И все же я... — начал Финист, но тут в дверях появилась заспанная Майли.

— Почему ты ушел? — капризно спросила она. — Мне снова приснился кошмар, а тебя не было рядом. Я так перепугалась. Ах...

Майли картинно бухнулась в обморок, причем сделала это настолько неестественно, что Герда прикрыла лицо рукой, прячась от творящегося вокруг абсурда.

— Вот видишь, Майли твоя помощь нужнее чем мне, — веско заметила она, подталкивая Финиста к его ученице. Тот недовольно поморщился, но все же поднял Майли на руки и понес в ее комнату. Герда закрыла дверь и облегченно выдохнула.

Николя наконец вылез из-под одеяла.

— Напомни мне сделать на твоей двери защелку, — недовольно сказал он, поправляя одежду.

— Обязательно. Тогда я смогу запираяться даже от вас, — обрадовалась Герда.

— Тогда я просто выломаю дверь, — поспешил разочаровать ее Николя.

— Так... это и был Ходок? — спросила Герда, поняв, что Охотник собрался уходить.

— Думаю, да. Он превращает людей в сомнамбул и заставляет ходить во сне.

— Так это был сон?

Николя пожал плечами и направился к окну.

— А если он опять заявится? — упорствовала Герда.

— Этот точно не заявится.

Охотник поднял с подоконника мертвую летучую мышь.

— А если есть другие?

— Я договорился с местными. Завтра мы выжжем тот склеп и все старое кладбище. Ходоки больше не появятся.

— Но кладбища разорять нельзя! — ужаснулась Герда.

— Мы оставим большую жертву. Десяток оленей, лошадей и овец, еще кое-что из еды и одежды. Дикую Охоту это должно удовлетворить.

Герда опустила голову. Неправильно это. Если бы кто-то посмел разорить отцовскую могилу, она бы... ничего не сделала, потому что никогда об этом не узнает.

— Лучше разрушить одно кладбище, чем потом строить другое, — бросил на прощанье Охотник. — И можешь поспать подольше. Сегодня занятий не будет.

— Но... — крикнула вдогонку Герда, но дверь уже захлопнулась за его спиной. — Вы ведь тоже совсем не спали.

Глава 21. Тайный поклонник

Через несколько часов Герду разбудил Эглаборг.

— Мастер Финист сказал, что вы плохо спали, поэтому я решил вас немного побаловать, — широко улыбаясь, целитель протянул ей поднос с чашкой кипяченого молока и овсяным печеньем.

— Спасибо, но право же, не стоило беспокоиться, — ответила она, макнув край печенья в молоко. — Мастер Николая уже вернулся?

— Нет, он ушел рано и сказал, что его не будет весь день.

Герда понурилась.

— А Финист тоже ушел?

— Да. Переживает из-за грядущей проверки. Не дал даже мастеру Вожьку с госпожой Майли завтрак доесть — повел обоим заниматься с утра пораньше. Они, наверняка, тоже до вечера не вернуться.

— Тогда... может, я помогу вам по хозяйству?

— Не стоит. У меня в последнее время и так от помощников отбоя нет, а вам действительно отдохнуть надо. Когда еще такая возможность представится? Я ведь знаю, как мастер Николая обычно со своими учениками занимается. Пока все соки не выжмет, не отстанет.

— Да, он очень требовательный, — Герда отвернулась и всхлипнула, нехотя вспоминая вчерашний урок. Николая обвинил ее во лжи... А потом забыл, словно ничего и не было. Может, ей на самом деле просто показалось?

— Не сердчайте. Он просто переживает сильно, хоть виду не подает, но я-то знаю.

Герда, не поворачиваясь, кивнула, погруженная в свои мысли.

— Отдыхайте, — Эглаборг ушел и закрыл за собой дверь.

Герда провалялась в кровати еще с полчаса, потом встала, оделась и вышла на улицу, желая хоть чуточку проветриться. Прошла через двор в конюшню. Почувяв ее, Яшка приветственно заржала. Остальные лошади тоже с любопытством выставили морды из денников. Герда надела на свою кобылу недоуздок и вывела погулять в загон.

Яшка пребывала в замечательном настроении и буквально дышала энергией: описала несколько стремительных кругов вдоль забора, завалилась в снег и, фыркая, принялась в нем барахтаться. Вдоволь накувыркавшись, кобыла подскочила и ринулась к хозяйке, обдав холодной лавиной. Герда весело рассмеялась, отряхиваясь, украдкой слепила снежок и запустила в негодицу. Кобыла взбрыкнула задними ногами и помчалась прочь, замерла, почувствовав, что за ней никто не гонится, и, крадучись, пошла обратно. Герда слепила новый снежок и спрятала за спину, когда Яшка подступила совсем близко, лихо бросила его в лошадиный круп. Кобыла взвизгнула и снова обсыпала хозяйку с ног до головы.

Забыв обо всем на свете, они носились друг за другом, пока Герда вконец не вымокла и запыхалась. Сердце бешено колотилось в груди, но было так весело и легко, что уходить совсем не хотелось. Почему с людьми настолько тяжелей, чем с животными? Ведь у них столько слов, столько смыслов они могут выразить и голосом и в книгах, а все равно закрываются друг от друга, лгут, изворачиваются. Здорово бы было читать чужие мысли как книги вместо дурацкого отражения. Именно этого Герда всегда хотела.

Она помахала Яшке и вернулась в дом. Разложив одежду сушиться возле камина,

поднялась к себе, взяла с тумбочки дневник Лайсве и уселась на кровать. Герда не заглядывала в него с самого их перехода через пещеру Истины. Времени не хватало, да еще уроки с Николя. Они действительно всю душу выматывали — ни на что больше сил не оставалось. Герда только сейчас осознала, насколько устала. Ничего, сегодня она хорошенько отдохнет, как советовал Эглаборг, а завтра... как-нибудь само решится — лучше об этом не думать.

Герда перелистывала страницы, медленно погружаясь в чужую жизнь, перевоплощаясь в невероятную женщину, чьей уверенности и задора ей так не хватало:

"Мы, наконец, достигли Упсалы. Многодневный переход по Лапиш подошел к концу. Теперь перед нами раскинулось обширное Утгардское плато, которое нужно преодолеть до Йольтайда, чтобы успеть вернуться, пока льды между Мидгардом и Хельхеймом не растаяли и червоточина не оказалась отрезанной от континента. Тогда либо придется ждать год, пока океан снова не замерзнет, либо умирать от холода в ледяной пустыне. Но Вейас, как всегда, беспечен.

Мы остановились у жителей холмов. Мой брат сильно приглянулся длинноволосой деве, той самой, что мы спасли от ненниров у пещеры Истины. Вульгарная особа буквально вешается ему на шею, даром что наследница престола. Венценосный папаша из кожи вон лезет, чтобы сосватать ее Вейасу. Конечно, ведь брат — будущий глава Стражей Белоземья (Герда слышала, что Белоземьем называли ее родной край до того, как он присоединился к Веломовии). Жители холмов готовы даже закрыть глаза на человеческое происхождение, лишь бы заполучить его расположение. Только вот сестричка его, кажется, им совсем не к месту приилась.

Я вообще-то не навязывалась — хотела остановиться на постоялом дворе вместе с нормальными людьми, а не с остроухими выскочками, но Вайс заупрямился. Боится, что там меня погоня обнаружит. Иногда я думаю, что лучше бы так и случилось. Больше, чем уверена, с амулетами из Кишно мне запросто удастся их провести. (Что за амулеты, Герда не знала. Непонятные названия проскакивали в дневнике Лайсве довольно часто. Ничего удивительного. Наверняка, женщина писала для себя и не предполагала, что много лет спустя кто-то станет пристально изучать ее записи). Так или иначе, там явно было бы веселее, чем здесь.

...

Сбежала. Нет сил объяснять этому олуху, что на него расставили капкан, который он в упор не замечает из-за своей щенячьей любви. Пусть разбирается сам, а я пока поживу на постоялом дворе. Люди здесь, кажется, приличные. Как-никак, один из самых больших городов в северном захолустье. А благодаря короткой прическе и мешковатой походной одежде вряд ли кто признает во мне женщину. Поживу пару дней, пригляжусь, может, что придумаю. В конце концов, я всегда знала, что наши с Вейасом дороги разойдутся.

Если быть до конца откровенной, то решила я не сама. Помог новый знакомый. Встретила его, пока проветривалась на пустошах за городом. Он очень даже мил и элегантен, а какой у него голос! Только послушайте меня. Пишу, прямо как влюбленная дуручка. А вдруг это правда? Нет! Чтобы я, Лайсве Веломри, вот так взяла и влюбилась? Не может этого быть!

...

Что-то мне не по себе. И сильно. Предупреждали же на глаза людям не показываться, ан нет — на приключения потянуло. Сидела бы в комнате тихо, и все бы было хорошо, а

теперь... Но, может, это всего лишь мнительность?

Спустилась вечером в обеденный зал — хотелось поесть по-человечески, а то я уже забыла, как вести себя в обществе. Села с краю, заказала фаршированный грибами окорок с кружкой эля... ну чтобы выглядеть солидней. В мужской одежде все-таки. А за соседним столиком сидели эти трое.

Ищейки, по крайней мере, очень похожи. В черных плащах. Двое совсем молодых — всего на пару лет нас с Вейасом старше. Один явный франт, рыжий, курчавый, держится нарочито высокомерно. Второй вроде поскромнее, тихий, неприметный. Третий постарше — явно за двадцать. Здоровенный, головы на полторы меня выше, волосы короткие и жесткие, как копна соломы. А ручки-то! Огромные, мозолистые, как будто только от сохи.

Не знаю, что меня дернуло к ним подойти. Хотя сейчас уже догадываюсь. Протянула им кружку и, смеясь так, словно уже захмелела, предложила выпить и произнесла несуразный тост. Они вроде тоже развеселились, охотно стучались кружками, травили байки.

— Откуда, ребята? — набравшись наглости, спросила я. — Издалека?

— Из Белоземья. Мастер невесту беглую разыскивает, — ответил здоровенный и кивнул на франта. — Она прямо из-под венца удрала, даже разглядеть толком не успели. Стыдно теперь одному домой возвращаться. Да и отец с него три шкуры сдерет.

— Какого демона ты все это рассказываешь? — с негодованием укорил его франт. Я усмехнулась и хотела уже уйти, но здоровяк схватил меня за руку, развернул к себе и уставился кристально-голубыми глазами так, что казалось, вот-вот проглядит на голове дырку.

— Может, вы нам поможете? — по его лицу растеклась недобрая ухмылка. — Она такая невысокая, тощая, белобрысая. Прямо как вы. С братом путешествует. Не видели?

Попыталась вырваться, но он поднялся и навис, положив свою ручищу мне на лоб. Только тогда поняла — он пытается меня прочитать! Демонов телепат! Амулет на груди раскалится и жег кожу. Я сомневалась, что он выдержит такое воздействие. Демоны, я боялась, что не выдержу раньше! Помощь пришла, откуда я совсем не ждала — в зал вихрем влетел мой новый знакомый и буквально силой вырвал меня из лап здоровяка.

— Оставьте паренька! Он со мной, — рыкнул на него мой герой. Боги, какой у него голос! Его просто нельзя послушаться. Но здоровяк остался глух. Может, ему медведь на ухо наступил? Телепат смотрел так, словно собирался вцепиться ему в глотку на глазах у всего честного народа. Наверное, и вцепился, если бы вовремя не вмешался франт.

— Микаш, сядь! — властно сказал он. — Чего к голубкам привязался? Сомневаюсь, что они что-то знают. Сомневаюсь, что хоть кто-то в этой демоновой дыре что-то знает.

Здоровяк поджал губы, но прежде, чем отпустить, склонился к самому уху и едва слышно прошептал:

— Берегись.

Потом вернулся за стол. Я стояла совершенно обескураженная, но мой герой взял меня под руку и увел в темный угол, где был свободный стол. Там мы скоротали вечер за неспешной беседой. Наверное, со стороны действительно выглядели, как голубки, но это нас совсем не смущало. Да, Лайсве, признайся, ты влюбилась, окончательно и бесповоротно!"

За окном раздался шум. Герда отложила дневник и встала, все еще находясь мыслями в

прочитанном. Как же Лайсве повезло найти любимого мужчину. Наверняка, они вскоре поженились и жили долго и счастливо. Хотя, нет. Ее привидение витало над Будескайском. И судя по всему, умерла она задолго до Петраса. Тогда хотя бы просто счастливо. Уж лучше короткая жизнь влюбленного в огонь мотылька, чем медленная агония, когда ты осознаешь, что безразлична или даже раздражаешь того, кто тебе нравится. "Клещик-пищалка", — не уставала напоминать себе Герда, когда чувствовала, что утопает в собственных грехах о любви и сказочных героях. Мечты никогда не должны пересекаться с реальной жизнью, иначе они умрут, как лживые миражи, и стремиться будет уже не к чему. Но до чего же трудно не думать о черном всаднике, который никогда не желал встречаться с ней. И даже не вспоминал.

Шум не прекращался. Герда выглянула в окно. В закатных сумерках к усадьбе спешили четверо: Майли, Вожык и Финист с Николая. Собственно, весь шум производили последние двое. Хотя Герда не могла разобрать слов, но судя по тому, как бешено размахивал руками Финист, они снова ссорились. Николая был по обыкновению сдержан, но даже отсюда Герде было заметно, как в уголках губ мелькали клыки — явный признак того, что Охотник злился.

Николя резко взмахнул рукой и указал Финисту на дом, а сам быстро зашагал прочь. Герда тяжело вздохнула и отвернулась. Почему эти двое не могут жить мирно?

Она встретила Финиста в гостиной. Он, Майли и Вожык только переоделись после занятий.

— Что случилось? — сдержанно поинтересовалась Герда. — Я видела, как ты ругался с мастером Николая.

— Как будто это в первый раз, — не удержалась от едкого замечания Майли.

Финист на нее даже не посмотрел. Вместо этого повернулся к Герде и грустно улыбнулся.

— Он помешал нам заниматься. Сказал, что уже поздно и погнал нас домой. Какое ему дело, поздно или нет? Мы уже давно не дети. Из-за него даже к проверке не смогли подготовиться как следует.

— Мастер Николая нас просто спас, — перебила его Майли. — Мы чуть не умерли от всех этих... сосредоточься, войди в транс, призови духов предков. Финист уже нас на кладбище тащить собирался, когда он пришел. Меня на кладбище, ты можешь себе представить? — Майли явно пыталась разговаривать с ней, как с подружкой, но выходило очень неуклюже.

Герда не знала, что ответить и перевела взгляд на Вожыка. Тот пожал плечами:

— Я бы еще позанимался. У меня почти получилось управлять огнем.

— Врешь ты все, — сдала его Майли. Вожык понурился.

Герда удивленно моргнула. Так у него тоже проблемы с обучением? Бедный мальчик! Надо его подбодрить, ведь она прекрасно понимала, насколько ему сейчас должно быть неприятно и обидно.

— Да и чего бухтеть? Все равно проверку отменили, — многозначительно добавила Майли и пошла к себе.

— Правда, отменили? — спросила Герда у Финиста. Он коротко кивнул.

— Только от этого ничуть не легче. Такое чувство, что Охотник меня за идиота держит. Ты бы видела, как он со мной разговаривал! Как будто я недотепа, слизняк и даже хуже.

— Ты преувеличиваешь, — неуверенно ответила Герда и оглянулась на Вожыка в поисках поддержки. Мальчик лишь пожал плечами и пошел наверх вслед за Майли.

Ужин прошел сравнительно тихо. Николая так и не явился. Герда только зря вздрагивала от каждого шороха, ожидая, что он вот-вот вернется. Когда все разошлись спать, она с трудом заставила себя подняться в свою комнату.

Сон не шел. Снедало беспокойство. Прележав полчаса с открытыми глазами, Герда взяла со стола дневник и принялась читать, надеясь, что это ее усыпит. Лайсве красочно описывала своего любимого, сравнивая то с гордым орлом, то с могучим дубом. Забылись и страх перед ищейками, и обида на брата. Лайсве даже познакомила последнего со своим ухажером. Он произвел на Вейаса должное впечатление. Впрочем, Лайсве не сомневалась в неотразимости своего возлюбленного. Она настолько увлеклась, что даже решила отказаться от поездки — таинственный незнакомец предложил погостить в его обители и намекнул на скорую свадьбу.

Такой оборот немало смутил Герду. Лайсве так сильно хотела увидеть Хельхейм, а потом так легко отказалась от этой своей мечты. Конечно, любовь, особенно если это истинная любовь, любовь всей жизни, важнее какого-то путешествия, но почему приходится делать такой нелегкий выбор? Почему нельзя получить сразу все? Если она действительно дорога своему поклоннику, почему он не понимает, как это важно для нее?

Герда так разволновалась, что еще раз вернулась к записи, где описывалась их первая встреча. Такая неправдоподобно счастливая. Даже памятная встреча с Охотником в детстве не оставила настолько радостных воспоминаний. К ним все равно примешивалась смутная тревога и печаль. Хотя, может, это от того, что сейчас с Николаем все так запутано.

На лестнице раздались шаркающие шаги. Герда отложила дневник, накинула на плечи шерстяной платок и вышла из комнаты. Николай открывал дверь своей спальни. В темноте Герда не смогла разобрать лица, но отчетливо слышала тяжелое дыхание.

— Почему не спишь? — вместо приветствия глухо спросил он.

— На новом месте сон всегда тревожный, — пожала плечами Герда и последовала за ним в спальню. — А как вы?

— Все в порядке. Мы подняли плиты под алтарями в склепах — на кладбище обнаружилось еще шесть — и спалили то, что пряталось внутри. Больше Ходоки нас не потревожат.

— А Дикая Охота?

Николай отвел взгляд, но все же начал рассказывать, просто потому что надо было выговориться:

— Никогда не видел, чтобы мертвяки так бушевали. Мы оставили на кладбище большую жертву, но даже она не остудила их пыл. Все кружили возле пепелища, посверкивали гневными взглядами. Ярились. Уже и на город собрались идти. С трудом удалось в сторону леса отвернуть. Чуть было не утащили с собой одного из наших верховых. Зачаровали его вместе с конем, чтобы мчал следом. Всадника пришлось сбить на землю арканом и привязать, а конь унесся за Охотой. Будет теперь мертвяка на себе возить.

Николай замолчал, чтобы перевести дух, да так и не собрался с мыслями, чтобы продолжить.

— Она больше не вернется, Охота? — участливо спросила Герда, ощутив, что пауза неприлично затянулась.

— Вряд ли, — задумчиво ответил он. — Главное, чтобы она никакой дряни на хвосте не притащила.

— А она может? — поежилась Герда, пытаясь представить что-то более мерзкое и

страшное, чем Ходок.

— Она все может.

Николя запалил свечку. Только тогда Герда заметила, каким измученным он выглядит.

— У вас кровь, — переполошилась она, заметив, как с его запястья на пол падают багровые капли. — Наверное, шов разошелся. Я позову Эглаборга.

— Не стоит, уже поздно, — отмахнулся Николя и направился к кровати.

— Тогда давайте я хоть ее промою, — не унималась Герда, и Охотнику пришлось согласиться.

Она быстро сбегала за тазиком с кипяченой водой, чистой перевязкой и заживляющим раны снадобьем, которое показывал целитель. К тому времени, как она вернулась, Николя уже снял рубашку и размотал руку. Шов действительно разошелся, но не до конца. Может, все-таки удастся обойтись без Эглаборга. Герда аккуратно промыла рану, стараясь не разбередить ее больше. Николя протянул ей флягу с мерзким пойлом.

— Не хочу, — наотрез отказалась она.

— Я и не предлагаю, — криво усмехнулся Охотник. — Полей на рану. Так лучше заживать будет.

Герда пожалала плечами, но сделала то, что он просил. Прозрачная жидкость попала на кровоточащую плоть и тут же вспенилась. Николя зашипел и поморщился:

— Теперь можешь замотать.

Герда обернула рану широкими листьями придорожной травы, а сверху забинтовала свежей перевязкой.

Когда все было готово, Герда собрала остатки материи, чтобы отнести их вниз. Николя тяжело осел на табурет у стола и молча уставился вдаль. Его спину покрывал толстый слой перемешанной с потом пыли. Не поняв толком, что делает, Герда намочила в воде кусок материи и принялась осторожно стирать грязь с его плеч. От неожиданности Николя вздрогнул, резко развернулся и посмотрел на нее широко распахнутыми глазами.

— Что ты делаешь? — спросил он охрипшим голосом.

— Я просто подумала, — стало так неловко. Герда не понимала почему, ведь ничего предосудительного она не делала. — Вы перепачкались, а умыться одной рукой тяжело...

Он продолжал напряженно всматриваться в ее лицо. От пронзительного взгляда по щекам растекся пекущий румянец.

— Если вам не нравится, я могу перестать, — в конец смутилась она.

Николя открыл рот, но ничего не произнес — протянул руку и заправил ей за ухо упавший на глаза локон. Герда не могла сказать точно, сколько они таращились друг на друга в странном оцепенении. Глаза начало щипать, но она боялась, что если хоть на мгновенье смежит веки, то сковавшее их пленительное ощущение исчезнет, и все станет как прежде. Но она не вытерпела первой: моргнула и облизала пересохшие губы. Николя сдавленно выдохнул и отвернулся.

— Продолжай, — едва слышно произнес он.

Герда дернула головой, чтобы отогнать наваждение, и снова принялась стирать со спины грязь. Забавно было наблюдать, как под кожей перекачиваются мышцы в такт дыханию и как Николя невольно напрягается, когда материя попадает на особенно чувствительные места. Закончив со спиной, Герда перешла к груди и только тогда заметила, что Охотник сидит с закрытыми глазами. Это было к лучшему, потому что еще один такой взгляд она бы вряд ли выдержала. Ткань коснулась ключицы. Вниз на живот стекло

несколько капель. Николая не сдержался и зашипел, но глаза все же не открыл. Герда внимательно посмотрела на лоскут в руке. Обычная вода. На что он так реагирует?

Она сложила ткань в тазик и тихо произнесла:

— Я закончила.

Николай открыл глаза и посмотрел на нее снизу вверх. Опять так странно и томно, что даже дышать стало тяжело. Он взял ее руку и поднес к губам:

— Спасибо.

Герда невольно сглотнула. Поцелуи Финиста были в десять раз лучше этого! От них, по крайней мере, не бросало то в жар, то в холод. А самым противным было то, что она совершенно не понимала, что происходит. С виду все так невинно, а на самом деле...

— Ну так я... — не хватило дыхания закончить фразу. — Я пойду.

— Да, так будет лучше, — задумчиво ответил он, не выпуская ее руку.

— М-мастер Николай, — позвала Герда, но голос предательски сорвался.

Охотник по одному разжал пальцы. Она плавно выскользнула из его хватки и подошла к двери.

— Спокойной ночи, — пожелала с порога. — И вы обещали сделать на моей двери защелку, не забыли?

Николай громко поперхнулся и закашлялся.

— Не забыл, — прокряхтел он, приходя в себя.

Герда коротко кивнула и вышла за дверь. Как же сейчас хотелось прочитать его мысли, хоть самую малость, только чтобы понять, что все это значило!

Следующий день выдался на удивление спокойным. Но Герду не покидало ощущение, что это затишье перед очередной бурей. Как всегда в восемь они позавтракали, а в девять, когда начало светать, Николай повел ее на занятие. Новое место находилось у самой опушки леса, но здесь хотя бы не было кладбищ со склепами, внутри которых ютилось древнее зло. По крайней мере, так утверждал Николай.

Начали как всегда с дыхательных упражнений, а потом Охотник захотел закрепить прошлый успех. Герда никак не могла взять в толк, какой.

— Ты отклонила мою снежную бурю, — терпеливо напомнил Николай.

Герда ошарашено глянула на него. Он что, издевается?

— Какую бурю? Я же не справилась. Вы еще накричали на меня, забыли? — попыталась отговориться она, но Охотник остался непреклонен.

— Это было после. Я создал бурю вокруг тебя, а ты ее пробила. И даже не заметила.

— Это была не я. Я не могла.

— Но ты это сделала. Осталось только повторить. Становись.

Герда со страдальческим видом заняла позицию. Как и в прошлый раз Николай закидывал ее снежками, а она могла только стоять как истукан и зажмуривать глаза, когда снежные комья летели прямо в лицо.

— Вспоминай, что ты делала в прошлый раз, — Николай стремительно терял терпение. — Или мне опять придется повысить голос.

Герда вжала голову в плечи, вспоминая, как жутко он кричал на прошлом занятии. Так

горько и обидно было слышать, что она его разочаровала. И сейчас продолжает разочаровывать, потому что слаба и ни на что не способна. Почему он так уверен, что его бурю разбила именно она? Что же тогда произошло?

— Если ты не сделаешь хоть что-нибудь, я умываю руки. Пусть с тобой занимается Финист, а я выберу другого, более старательного ученика, например, Майли.

Герда выпрямилась и пораженно уставилась на него, не заметив даже, что обстрел прекратился.

— Да-да, уверен, какой бы неженкой Майли ни была, она не станет так ныть и убегать, столкнувшись с первыми же трудностями.

С земли медленно, чтобы Герда могла хорошо рассмотреть, поднялся большой идеально круглый ком.

— Можешь считать это последней попыткой, — небрежно бросил Охотник.

Снежный шар помчался, целясь прямо в лицо. Но приблизившись вплотную, он поменял направление и мазнул в нескольких пальцах над макушкой.

— Наконец-то, — оживился Николая.

Герда удивленно моргнула. Она была уверена, что абсолютно ничего не делала.

— Давай еще раз для уверенности, — азартно воскликнул Охотник.

В воздух тут же поднялся новый ком. Прежде чем Герда успела хоть что-нибудь сообразить, снег залепил ей рот и глаза. Она закашлялась.

— Ну, пожалуйста, — взмолился Николая. — У меня уже на гадости фантазия иссякла.

Герда отерла лицо и закусил губу в задумчивости. Внутри яростно полыхнуло негодование. Так все его крики и угрозы тоже были обманом?! Он преднамеренно играл ее чувствами, чтобы заставить пользоваться даром. Даже Майли не погнушался приплести! Это нечестно... Подло!

— Сосредоточься.

В нее друг за другом направилось еще три снежка. Ни один из них она не отклонила, зато четвертый пролетел мимо, чуть чиркнув по краю плаща.

— Молодец! — не поскупился на похвалу Николая, поднимая в воздух очередную порцию снежных комьев.

Четыре она пропустила, но пятый промчался достаточно далеко. Потом еще два больно ужалили в щеку, а третий упал, не долетев. Герда начала понимать, что к чему. Надо думать, что это не игра, все очень серьезно, от этого зависит... если не все, то очень многое. И у нее получится, не может не получиться, потому что она уже это делала несколько раз.

Николя увеличивал темп. Она не успевала переключаться так быстро и против собственной воли принялась увертываться, но снежки настигали все чаще, словно преследуя. Герда попробовала отклонять их, одновременно перебегая с места на место, и неожиданно обнаружила, что так намного легче. Она, наконец, согрелась. Говорят, кровь закипает в жилах. Именно это Герда испытывала сейчас. Пьянящий азарт заставлял действовать в такт бешено колотившегося сердца. "Дышать ровно, сосредоточиться", — напоминала она себе, и легко, словно танцуя, отражала четверку снежков.

— На сегодня, пожалуй, хватит, — удовлетворенно сказал Николая.

Герда остановилась, пытаясь перевести дыхание, но неожиданно почувствовала, что ноги подкашиваются. Охотник тут же подхватил ее на руки.

— Похоже, мы перестарались, — мрачно заключил он, присаживаясь на подстилку и укладывая Герду себе на колени.

— Я не справилась? — надтреснутым голосом спросила она. Николая снял рукавицу и приложил ладонь к ее щеке. Сразу стало легче.

— Справилась. Просто ты еще не умеешь трезво оценивать свои силы. У каждого из нас есть предел. Чтобы развивать свой дар, нужно всегда работать на этом пределе, но не переступать его. Иначе можно истощить себя настолько, что даже такой опытный целитель, как Эглаборг, не сможет помочь.

— Что же делать?

— Учиться. Прислушиваться к себе. Найти ту черту, за которую нельзя переходить. К сожалению, в этом я помочь не смогу. Только ты знаешь предел своих возможностей.

— Пока я даже не знаю толком, что это за дар.

— Узнаешь. На все нужно время.

Разговор прервал громкий заунывный вой, донесшийся со стороны леса. По спине пробежали мурашки. Герда резко поднялась и посмотрела в сторону, откуда шел звук, потом перевела взгляд на Николая. Он тоже неотрывно следил за деревьями.

— Демоны? — испуганно спросила она.

Охотник коротко кивнул.

— Оставайся здесь.

Он поднялся и, вынув меч из ножен, стремительно двинулся к лесу.

Неведомая тварь уже уходила. Герда явственно ощущала, как демоническая аура тает. Только бы Николая не бросился в погоню, забыв об осторожности. Герда безотрывно наблюдала за ним, нервно заламывая руки. К огромному ее облегчению, Охотник лишь коротко потоптался на опушке, опустил на колени, что-то внимательно изучая, и пошел обратно.

— Что-то нашли? — спросила Герда.

— Следы. Как рысь — тварь шла по глубокому снегу и не проваливалась. Но этот вой... На рысь совсем не похоже, — встревожено ответил Николай. — Надо будет поискать в библиотеке или спросить у местных.

— Наверное, это гулон, — подсказала Герда. — Он похож на рысь, только крупнее, и издает звуки, похожие на вой.

Николай ошалело уставился на нее:

— Откуда ты?..

— Из книжек. После того, как меня спас один Охотник, я решила прочитать о демонах все, что только можно. Мне казалось, что так я смогу лучше его понять. Узнать, почему он не вернулся за мной, как обещал.

Николай ничего не ответил. Герда потупилась. Зря она это сказала. Сейчас она напоминала себе Майли, которая вечно корила Финиста и этим делала только хуже. Конечно, обидно, что Николай пренебрег их давним знакомством, но лучше находится рядом и терпеть его холодность и отчуждение, чем думать, что он умер.

— Пойдем, я отведу тебя домой, а потом попытаюсь выяснить про твоих гулонов, если это, конечно, они, — после затянувшейся паузы объявил Николай и взял Герду за руку.

Дома они оказались раньше обычного. Охотник сразу ушел к таинственным "местным жителям", оставив Герду в одиночестве. От нечего делать она направилась в библиотеку разыскать что-нибудь полезное.

Нужная книжка обнаружилась достаточно быстро. Точно такая же, как та, что она читала дома — "Легенды и предания старого Севера". Отрывок, посвященный гулонам, был

сравнительно небольшой, но очень любопытный:

"Гулоны живут скрытно в тенистых чащах горных северных лесов. Известно о них не так много, потому что они очень редко показываются человеку. Атакуют сверху — прыгают с деревьев на спину ничего не подозревающей жертвы. Но питаются в основном падалью. Полностью обгладывают труп. Едят до тех пор, пока их не начнет выворачивать наизнанку.

Живут исключительно поодиночке и в стаи не сбиваются даже при угрозе голода, потому что на дух друг друга не переносят. По двое собираются лишь в период спаривания — раз в три-четыре года, а потом снова расстаются. Когда какой-либо собрат ненароком забредает на их территорию, предупреждают его воем, чтобы убирался прочь, иначе драки не миновать. Как правило, они уходят, потому что крайне трусливы.

Случаи нападения на людей очень редки. Еще реже они выходят к людским жилищам и вступают в открытое противостояние. Единственный такой случай был описан в "Хронике Лапии" во время битвы с горными троллями".

Рядом с отрывком изображалось свирепое клыкастое животное, похожее на рысь и росомаху одновременно.

Герда принялась искать еще что-нибудь об этом демоне. Библиотека ведь такая большая, возможно, здесь даже есть копия упомянутой в книге старинной хроники.

Во входную дверь постучали. Эглаборг, видно, хлопотал по хозяйству на улице, потому что никто не открыл. Стук стал настойчивей. Пришлось отложить книги и самой встречать гостей.

На пороге оказалась розовощекая Анка.

— Привет! Решила проведать свою одежду. Можно? — шутя, спросила она.

Герда не замедлила пригласить ее в дом.

— Как твои дела, рассказывай, — нетерпеливо расспрашивала Анка, пока Герда угощала ее компотом с булочками, которые Эглаборг так удачно оставил на кухонном столе.

— Хорошо, — расплывчато ответила Герда, не зная, о чем стоит говорить, а о чем лучше молчать. Дела Стражей всегда были окутаны тайной. Сомнительно, что Николая согласился бы делиться своими секретами с посторонними, пусть даже с такими добрыми, как Анка.

— И все? — удивилась она скудному ответу. — Где же огонь? Где страсть? Где интерес к жизни? Кстати, миленькое платьице. Ты все носишь, что я тебе дала?

Она задавала столько вопросов, что Герда даже слово вставить не успевала.

— Пойдешь завтра на праздник?

На этот раз Герда так удивилась, что даже смогла ответить достаточно громко, чтобы перекрыть ее:

— Какой праздник?

— Ну как же, Имболк. Как можно не знать про Имболк?

— У меня на родине другие праздники, — Герда пожалала плечами, но Анка даже не заметила.

— Утром мы будем предсказывать, когда придет весна. А потом готовить праздничный ужин: блины с маслом и лепешки из овсяной муки. И наряжать соломенное чучело невесты. Пронесем его по всем домам, где есть девушки на выданье, а потом уложим в постель из тростника, пригласим наших мужчин и будем плясать всю ночь до упаду. Ну я-то не буду, у меня Гуда и муж, но у тебя нет ни того, ни другого, поэтому ты просто обязана повеселиться за нас обеих.

Герда мечтательно улыбнулась, вспоминая давний праздник в Дрисвятах, когда Николая, тогда еще Николас, пригласил ее на танец.

«Клещик-пищалка», — поспешила укорить себя Герда. Сейчас все совсем по-другому: холодный и расчетливый Николай совсем не тот искренний и благородный юноша, который спас их город от Ловца. Да и был ли Ловец на самом деле, если все остальное — обман?

— Так ты пойдешь? — любопытствовала Анка.

— Не знаю, — Герда поникла.

— Почему? — смешно надула губы Анка, обижаясь понарошку.

— Мне не с кем пойти.

— А как же Николай?

Герда пожалала плечами. Наверняка, он будет сильно занят, разыскивая гулонов. А даже если и нет, то вряд ли снизойдет хотя до одного танца с ней.

— Тогда приходи одна. Поверь, скучно не будет.

— Хорошо, если мастер Николай разрешит...

— Куда он денется? — усмехнулась Анка. — Тогда до завтра. И одень обязательно то синее платье. Оно очень тебе идет.

Герда кивнула и улыбнулась на прощанье. Может, действительно пойти, чтобы немного развеяться? Дома она всегда пропускала праздники, даже побаивалась их из-за навязчивого внимания Вальдемара, но здесь все должно быть по-другому. Лишь бы Николай отпустил.

Охотник показался во дворе усадьбы на удивление рано — еще солнце сесть не успело. Финист тоже направлялся домой после занятий с Майли, которая едва поспевала за его размашистой походкой. Не глядя друг на друга, мужчины одновременно шагнули к двери и ударились плечами. Финист раздраженно скрипнул зубами. Николай быстро уступил дорогу, слишком уставший, чтобы ругаться из-за пустяков.

Ужин еще не был готов, и все, замученные и хмурые, разбрелись по комнатам. Герда, заметив, что Николай идет в библиотеку, последовала за ним, надеясь поговорить наедине.

— Удалось что-нибудь узнать? — робко поинтересовалась она, когда Охотник обернулся к ней.

— Ничего определенного, — вымотано ответил Николай. — В лесу обнаружилось несколько пар таких же следов. Они вели на северо-восток, но мы не смогли пойти по ним, потому что началась пурга и все занесло.

— Странно, гулоны обычно ходят поодиночке, — хмыкнула Герда. — А местные о них слышали?

— Нет, но вполне вероятно, что они называют этих демонов по-другому.

— Плохо.

— Да.

Повисла неловкая пауза.

— Я вот нашла... книжку. Тут даже картинка есть.

Герда протянула ему томик "Легенд и преданий", открытый на странице, посвященной гулонам. Охотник быстро пробежался глазами по строчкам.

— Совсем негусто, — хмуро заметил он. Герда указала пальцем на последнюю строчку.

— Здесь говорится, что подробно о нападении гулонов можно прочитать в "Хронике Лапии". Может, она есть в вашей библиотеке? А если нет, то ее наверняка можно заказать в Дюарле.

Николай невесело усмехнулся.

— Если бы это было так просто. "Хроника Лапии" — древнейший манускрипт, описывавший события, которые привели к объединению Стражей. Единственный ее экземпляр хранился в Великой библиотеке Эскендерии, но Голубые Капюшоны сожгли ее до основания, когда город пал.

— Зачем понадобилось жечь библиотеку? — подобное кощунство казалось абсурдной нелепостью. Никто не может быть настолько зол и глуп, чтобы воевать с книгами.

— Порой книги превращаются в гораздо более грозное оружие, чем меч или сильнейший дар Стражей.

— Чем же они могут навредить? — Герда в задумчивости провела пальцем по истертому корешку. Она прочитала так много, но никогда не находила в них, даже самых страшных, ничего угрожающего.

— Тем, что там может быть написана истина, — Николя сел за стол и достал из ящика бумагу, перо и чернильницу. — А против истины даже самая надежная защита бессильна.

Герда пожала плечами и, подойдя к Охотнику, с любопытством выглянула у него из-за плеча. Николя аккуратно копировал изображение гулона.

— Вы до сих пор рисуете? — удивилась Герда. Думала, Охотник забыл о детской забаве, как забыл о ней. Но хоть что-то осталось неизменным.

— Редко. Только если это касается дела, — сухо ответил Николя, подняв рисунок и книгу, чтобы сличить их, а потом посыпал его песком. — Спрашивай быстрее, что хотела. Не из-за гулонов же ты до сих пор у меня над душой стоишь?

Герда понурилась и отступила на шаг.

— Я беспокоюсь.

— Не стоит. Это мелочи.

— Но...

Стало обидно. Раньше он хотя бы опасность признавал, а теперь говорит так, словно ему все нипочем. Что ж, раз Николя так легко к этому относится, то можно спросить:

— Завтра Имболк, будут танцы. Я бы хотела сходить...

— Ни в коем случае, — последовал не терпящий возражений ответ.

— Почему? — возмущенно воскликнула Герда. Ему, значит, можно в рискованные дела с головой нырять, а ей даже за порог ступить нельзя!

— Опасно.

— Вы же сами сказали, что это мелочи.

— Для меня — мелочи. А неокрепший дар, как у тебя, привлекает демонов. Опасных демонов, с которыми ты справиться не сможешь.

Герда прищурилась. Беспокоится? Что ж, может, это и к лучшему.

— Тогда пойдемте вместе. Будете меня защищать.

Николя хмуро уставился на нее. Щеки запылали от прилившей краски. Она произнесла это вслух?!

— Нет времени.

Охотник снова отвернулся к книге и забормотал обрывочные фразы себе под нос:

— Война с троллями... Тролли — это определенно нехорошо.

— Тогда я попрошу Финиста, — не раздумывая, выпалила Герда.

— Нет! — Николя рявкнул так, что со шкафов посыпалась пыль.

Почему?! Ведь он сам признал Финиста хорошим воином. Да, оборотень несколько раз ошибался, но все же у него достанет сил защитить ее на празднике. Или дело вовсе не в этом.

Ревность? Быть не может!

— Хорошо, завтра посмотрим, — смягчился Николая после затянувшегося молчания. —

Может, у меня получится выделить час на твои танцы.

— Ура! — не удержавшись, Герда бросилась к нему на шею.

— Тише, — осадил ее Охотник суровым тоном. — Только учти, я не танцую.

— Но раньше...

— Забудь, что было раньше.

"Да, конечно, надо забыть, ведь ты совсем не мой искренний и благородный Николас, который мог бескорыстно пригласить глупую провинциальную девчонку на танец, просто чтобы она не грустила одна".

Глава 22. Нашествие

Финист снова разругался с Майли, причем даже не понял, что произошло. Минуту назад она, лежа вместе с ним в постели, с гордостью хвасталась, что смогла выгнать дух отца из своих снов, а потом вдруг протяжно посмотрела, словно ожидая чего-то. И вроде бы краешком ума он понимал, чего именно, но все же предпочел проигнорировать.

— Ты никогда меня не любил, — сокрушенно сказала Майли, устав от бесполезного молчания. — Скажи, ведь так?

— Да причем здесь?.. — только и смог произнести Финист. Она вырвала из-под его головы подушку и ударила по лицу. Потом отбросила ее в сторону и разрыдалась.

— Что?.. — теперь Финист действительно не имел ни малейшего понятия, какой демон ее укусил.

— Убирайся, — сквозь слезы прошипела она. — Убирайся, а не то я буду кричать!

Финист собрал вещи и вышел за дверь за мгновение до того, как в нее полетела та самая злосчастная подушка.

— Истеричка, — пробормотал он себе под нос и уже собирался вернуться в их с Вожыком комнату, когда заметил движение в конце коридора.

По мягким пружинящим шагам он тут же узнал Николая и спрятался в тени, желая выведать, куда собрался этот хлыщ в такую рань. Охотник спустился по лестнице в прихожую, надел короткий полушубок и меховую шапку, натянул сапоги, поправил притороченные к поясу ножны и вышел во двор. Финист быстро оделся и, стараясь не шуметь, последовал за ним. Охотник вывел из конюшни уже оседланного жеребца, вскочил в седло и направился к лесу. Мгновение Финист стоял в задумчивости: идти или не идти. "Нет, я все-таки выведу тебя на чистую воду", — по привычке скрипнув зубами, забежал в конюшню, на скорую руку оседлал Золотинку и помчался следом.

Нагнать Николая удалось только в лесу. Звериный нюх пришелся очень кстати. К Охотнику тем временем присоединился всадник в бледном, почти не отличимом от снега плаще. Лицо было скрыто капюшоном, но Финист явно ощущал нечеловеческую ауру.

— Где вы их заметили? — ветер донес обрывок разговора.

— ...чуть западней ручья... Подстрелили одного. Точь-в-точь как на рисунке... За деревьями видели еще нескольких... Двигались очень быстро — мы разглядели лишь мельком... Они опасны?

— Кто знает?.. Почему так далеко ушли от старого места?

— Кочуют в поисках пищи?

— Вряд ли. Не в их повадках... Стой!

Золотинка испугано всхрапнула и попятилась, ломая ветки.

— Тихо ты! — шикнул на нее Финист.

— Там кто-то есть! — послышался второй голос.

"Попался", — мелькнула в голове шальная мысль. Финист суматошно придумывал, как будет оправдываться.

— Сам вижу, — ответил Охотник.

И Финист тоже увидел. Странную рассеянную по поляне впереди мелкими пятнами ауру демонического животного, по силе способного потягаться даже с виверной. Финист проверил, как вынимается из ножен меч — хвала провидению, додумался взять оружие.

— Возвращайся и приведи подмогу, — бросил своему собеседнику Охотник.

— А ты? — встревожено спросил тот.

— Продержусь. Их пока немного.

"Их несколько?" — удивился Финист и, присмотревшись, понял, что за деревьями не одна большая аура, а много маленьких, но абсолютно одинаковых. Почему Николая сказал, что их немного, когда на самом деле там больше сотни?

Мимо, поднимая в воздух снежные хлопья, промчался всадник в плаще. Финист дернул головой, вырываясь из зыбкой задумчивости. Надо было посмотреть, в какую авантюру собрался влезть этот идиот.

Финист выехал из-за деревьев и направился к видневшейся в просвете деревьев фигуре, напряженно застывшей в седле перед густыми кустами можжевельника. Стоило подъехать ближе, как уши уловили глухое рычание.

— Какого демона ты тут забыл? — не поворачиваясь, сварливо спросил Николай. Небось, по ауре догадался. — Впрочем, не важно. Проваливай!

Финист хотел возразить, но тут на Охотника бросилась крупная рыжая бестия с приплюснутой медвежьей мордой. Сгустившийся в кулак воздух ударил ее об ствол росшей рядом сосны. Тварь заскулила. Из-за кустов выпрыгнула еще одна. Меч Николая со свистом опустился поперек ее головы. Брызнула темная кровь. Тварь полетела на землю с расколотым черепом. Ее предшественница уже пришла в себя и приготовилась к прыжку. Финист направил Золотинку на нее, свесился набо и ударил, когда тварь была уже в полете. К Николаю подоспела третья — ей сильно досталось от кованых копыт жеребца.

Новая бестия мягко спрыгнула откуда-то сзади. Финист молниеносно развернулся в седле и снес голову прежде, чем она успел вонзить зубы в его затылок. Золотинка от страха попятилась. С ближней сосны обрушился еще один хищник. Финист отрубил когтистую лапу и сбросил скулящую тварь на землю. Кобыла резко развернулась и столкнулась задом с жеребцом Николая, который тоже бежал от превосходящего численностью противника. Но твари оказались проворнее и хитрее: они наступали отовсюду и, образовав вокруг жертв кольцо, стремительно его сжимали.

— Демоны, откуда их столько?! — ошалело спросил Финист, с трудом переводя дух.

Воздушный сгусток шибанул кинувшуюся к ним тварь. Золотинка от страха лягнула еще одну. Финист снова вскинул клинок.

— Какая разница? Обернись птицей и улетай! — крикнул Охотник.

Им обоим приходилось волчком крутиться в седлах, отбиваясь от сыпавшихся со всех сторон хищников. Вдвоем здесь никак не справиться! Финист упрямо скрипнул зубами.

— Я не могу бросить кобылу. Она мне как родная!

— Сейчас тебя вместе с этой родной...

— А тебя что ли нет?

— Это моя работа! А какого демона ты тут забыл?!

Финист продолжил сражаться молча. Он просто не мог оставить самоуверенного болвана на растерзание орды свирепых демонов. Такой трусости он бы никогда себе не простил!

— Давай пробьем брешь и уведем их в узкое место. Там защищаться легче, — предложил Финист, чувствуя, как по жилам тяжелым свинцом растекается предательская усталость.

— Нельзя. Вдруг они не пойдут за нами, а направятся в город? — возразил Охотник,

яростным порывом ветра отшвырнув еще с десятков гулонов. Бести с визгом полетели в снег и тут же оказались под лапами спешивших к центру схватки сородичей.

— Тогда прикрой меня. Я позову подмогу.

— Только быстро, — без лишних слов понял его Николая.

Жеребец закружился на месте, копытами поднимая в воздух стены снега. Николая вихрем поддерживал завесу, укрывая их от неприятеля. Не теряя время даром, Финист набрал в легкие побольше воздуха, выпрямился и завыл по-волчьи. Громко, протяжно, как никогда отчаянно.

Всего мгновение, и Финист вновь принялся сечь стремительно наступавших гулонов. Лошади вытоптали снег до самой земли. Все вокруг покрывали тела поверженных демонов, по которым неслись все новые твари. Лес превратился в колышущееся рыжее море, волнами накатывающее на два несокрушимых и все же терпящих поражение утеса. Вдалеке показались жидкие серые всполохи. К раскатистому рычанию демонов прибавились более тонкие нотки волчьих голосов, но они оказались слишком малочисленны и утонули в бурном потоке. Вместе с ними и надежда.

— Молился сегодня своим богам? — не преминул съязвить напоследок Охотник.

— Я не верующий, — безразлично ответил Финист. Желания менять религиозные убеждения он не испытывал.

— Я тоже, — вздохнул Николая.

Дыхание вырывалось сдавленными сипами и белесой испариной клубилось над головой. По лицу градом катился пот, застилая глаза. Сердце бешено колотилось в груди, набатом отдаваясь в ушах.

Круг сомкнулся до предела. Это конец! От всех отбиться они точно не сумеют.

Финист запоздало раскаялся, что был так резок с Майли. В конце концов, чего стоило слукавить самую малость? Он покосился на Охотника. А уж как Герда будет убиваться! Только непонятно из-за кого больше.

Гулоны клацали челюстями у самых копыт, издеваясь над жертвами. По подбородкам текла голодная слюна. Злобные маленькие глазки мерцали то желтым, то зеленым светом. "Ну, когда же? — отрешенно подумал Финист. — Кончайте, нет сил ждать!"

Издали донесся оглушительный зов. Твари разом наострили уши. Финист недоуменно переглянулся с Охотником. Гулоны развернулись и помчались в сторону звука. Как только последний демон скрылся, они оба обессилено скатились с лошадей и повалились на снег недалеко от вытоптанного места.

— И часто у тебя так? — с трудом приходя в себя, поинтересовался Финист. Николая медленно повернул к нему мертвецки-бледное лицо.

— Бывает, — ответил он, странно растягивая каждый звук. Финист нахмурился и внимательно присмотрелся. Звериный нюх с легкостью выделил из мешанины едкий запах человеческой крови.

— Ты ранен? — встревожено спросил Финист.

Николя медленно поднял руку и посмотрел на поалевшую перевязку.

— Шов разошелся, — безразлично ответил он и закрыл глаза.

— Эй, ты чего? — Финист перебрался поближе и принялся тормошить его за плечи. Не хватало, чтобы после всего болван умер у него на руках.

— Все в порядке. Погоди немного, — Николая открыл глаза и, поморщившись от яркого света, снова их закрыл.

Со стороны дороги донесся скрип снега под копытами. Финист встрепнулся. Хотя аура от пришельцев исходила вполне человеческая, чутье настойчиво советовало быть настороже. Всадники спешно въехали на заваленную искромсанными трупами поляну.

— Николая! — громко позвал возглавлявший процессию незнакомец.

— Здесь, — сквозь стиснутые зубы откликнулся Охотник.

Всадники заторопили коней. Их было около двух десятков. Все до одного в точно таких же плащах, как у посланного за подмогой товарища Николая. Передовые спешили. Заметив побагровевший снег под рукой Охотника, они очень аккуратно помогли ему встать на ноги и, уступив настойчивым просьбам, усадили на жеребца. Конь в одночасье присмирел, внимательно прислушиваясь к тому, что происходило на его спине.

Финисту тоже предложили помощь, но он отказался. Собравшись с силами, сам вскарабкался на кобылу и поехал в хвосте странного отряда, внимательно вглядываясь в неестественно напряженную спину Николая. Вот идиот. Перед кем только хорохорится? На лице же написано, что вот-вот сверзится. И будет еще хуже!

Один из шагавших впереди всадников о чем-то его расспрашивал. Охотник то коротко кивал, то качал головой, потом сказал нечто такое, что заставило его собеседника надолго замолчать. Финист все бы отдал за возможность слышать, о чем они говорят. Он и сам не понимал, откуда взялось навязчивое любопытство к делам Николая, но инстинкт подсказывал, что нашествие гулонов произошло неспроста. За ним скрывается что-то очень опасное и, скорее всего, Охотник знает, что именно, но делиться догадками не хочет. А ведь он, Финист, мог бы помочь. Он же сражался ничуть не хуже Охотника. Почему этот глупец отказывается принять помощь, даже когда она настолько необходима? Страшно признать, что нашелся кто-то равный ему по силе? Или просто не хочется выдавать свои секреты?

Всадники проводили их почти до самого города, но как только на горизонте показались дома, попрощались и поехали своей дорогой. Николая держался из последних сил. Когда спешился, стало заметно, как сильно его шатает. Но помощи Охотник так и не попросил. Расседлал коня сам и тяжелой походкой направился к дому. Финист поспешил следом, уверенный, что дуралей вот-вот свалится, но до порога Охотник всё-таки доковылял. Дверь распахнулась. На улицу выскочила перепуганная Герда, а за ней Майли с Вожыком. Последним степенно вышел Эглаборг.

— Что случилось? Где вы были? Мы так волновались! — от переживаний голос Герды несколько раз срывался на визг.

— Ездили на прогулку, — соврал Николая, пытаясь выдать из себя некое подобие улыбки. Финист едва успел его подхватить, когда ноги подкосились, и Охотник едва не ударился затылком об ступеньки.

— Смотрите, он ранен! — воскликнула Майли, указывая на руку Николая, из которой сочилась кровь.

— Все в порядке, — приходя в себя, ответил Охотник и попытался встать на ноги, но его снова качнуло в сторону.

— Быстрее, ведите его в дом, — Эглаборг поторопил Финиста.

Вместе они притащили Николая в гостиную и усадили на стул. Целитель размотал перевязку и поморщился.

— Эх, вы рану разбередили. И шов разошелся, и крови столько потеряли. А это что? Зачем вы ее прижигать пытались? Теперь большой шрам останется, — причитал Эглаборг, разглядывая повреждения, а потом живо начал отдавать приказания.

Майли послал на кухню за кипяченой водой, Герду наверх за своей сумкой с целебными травами, Вожыка в кладовку за каким-то снадобьем, а Финиста попросил отвести Николая наверх. Сам пошел следом, и когда Охотника, наконец, удалось уложить в кровать, уселся у изголовья, взял раненую руку и принялся гнусавым голосом что-то нашептывать. Кровотечение остановилось буквально на глазах, но Николай все равно периодически терял сознание. Когда Вожык принес кувшин с густой темно-бордовой жидкостью, Эглаборг заставил Охотника выпить три стакана. Его тело сгибалось пополам от каждого глотка, словно от рвоты, но после заметно полегчало. Николай попытался приподняться, но Финист придавил его обратно к постели.

— Лежи, набегался уже, — мрачно посоветовал он.

Николай нехотя повиновался. Эглаборг положил руку ему на лоб и снова что-то зашептал. Веки сомкнулись, тело расслабилось — Николай уснул.

Эглаборг промыл рану водой, которую принесла Майли, полил снадобьем и достал из сумки, что держала Герда, нитку с иголкой. Накалив ее на огне от свечи, заштопал рану, сверху помазал желтой, похожей на пчелиный воск, мазью и бережно перевязал руку свежими бинтами. Николай проснулся, как только он закончил, и поднял усталые глаза на целителя.

— Полежите пару дней, и все будет в порядке, — ободряюще сказал Эглаборг. — Только рукой теперь пользоваться нельзя, пока она полностью не заживет.

Николай попробовал шевельнуть пальцами, но ничего не вышло. Рука ниже локтя оказалась полностью парализованной.

— Маленькая предосторожность, — виновато улыбнулся целитель. — Чтобы вы уже наверняка ей не пользовались, пока не поправитесь.

— Ненавижу! — измученно простонал Николай и снова закрыл глаза.

— Ненавидьте сколько угодно, только мои указания будьте добры выполнять, — строго выговорил Эглаборг, забрал свою сумку и покинул комнату. Остальные переглянулись, пожали плечами и тоже ушли, не желая лишний раз тревожить строптивного больного.

Когда все звуки в коридоре стихли, Герда украдкой вернулась в комнату Николая. Он спал так крепко, что ни скрип двери, ни глухие шаги не смогли его разбудить. Герда присела на стул у кровати, разглядывая странно безмятежное во сне лицо. Все черты расслабились, смягчились, словно он разом помолодел и снова стал тем благородным героем, которого она знала раньше. Герда протянула руку, чтобы проверить дыхание. Точно также она сидела у его постели в Дрисвятах, с тревожной надеждой ожидая, когда он, наконец, очнется от летаргии. Но сейчас это обычный сон. И если она не будет вести себя достаточно тихо, то рискует его разбудить.

Ладонь Николая вылезла из-под одеяла. Герда хотела ее накрыть, но задела пальцы. Николай пошевелился и глубоко вздохнул. Его ладонь накрыла ее и чуть-чуть сжала. Герда попыталась аккуратно высвободиться, но Николай держал слишком крепко. Она закусила губу. Что ж, придется сидеть так, пока он не проснется, а потом... потом краснеть, объяснять, как она здесь оказалась, заикаться и снова краснеть.

Рука Николая была ледяная. Даже мурашки пробежали по коже, но потом то ли он

согрелся от ее тепла, то ли Герда сама привыкла к пронизывающему холоду. Минут пять она сидела неподвижно, гадая, что может сниться Охотнику. И не заметила, как сомкнулись веки и отяжелевшая голова опустилась на грудь.

— Герда, — услышала она голос Шквала и удивленно распахнула глаза. Рыжая шерсть горела в багряных лучах заходящего солнца. Герда закопалась в ней пальцами, с ностальгией вспоминая прежние веселые времена.

— Я так скучала, — сказала она, не размыкая губ, чувствуя, как к глазам подступили слезы.

— Знаю. Я же всегда рядом, присматриваю и охраняю, забыла?

Кот поднялся на задние лапы и ласково слизал слезинку с ее щеки. Герда счастливо улыбнулась и потрепала его по белой голове.

— Лучше бы ты просто появлялся иногда. Мне так одиноко.

Хотелось прижать его к груди и никогда-никогда больше не отпускать. Шквал понурился и отстранился.

— А как же он? — кот кивнул на мирно спящего Николая.

Одеяло сползло до самого пояса, оголяя безволосый, угловатый торс, принадлежащий скорее четырнадцатилетнему мальчишке, чем взрослому, закаленному в многочисленных боях воину. Герда удивленно вскинула голову и впервые заметила, как в закатном свете преобразилась комната. Сейчас она очень напоминала спальню в доме ее родителей. «Это сон?» — запоздало спохватилась Герда.

— Ты так хотела его найти, — продолжал говорить Шквал, печально разглядывая Охотника. — Я думал, он сделает тебя счастливой.

Она сдавленно всхлипнула. Кот был единственным, с кем она ощущала себя по-настоящему счастливой и раскованной. А она обменяла его на пустой мираж. Почему он не может остаться с ней навсегда?

— Я уже не знаю, чего хочу. Дома все было просто и понятно, а здесь... Из того, что я делаю, ничего не выходит. Я разочаровала мастера Николая, но еще хуже то, что я сама, кажется, разочаровалась в нем. Раньше у меня была хоть призрачная надежда на... не знаю, на что, но она была. А сейчас одна пустота впереди, темная и беспроглядная. И нет больше никого, кто бы освещал мой путь и защищал от демонов тоски и неуверенности.

Кот снова встал на задние лапы и, облокотившись на плечи, заглянул прямо в глаза.

— Герда? — спросил он с неподдельным, совершенно искренним участием.

Она подняла голову, даря своему лучшему другу самую нежную улыбку, на которую только была способна.

— Герда? — встревожено позвал Николай. — Что ты здесь делаешь?

Она вздрогнула от неожиданности и сжалась. Охотник лежал на кровати, полностью накрытый одеялом, за исключением здоровой руки, которой он продолжал сжимать ладонь Герды. Шквал растворился вместе со сном.

— Я-я-я, — чего и следовало ожидать. Теперь и слова толком сказать не выходит.

Николя, наконец, выпустил ее ладонь. Коснувшись мокрой щеки Герды, он в задумчивости приложил пальцы к собственным губам, словно пробуя слезы на вкус. Она безучастно наблюдала за ним, в немом оцепенении.

— Уже вечер? — Охотник вдруг нахмурился и выглянул в окно. — Сколько же я проспал?

— Несколько часов, — предположила Герда. Сама ведь проспала столько же.

— Плохо, — Николая живо поднялся с кровати и хитро прищурившись, посмотрел на Герду: — Помоги мне одеться.

Это больше походило на приказ, чем на просьбу, но Герда не решилась возражать или требовать, чтобы он сказал «волшебное слово».

— Мастер Эглаборг не велел вставать с постели, — коротко заметила она, просовывая парализованную руку в рукав рубашки.

— Эглаборг слишком беспокоится. Я в полном порядке.

По землистому цвету лица и лиловым кругам под глазами было ясно видно обратное.

— Вы потеряли много крови и не объяснили, что случилось. Если вы из-за меня так рветесь встать на ноги, то не стоит. Я потерплю и без праздника. Вы ведь сами сказали, что горожане устраивают их чуть ли не каждую неделю. Просто дождусь следующего.

В конце концов, танцы — это такой пустяк. Не слишком-то и хотелось.

— Вот и хорошо, — подозрительно быстро сдался Николая. — Теперь еще кофту и темные штаны.

— Мы все-таки пойдем? — радостно воскликнула Герда, натягивая кофту ему через голову, и случайно коснулась шеи. Николая тут же напрягся, словно его погладили против шерсти.

— Мы никуда не пойдем. Я прогуляюсь в город по делам, а ты, — он ткнул ей в лоб указательным пальцем здоровой руки. — Ты останешься дома и будешь делать дыхательные упражнения, которые я тебе показывал.

Герда обиженно стиснула зубы. Двучленная самоуверенная скотина! Он никогда не собирался вести ее на этот дурацкий праздник. Очень хотелось огреть его чем-нибудь тяжелым, но здравый смысл останавливал — Николая, поди, раз в десять сильнее ее. А вдруг ударит в ответ?

Взяв себя в руки, Герда помогла Охотнику надеть штаны и стала затягивать пояс, но от нахлынувшей вдруг злости немного перестаралась.

— Ай! — недовольно зашипел Николая.

Герда покраснела до кончиков волос и отвернулась. Охотнику пришлось возиться с ремнем одной рукой. Впрочем, справился он довольно быстро. Герда ощутила, как растет его аура — он явно пользовался телекинезом. Если затянуть ремень самому оказалась так просто, то, наверняка, и одеться Николая тоже смог бы без ее участия. Так зачем же было просить? Чтобы еще раз поиздеваться? От бессилия хотелось плакать, но слез уже просто не оставалось.

Николая спустился в гостиную и вышел в прихожую. Герда последовала за ним. Она твердо решила отстаивать свое право пойти на праздник. Не так сильно хотелось идти туда одной, но сейчас это было уже дело принципа. Отец учил ее быть доброй и кроткой, но никогда не позволять издеваться над собой. Только так можно снискать у людей уважение.

— Я пойду на праздник одна, — заявила Герда, подавая Николая плащ. Тот протяжно посмотрел на нее, а потом, глупо усмехнувшись, коснулся указательным пальцем ее носа.

— Ты останешься дома и точка.

Почему он ведет себя с ней, словно с ребенком?! Она уже давно выросла, и никто не имеет права ей указывать! Пока Герда собиралась с духом, Николая уже шагнул за порог и захлопнул за собой дверь прямо у ее носа. Герда тихо всхлипнула от досады. Ну точно маленькая девочка, которая даже возразить учителю-самодуру не может.

— Что случилось? — испугал подкраившийся сзади Финист.

Герда задумчиво посмотрела на дверь. Стоит ли рассказывать о проблемах с Николаем? У него с Финистом и так отношения накалены до предела, а тут еще она со своим глупым праздником.

— Он тебя обидел? Скажи, обещаю, это останется между нами, — заговорщически подмигнул Финист. Герда слабо улыбнулась, мучаясь от нерешительности.

— Я слышал, ты хотела пойти на праздник, — не сдавался оборотень.

— Мастер Николай не разрешил.

— Почему? — притворно удивился Финист. Герда впервые уловила в его голосе нотки фальши. Это было... странно.

— Говорит, что одной идти опасно, а сам проводить не может, — пожала плечами она и уже хотела вернуться в свою комнату, но Финист остановил ее, взяв за руку.

— Я могу, — твердо сказал он. Герда удивленно моргнула. — Я могу пойти с тобой.

— А как же занятия? — подозрительно спросила она.

— Я уже закончил. К тому же надо хоть иногда развлекаться. Если работаешь без передышки, скоро станешь таким же унылым и нудным как... — он запнулся и оценивающе глянул на Герду.

— Как кто? — переспросила она, хотя прекрасно знала ответ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Не важно. Я просто вспомнил, как вы танцевали с Дугавой и Жданом, когда мы ночевали на рунах Ильзара. Я потом очень жалел, что отказался веселиться с вами. А теперь представился шанс все исправить. Пожалуйста, сходи со мной на праздник!

Он снова говорил настолько отчаянно и искренне, что Герда не смогла найти слов, чтобы возразить.

Финист взял ее под локоть и повел вверх. Впервые после примерки у Анки Герда надела нарядное темно-синее платье, повязала на шею теплый шерстяной платок, на ноги надела еще совершенно новые черные сапожки из мягко выделанной кожи и спустилась вниз. Там ее уже ждал Финист, одетый по-праздничному ярко, в свою лучшую одежду — красно-коричневый камзол со светлыми штанами и высокими коричневыми сапогами.

— Здорово выглядишь, — широко улыбаясь, отвесил он неуклюжий комплимент и сам смутился. — На самом деле, ты очень красивая сегодня. Ты вообще всегда красивая, но сегодня особенно.

Герда замялась, не зная, что ответить. Его слова казались немного лукавыми. Она не чувствовала себя красивой, да и не стремилась к этому. Она бы с удовольствием оставила всю красоту Майли, а сама скоротала вечерок с книгой в библиотеке, но раз сама напросилась на праздник, отступить глупо и неудобно.

— Идем? — робко спросила она.

Финист подал ей плащ, взял под руку и повел на улицу.

Солнце уже полностью закатилось за горизонт, погрузив город в непроницаемую мглу. Едва заметные бусин-звезды и малахольный тонкорогий серп месяца уступали всепоглощающей тьме долгой ночи. Дорогу в ней удалось отыскать только благодаря звериному нюху Финиста. Окраины обезлюдели. В окнах не горели огни. Лишь впереди с главной площади доносились звуки музыки и веселый гомон голосов. Все от мала до велика праздновали близящийся конец зимы. Завидев яркие отсветы костра и тени пляшущих вокруг фигур, Финист с Гердой прибавили шагу и вскоре вышли на заполненную людьми площадь.

Посреди нее был сложен большой костер, в который танцующие девушки бросали

лоскуты белой ткани. Музыканты играли на лютнях и флейтах, задорно били в бубны и приплясывали, чтобы согреться. Молодые пары кружились, взявшись за руки, то приближаясь, то отдаляясь друг от друга, следуя фигурам танца. В углах площади продавали сладости и напитки. Здесь толпилась детвора, надеясь что-нибудь ухватить, если торговцы случайно отвлекутся.

Герда наблюдала за праздником со стороны, не желая присоединиться к толпе. Финист бросал на нее томные умоляющие взгляды, но настаивать пока не решался.

— Ну и ну, ты все же пришла! — воскликнула глазастая Анка, чудом углядевшая Герду во мраке, который не мог разогнать даже свет от костра.

— Пришла, — кивнула Герда.

— О, это явно не Николая, — усмехнулась Анка, заметив Финиста. — Но тоже вполне ничего.

Герда смутилась и посмотрела на своего друга. Финист озорно подмигнул и положил руку ей на талию. Захотелось сквозь землю провалиться. Сейчас все точно решат, что они парочка!

— А почему вы не танцуете? — Анка с важным видом вручила Герде кусок белой материи. — Это от платья чучела невесты. Бросишь в огонь и на будущий год обязательно под венец пойдешь.

— Я не думаю... — замялась Герда, нервно перебирая лоскут в руках.

— Зато твой жених вполне себе думает, — шепнула Анка, наблюдая, как Финист расправляет плечи и блаженно улыбается.

— Он мне не жених, — заволновалась Герда. Она совсем не желала всех этих дурацких недоразумений. — Просто мастер Николая не смог придти.

— Расслабься, я все понимаю. Гуляешь с одним, чтобы другой ревновал. Все правильно, — Анка усмехнулась и похлопала ее по плечу. — Только не слишком его обнадеживай, а то расстроится потом сильно.

Герда ошеломленно выдохнула и обернулась на Финиста. Он явно ждал какого-то намека. От досады она закрыла лицо ладонями. Ее поведение, должно быть, выглядит жутко двуличным со стороны. И вправду, зачем она сюда пришла? Она не хотела никого обманывать или заставлять ревновать. Это так глупо и эгоистично. Если Николая узнает, он же убьет и ее, и Финиста, хотя Финист-то тут совсем ни при чем.

— Что же вы стоите? — не выдержала Анка. — Ступайте, а то все веселье пропустите!

Она подтолкнула Герду в руки Финиста. Тот широко улыбнулся, обнял ее за талию и повел к костру, вокруг которого танцевали пары.

— Не уверена... — залепетала Герда, отчаянно ища пути к отступлению. — Не стоит, действительно...

Но Финист не слушал. Как только они поравнялись с танцующими, он легко поднял Герду в воздух, повторяя движения остальных, и закружил, мягко, но очень уверенно.

— Ты знаешь местные танцы? — удивилась Герда.

— Нет, — усмехнувшись, признался Финист. — Я и зареченские не слишком хорошо знаю.

— Но ты так хорошо ведешь! — она не сдержала восхищения. — А я едва в такт попадаю.

— Это не сложно, надо просто довериться музыке, заставить сердце биться с ней в унисон. Тогда она сама поведет.

Никогда прежде Герда не представляла, что так чудесно может быть наяву. Она словно парила на соколиных крыльях Финиста. Легко, беззаботно и безудержно весело. Почему же она раньше пропускала все праздники? Время, окружающие люди, треск костра, заглушающий музыку — все перестало иметь значение. Остались только эти пьянящие движения, теплые уверенные руки на талии и задорный взгляд Финиста.

— Тебе весело? — спросил он, притягивая Герду к себе.

— Да, — воодушевленно ответила она, полностью отдаваясь восторгу от изумительного действия.

— Тогда не будем останавливаться!

— Никогда! — подтвердила она, уже совсем потеряв голову в хмельной круговерти.

И ничего уже не имело значения, ведь сейчас было так безудержно хорошо!

— Абсолютно ничего подозрительного. Что-то случилось? Это я обычно волнуюсь из-за мелочей, вроде попавшей по своей дурости на обед волку овечки, — недоумевал бургомистр Гарольд из-за настырных расспросов Охотника.

Это был высокий солидный мужчина за пятьдесят с копной густых соломенных волос. Под сросшимися кустистыми бровями горели хитринками светло-голубые глаза.

— Всегда надо быть начеку. Червоточина рядом, — пожал плечами Николая, не желая вдаваться в подробности утреннего сражения.

— Кому ты рассказываешь? Я здесь всю жизнь прожил. Лучше ответь, что у тебя с рукой?

Охотник поморщился. И ничего-то от бдительного бургомистра не скроешь. Главное, не поднимать паники.

— Рассек об лезвие, когда меч точил. Рука соскочила... — на ходу придумывал самую обыденную историю Николая. — Ну а Эглаборг как всегда решил перестраховаться и обездвижил ее на время, пока не заживет.

Гарольд подозрительно сощурился:

— Не замечал за тобой прежде такой небрежности.

Охотник буднично пожал плечами.

— Бывает.

— Конечно, бывает, если никогда не отдыхать, — Гарольд по-отечески потрепал его по волосам. Николая еле сдержался, чтобы не передернуться — терпеть не мог подобных сантиментов, но обижать старого друга было совестно. — Сегодня же праздник. Почему ты не веселишься вместе со всеми? Пригласил бы кого, честное слово. Да по тебе полгорода девок сохнет. Все не любы? Так хоть потанцевать позови. В танце ведь совсем по-другому все видится. Я так с Уночкой и сошелся. Помню, Бельгайн, она совсем юная белокурая скромница. С краюшка стояла, на свет костра выйти боялась. Я с ней случайно тогда столкнулся. Чуть с ног не сбил. В извинение пригласил на танец, да так и не смог отпустить больше. Подумал, если не будет она со мной, так и жизни уже никакой не будет. Прямо тогда с ней и обручился, на Бельгайн...

— Мастер Гарольд... — умоляюще глянул на него Николая. Он слышал эту историю, как и все истории бургомистра, уже добрую сотню раз и порядком от них устал.

— Ну что мастер Гарольд? — возмутился бургомистр. — Да ты сам глянь. Вон, какая красивая пара! А как они смотрят друг на друга. Небось, к осени и свадьбу сыграют.

Николя закатил глаза и медленно повернул голову. Пара действительно выглядела чарующе — высокий широкоплечий мужчина легко кружил вокруг себя тоненькую, словно былинка, совсем молоденькую девушку. Увлеченные друг другом, они никого не замечали, лишь в последний миг увертываясь от остальных танцующих. Музыка на мгновение притихла. Пара остановилась, чтобы отдышаться. Счастливо улыбаясь сверкающими в отсветах пламени глазами, девушка до боли знакомым робким жестом выправила короткие волосы из-под меховой шапки.

Неприятно засосало под ложечкой. Николя ртом глотнул морозный воздух, стараясь остудить нарастающий в груди жар.

— Я что-то не то сказал? — испуганно спросил Гарольд.

Николя молча пожирал парочку глазами. От ушей по лицу растекалось гневное пламя. Ну что за глупый безответственный идиот! Он же видел гулонов собственными глазами и прекрасно знал, какая опасность ей тут угрожает. Убить! Схватить за шкуру и несколько раз постучать головой об стену, чтобы он, наконец, начал думать ею, а не тем, что у него между ног.

— Николя?.. — сделал еще одну слабую попытку достучаться до него бургомистр и шарахнулся в сторону, едва уловив на себе разъяренный взгляд.

Охотник поспешил отвернуться и махнул рукой на прощание, понимая, что рот сейчас лучше не раскрывать, иначе расположение бургомистра будет потеряно навсегда. Вместо этого Николя размашистой походкой направился к танцующим. Не дойдя до приметной пары нескольких шагов, он замер, словно наткнувшись на невидимую преграду. Звонкий смех льдистыми иголками впился в кожу, причиняя нестерпимую боль. Бессильная ярость заклокотала внутри, застелила взор мутным маревом. Руки сами сжались в кулаки.

Музыка возобновилась. Грубые похотливые ручищи по-хозяйски обхватили крохотную уязвимую фигурку. Девушка доверчиво льнула к своему партнеру, продолжая заливисто смеяться.

Нет, терпеть эту муку больше нельзя, иначе он точно кого-нибудь убьет. Николя набрал в легкие побольше воздуха и решительно шагнул навстречу веселящейся парочке.

Финист почувствовал его взгляд загодя. Украдкой обернулся, чтобы убедиться точно. И тут же шепнул на ухо Герде шутку, которую она просто обязана была оценить. Герда засмеялась, невероятно красиво и искренне. Как умела только она. Слышал ли ты этот смех раньше, герой-Охотник? Финист незаметно скосил взгляд.

Соперник неожиданно замер, словно пораженный в самое сердце отравленной стрелой. Багровое от ярости лицо вмиг посерело. Финист не сдержал торжествующей ухмылки и крепче прижал к себе, наконец, расслабившуюся Герду. Она сама склонила голову на его плечо. Хорошо-то как! Пускай Охотник увидит, кого она выбрала на самом деле. Пускай поймет, что несмотря на все его богатство, силу и славу, самая большая во всем Мидгарде награда принадлежит не ему, а Финисту — нищему и ничтожному беглецу из разоренного края.

Он приподнял подбородок Герды кончиком пальца. Недоуменно взметнулись реснички. Кончик языка едва заметно скользнул по пересохшим губам. Давай покажем ему напоследок, как сладки твои поцелуи. Финист закрыл глаза и, потянув носом медовый аромат женского тела, приблизил свои губы к ее.

В грудь ударил воздушный сгусток. Финист пошатнулся, но все же устоял. Герда испуганно выдохнула. Николая тут же оказался между ними, бесцеремонно отталкивая Финиста в сторону.

— Какого демона ты творишь?! — ярился Охотник, здоровой рукой ухватив его за ворот плаща.

— Я творю?! — в тон ему ответил Финист. — Какого демона ты творишь?!

— Мастер Николая, пожалуйста, простите меня, я... — залепетала Герда, повиснув на локте Охотника, надеясь так остановить свару. — Я не хотела, я...

Глупенькая. Не нужно перед ним оправдываться. Никто из них ничего ему не должен!

Николя несколько мгновений пепелил Финиста гневным взглядом, совершенно не обращая на Герду внимания.

— Ты притащил сюда мою ученицу и еще спрашиваешь, что я творю?! — наконец, выплюнул надуманное обвинение Охотник. — Ты же прекрасно знаешь, какая опасность ей может угрожать.

— Это не он, я сама предложила, — Герда со всей силы дернула его за рукав. Только тогда Николая соизволил взглянуть на нее.

— Помолчи, это тебя не касается, — грубо процедил он сквозь зубы, легко стряхивая ее. Герда отшатнулась. Глаза заблестели, наполняясь слезами. Финист с трудом сдержал ухмылку.

— Я бы смог ее защитить, — спокойно возразил он, отдергивая руку Охотника от своего ворота.

— Не смей меня, — угрюмо бросил Николая, уже и сам заметно остыв.

Но Финист не собирался отпускать его так просто. Пускай покажет себя во всей красе. Тогда Герда, наконец, поймет, какое ничтожество ее благородный Охотник на самом деле. Финист с вызовом прищурился:

— Хочешь проверить?

Николя поддался на уловку слишком легко, словно сам желал драки.

— Да, пожалуйста!

— Одной рукой? — откровенно издеваясь, в последний раз подхлестнул его Финист.

И тут же полетел лицом в сугроб.

— Что вы делаете?!

От возмущения Герда бросилась на Николая и принялась колотить его в грудь маленькими кулачками. Финист для верности покряхтывал из сугроба, пытаясь скрыть торжествующий смех. От таких ударов куда больнее, чем от разбереженной раны, верно, Охотник?

Справившись с оцепенением, Николая перехватил руку Герды в воздухе и легонько ее встряхнул, приводя в чувство.

Если в начале ссоры на них испуганно оглядывались только те, кто стоял достаточно близко, чтобы их слышать, то теперь уставилась вся площадь.

Николя зашипел и едва слышно выругался. Герда вырвалась из его хватки и подбежала к Финисту, чтобы помочь подняться.

— Все в порядке, — Финист порывисто обнял девушку, торжествующе глядя из-за ее плеча на Охотника. Ну что, съел? То-то же!

Николя от досады поморщился и отвернулся. Финист ласково поглаживал Герду по волосам, утирая ее испуганные слезы. Жаль, что сейчас уже совсем не время для поцелуев.

Когда Охотник заговорил вновь, голос его снова звучал предельно спокойно и даже отстраненно. Словно ледяной коркой покрылся.

— Если у тебя появилось время на танцы, значит, твои подопечные уже готовы к проверке. Завтра, пожалуй, и посмотрим, — Николя мстительно сощурился. — И не смей больше отговариваться, что ты чего-то не успеваешь.

Финист испуганно сглотнул.

— А теперь моя ученица пойдет домой, — не слушая возражений, Николя грубо схватил Герду за руку и потащил за собой.

Глава 23. Маленький разлад в большом доме

Всю дорогу до дома Герда молчала, едва поспевая за Николая по глубоким сугробам.

Переступив порог, она с силой вырвала руку и гневно прошептала, боясь разбудить домочадцев:

— Вы делаете мне больно, разве не видите?!

Николя затравленно потупился и отступил на шаг, ничего не ответив. Скинув верхнюю одежду, Герда взбежала по лестнице на второй этаж и спряталась в спальне.

Она солгала. Николай как всегда держал ее словно хрупкую хрустальную вазу, но больно было глубоко внутри. От колкого взгляда, пренебрежительных слов, от того, что радость от танцев подарил ей вовсе не Николай, а Финист.

Герда остервенело сорвала с себя опостылевшее неудобное платье и с ненавистью швырнула на кровать, а сама забилась в угол между стеной и тумбой и снова расплакалась. Она даже не могла понять, почему так убивается. Может, просто сдали нервы?

Зачем она заговорила об этом празднике? Сидела бы тихонько дома и не создавала никому проблем. Ведь не хотелось туда абсолютно. Хотя танцы были замечательные... и Финист тоже. Только как бы ему теперь не пришлось расплачиваться за них своей службой и гордостью. Глупая! Почему не предвидела последствия своего безответственного поступка? Ведь знала же и про натянутые отношения между Финистом и Николая, и про то, что Охотник не хотел, чтобы она отлучалась из дома. Просто надеялась... Нет, с самого начала было понятно, что это глупость. Он ведь даже не узнал ее и показал всеми возможными способами, что его интересует только дар, а чувства он вообще ни во что не ставит. Можно наплевать и растоптать... как растоптал самолюбие Финиста. Швырнул в сугроб ни за что, ни про что. Надо попросить у Финиста прощения за Николая... и за себя тоже.

Отдышавшись, Герда встала и умыла лицо, надеясь скрыть следы слез. Глянула в зеркало. Результат разочаровал. Щеки были пунцовыми и саднили, словно по ним прошли точильным камнем. На белках глаз проступили красные жилки. Волосы всклокоченными паклями свисали на шею. Ужасно.

Герда схватила расческу и постаралась пригладить хотя бы прическу. Потом еще раз умылась и посмотрела в зеркало. Если закрыть оба глаза, то можно ничего не заметить.

Отчаявшись привести себя в порядок, Герда вышла из комнаты и начала спускаться по лестнице, чтобы разыскать Финиста, как вдруг услышала голоса: его и Майли. Они снова спорили. Майли выговаривала Финисту за то, что ей приходится страдать из-за его недалевидных решений. В голосе явно читалась ревность. Интересно, вцепилась бы Майли в волосы Герде, если бы увидела, как они с Финистом танцевали? Хорошо, что не видела.

Герда отвернулась от них и посмотрела наверх. Взгляд уперся в закрытую дверь в конце коридора, из-под которой струился теплый оранжевый свет. Герда в раздумье сделала несколько шагов обратно на второй этаж. Потом снова замерла, собираясь с духом, и постучалась в дверь.

— Не заперто, — донесся оттуда усталый голос Николая.

Герда открыла дверь и снова остановилась на пороге. Она оказалась в маленькой каморке не больше собственной спальни. Мебели сюда влезало тоже очень немного: секретер у противоположной от двери стены и письменный стол, за которым сидел Охотник, возле окна. По сосредоточенному лицу плясали тени от зажженных в серебряном

подсвечнике свечей. Оперев голову о кулак, Охотник вглядывался в лежавший перед ним лист бумаги, по которому само по себе бегало гусиное перо, время от времени обмакиваясь в чернильницу.

— Ты снова это делаешь, — едва слышно проворчал он.

— Что? — удивилась Герда. Как он догадался? Ведь даже голову не повернул. Почувствовал ауру?

— Заглядываешь из-за плеча. Я этого не люблю, — уже громче ответил Никол. — Ты что-то хотела?

— Да, я... — Герда замялась, подбирая слова. — Нам нужно объясниться, думаю... Это я во всем виновата. Мне очень хотелось на праздник, поэтому я упростила Финиста сводить меня туда. Не наказывайте его.

— Я должен в это поверить? — не поднимая взгляда, бросил Никола. — Финист взрослый человек. Он прекрасно знал, что происходит, и все равно подверг тебя опасности.

— Какой? — нахмурилась Герда. Финист смог бы ее защитить, точно смог бы!

— Не важно. Важно то, что он поступил безответственно, и это могло стоить тебе жизни, — на нее уставились усталые глаза загнанного зверя.

Стало слегка совестно. Никола... беспокоился?

— Но ничего же не случилось. Мы просто танцевали, — Герда тут же пожалела, что напомнила об этом. Взгляд Охотника сделался настолько тяжелым, что она не смогла его вынести и виновато потупилась.

— Почему ты постоянно его выгораживаешь? — спросил Никола после затянувшейся паузы.

Герда недоуменно моргнула. Что он хочет услышать?

— Потому что он мой друг, а вы постоянно на него нападаете, — предельно правдиво ответила она, но Никола скептически хмыкнул.

— Боюсь, что он придерживается совершенно иного мнения на этот счет.

Герда нахмурилась. Беседа снова зашла куда-то не туда.

— Мы просто друзья, — упрямо повторила Герда. — Я бы хотела, чтобы и вы были нашим другом.

— Да уж, большая дружная лапландская семья. Увольте меня от сей сомнительной радости, — невесело рассмеялся Никола. Она снова почувствовала себя тупицей, совершенно не поняв намек. — Это все, что ты хотела сказать? Тогда ступай, у меня еще много работы сегодня.

Николя вернулся к письму. Перо воспрянуло к жизни и затанцевало по бумаге. Герда опустила голову, сделала несколько шагов к двери и снова застыла на пороге. Терять было уже абсолютно нечего. Отношения между ними и так навсегда испорчены.

— Если вам не хотелось, чтобы я танцевала с Финистом, почему вы сами меня не пригласили? Я предлагала.

Перо с громким скрипом врезалось в бумагу, поставило кляксу, побило лист насквозь и надломилось пополам. Никола продолжал сидеть неподвижно, не поднимая головы. Не дождавшись ответа, Герда ушла, громко хлопнув дверью напоследок.

Испытания начались на следующий день сразу после завтрака. Финист собрал своих учеников в гостиной, чтобы сказать напутственное слово. Услышав это, Николая закатил глаза, отвернулся и перевел взгляд на лестницу. Должно быть, там снова пряталась Герда.

— С кого начнем? — нетерпеливо спросил Охотник.

Финист перевел взгляд с испуганного Вожыка на раздраженную Майли. Из двух зол надо выбирать меньшее.

— Майли, — не раздумывая, ответил он.

— Замечательно, — Николая подбадривающе улыбнулся оробевшей ученице.

— Что... — Майли громко закашлялась, чтобы скрыть предательскую дрожь в голосе.

— Что я должна сделать?

— Что хотите, — непринужденно пожал плечами Николая. — Просто покажите, чему вы научились за это время.

Сегодня он выглядел отдохнувшим и расслабленным, ничем не выказывая враждебного отношения к Финисту или его подопечным. Даже наоборот казался таким елейным, что скулы сводило. На Герду, видно, впечатление произвести старается, болван. Только кто ж ему поверит после вчерашнего?

Майли судорожно вздохнула и посмотрела на своего учителя. Финист чуть заметно склонил голову. Мол, говори, как я учил и не нервничай.

— Я... — ей понадобилось несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями. — Я научилась общаться с духами умерших. Они приходят ко мне в снах...

Уголок брови Николая пополз вверх.

— То есть мой погибший отец приходит. Приходил. Но благодаря занятиям с моим учителем мне удалось прогнать его навсегда, — Майли нервно хохотнула. Финист закрыл лицо руками, чтобы не видеть торжествующую ухмылку Охотника. Впрочем, тот вел себя очень сдержанно, ни одним мускулом не выдавая своих эмоций.

— Очень хорошо, что вы смогли так быстро адаптироваться к своему дару. Но, наверняка, вы делали какие-то практические шаги, чтобы добиться такого результата. Не могли бы вы их показать? — попросил Николая предельно серьезным тоном.

Майли снова затравленно оглянулась на Финиста. Он открыл один глаз, безмолвно умоляя: «Не импровизируй. Не отступай от того, что я говорил». Майли сглотнула.

— Так как мой дар пассивный, пользоваться им я могу только в определенных условиях. Без них ничего не выйдет.

Финист шумно выдохнул. Охотник должен этим удовлетвориться, иначе рискует снова потерять лицо перед Гердой.

— Понимаю, — кивнул Николая. — На начальном этапе самостоятельно вызывать духов сложно, но, думаю, со временем вы научитесь. У вас для этого прекрасные данные.

Майли слабо улыбнулась и стрельнула глазами в сторону Охотника. Щеки зарумянились от смущения. Вот же, кокетка-любительница комплиментов! Не хватало еще, чтобы она открыто флиртовать начала посреди проверки.

— Раз уж вы не можете нам ничего показать, то хотя бы расскажите, чем вы занимались, — продолжил Охотник.

— С отцом? — недоуменно переспросила Майли.

Позорище! Финист снова закрыл глаза.

— И с ним тоже. Но для начала расскажите, чем вы занимались с вашим учителем.

Финист громко поперхнулся. На этот раз на него оглянулась не только Майли.

— К чему этот допрос? — не выдержав напряжения, он вскочил и принялся возмущаться.

— Мне просто нужно узнать, как проходят ваши занятия. Я за вас, в том числе за тебя, отвечаю, — в голосе Николая все же появились нотки раздражения, но они уже совсем не радовали. — Мне надо что-то писать в отчете, вот и все.

— Так дай его мне. Я сам напишу, — огрызнулся Финист.

— Еще чего не хватало. Видел я твои отчеты. На трезвую голову их не разберешь.

Финист сжал кулаки и яростно скрипнул зубами, но припомнив вчерашний полет в сугроб, немного остыл.

— Сядь! — раздраженно рявкнул Охотник.

Финист нехотя подчинился.

— Продолжаем, — быстро взяв себя в руки, Николай самым дружелюбным тоном обратился к Майли: — Будьте любезны, расскажите, чем вы занимались со своим учителем.

— Ну, мы в основном разговаривали, — с трудом выдавила из себя она.

— О чем?

— О... гхм... о Едином, — невнятно лепетала Майли. Финист внутренне напрягся. — С том, что я должна перестать в него верить, потому что в его глазах мой дар — зло, и я никак не смогу от него избавиться. И чтобы примириться с собой, я должна поверить в какого-нибудь другого бога, например, в Финиста.

— Что ты несешь?! — заорал Финист, теряя последние крохи самообладания.

— А что? — Майли с самым невинным видом захлопала ресницами. — Ты мне так и говорил: «Как насчет того, чтобы верить в меня?»

Финист закрыл лицо руками и в очередной раз усомнился в умственных способностях этой девицы. Майли понурилась и повесила голову.

— Что ж, вести теологические диспуты тоже иногда бывает полезно, — подвел итог безобразию Николая. Причем сделал это таким видом, что невозможно было понять, издевается он или говорит всерьез. — Думаю, никто не возражает, если мы перейдем ко второму ученику.

Вожык, сидевший по правую руку от Финиста, сжался в комок. Оборотень махнул рукой в знак согласия. Все равно хуже уже некуда.

— Можно на улице? — глядя в пол, попросил мальчик.

— Конечно, — кивнул Николая.

Они вчетвером быстро оделись и вышли во двор. Краем глаза Финист заметил, как Герда мышкой шмыгнула за дверь и спряталась на веранде. Верно, хотела досмотреть испытания. Вожык волновал ее куда больше Майли.

Николя и Финист с учениками прошествовали на открытое место подальше от всего, что могло нечаянно загореться.

— Теперь ты готов? — мягко спросил Николая.

Мальчик нервно сглотнул и через силу кивнул:

— Отойдите, пожалуйста, подальше.

— Что он собирается показывать? — полушепотом поинтересовался Охотник. Финист злорадно ухмыльнулся. Такого этот высокомерный хлыщ точно никогда не видел!

— Нам лучше сделать то, что он просит, — вместо ответа посоветовал Финист. Николая пожал плечами, и они втроем с Майли отошли на несколько саженей.

Вожык выпрямился, высоко вскинул голову, закрыл глаза и широко развел руки в

стороны. Между бровей Охотника залегла тревожная морщинка. Уже догадался?

Их оглушил громкий вопль Герды.

— Ложитесь! — что есть мочи закричал Охотник и повалил здоровой рукой Майли на снег. Финист упал сам, прикрыв для верности голову ладонями. Все вокруг озарила ослепительная вспышка. Прогремел оглушительный взрыв. Ясное зимнее небо заполонило грибовидное облако дыма.

— Какого демона?! — взревел Николя и бесцеремонно пихнул Финиста ногой, когда все закончилось. Не дожидаясь ответа, бросился к распластавшемуся посреди выжженной земли Вожьку. Финист болезненно скривился и помчался следом.

— Госпожа Герда, вы в порядке? — выскочил из дома перепуганный Эглаборг и помог привалившейся к стене девушке подняться на ноги.

— Да-да, — с трудом ответила Герда, приходя в себя. — Вожьк там...

Она махнула рукой во двор. Целитель перевел взгляд на Финиста, который нес мальчика на руках. Николя с хмурым видом шагал впереди.

— Что случилось? — ошарашено спросил Эглаборг.

— Перерасходовал силу. Надеюсь, просто отключился, а не надорвался или еще чего похуже, — ответил Николя, бросая укоризненный взгляд на Финиста. Тот потупился и передал Вожька целителю:

— Помогите ему.

— Хорошо, только у нас все окна в доме выбило. Меня чудом не задело. Надо бы починить, а то околеем.

— Я все решу, — успокоил его Охотник и обратил внимание на бледную, тяжело дышавшую Герду, которая так и не смогла отойти от стены. Видно, боялась, что ноги подведут.

— Жива? Больше не будешь подглядывать? — попытался свести все в шутку Николя, но Герда посмотрела на него такими измученными глазами, что он замолчал и приложил ладонь к ее щеке. Она недоуменно приоткрыла припухшие губы, глядя выжидающе, чуть испугано. Он едва заметно улыбнулся, с тоскливой грустью, словно хотел и не мог забрать себе весь ее страх и боль.

Финиста передернуло от интимности этой сцены. В ушах набатным боем отдавался ненавистный голос: "Она не твоя и никогда твоей не будет". Что-то тихонечко кольнуло в груди. Охотник снова использовал дар? На что? Почему все так сложно и запутано?!

С веранды донесся шум. Герда попыталась сделать шаг, но чуть не упала — Николя поддержал ее здоровой рукой и прижал к себе. Финист поспешил к ним, желая помочь, но Охотник остановил его полным ледяного презрения взглядом. Герда приглушенно всхлипнула и мелко задрожала.

— Тише. Дыши, помнишь, как я тебя учил? — успокаивающе зашептал ей на ухо Охотник. Она послушалась, легко и без возражений не то, что ученики Финиста. Набрала полную грудь воздуха и шипящей тонкой струйкой выпустила из ноздрей. Щеки тут же порозовели, а взгляд обрел былую ясность. Герда, наконец, встала на ноги.

Финист громко закашлялся, устав наблюдать за их "трогательными" нежностями. Герда отошла от Николя и опустила голову.

К ним подоспела ничего не понимающая Майли и требовательно спросила:

— Что произошло?

— Произошло то, — язвительно прищурился Николя. — Что кто-то научил

пирокинетика мгновенно опорожнить весь запас силы, но не додумался предупредить, насколько это непредсказуемо и опасно для всех окружающих и, особенно, для него самого.

Финист скрипнул зубами, но ничего не сказал. Да, он виноват, но разве Охотник не знал, что оборотень самый неподходящий учитель для пирокинетика. И вообще, не следовало пугать мальчика дурацким испытанием. Он не был готов. Финист предупреждал, но Николая не стал слушать.

— Ты-то сам чего-нибудь добился? — после затянувшейся паузы, поинтересовался Финист. — Покажи, это будет справедливо.

После ее приступа Николая обязан будет отказаться и признать поражение!

Охотник оценивающе глянул на Герду. Она затрепетала. «Откажитесь. Вы же прекрасно знаете, что я не намного лучше с даром управляюсь. Пожалуйста, не заставляйте меня позориться перед всеми...»

— Ладно, — разочаровал ее ответ Николая. — Герда, стань туда. Делать будешь то же, что на последних занятиях.

Она вздохнула и нехотя поплелась в указанное место. Во всем теле до сих пор ощущалась болезненная слабость, в голове шумело, а ноги словно утопали в вязкой каше. К горлу подступил удушливый комок.

«Зачем вы заставляете меня участвовать в ваших разборках? Вам мало того, что произошло с Вожьком? Но я не стану послушной куклой. Я... я не буду делать вообще ничего. Да, именно так. Может, тогда вы успокоитесь?»

Герда остановилась, вздохнула и повернулась лицом к своим «мучителям».

— Готова? — спросил Николая.

Герда не ответила. Охотник видел, насколько она ослабла, но останавливаться не пожелал. Даже не глядя на него, Герда явственно ощутила, как его аура начала уплотняться и расти, от нее отделился небольшой сгусток синего цвета и окутал лежащий под ногами снег, вырвал кусок и стремительно полетел в цель. От удивления Герда широко распахнула глаза. Ее собственная слабая аура вспыхнула, словно голодная хищная рыба поглотив синее свечение, и оттолкнула ком в сторону помимо воли хозяйки.

Герда дернула головой, чтобы отогнать странное видение, но почувствовала, что в нее нацелились новые снежки. Они летели очень быстро. Вспомнилось, как больно они обжигают лицо и царапают кожу. Сейчас она снова это почувствует. Но не долетев совсем чуть-чуть, снежки снова отклонились. «Что происходит? Я же абсолютно ничего не делаю. Тогда почему они?..»

В прозрачный морозный воздух взметнулась целая лавина снега и с жутким гулом помчалась в сторону Герды. «Двигаться. Нужно двигаться, как тогда», — пришла в голову спасительная мысль. Герда закружилась на месте, и лавину словно ветром сдуло — снег опал позади, так и не задев ее. Герда удивленно обернулась на Николая. На его лице сияла торжествующая улыбка. Финист и Майли стояли рядом с одинаково ошеломленным видом.

— Удовлетворен? — злорадно усмехнулся Николай. Финист обескуражено посмотрел на Охотника.

— Вполне, ты победил, — коротко бросил он, поднялся на порог, пнул ногой дверь и

ушел в дом.

— Эй, это был не поединок! — крикнул Николя, но оборотень вряд ли его услышал.

Герда остановилась рядом с Охотником. Так неудобно перед Финистом получилось. И странно. Почему когда она старается изо всех сил, ничего не выходит, а когда это совершенно не нужно, все само устраивается наилучшим образом?

— Молодец! — Николя положил руку ей на плечо, но Герда резко оттолкнула его и подошла к Майли.

— Вот ведьма! Все ягненком прикидывается, а на самом деле вон что вытворять умеет! — с нескрываемой завистью сказала она.

— Что? — удивленно моргнула Герда.

— Что? — повторила Майли.

— Ты что-то сказала? — Герда не могла взять в толк, что происходит. Только заметила, что Николя искоса бросает на них заинтригованные взгляды.

— Ничего, — пожала плечами Майли.

— Но я же слышала! — настаивала Герда.

— Я молчала все время. Правда, мастер Николя? — обратилась к Охотнику за поддержкой Майли.

— Правда, — кивнул он.

— Но... — начала Герда, но Николя тут же ее прервал.

— Нет времени. Надо что-то с окнами придумать, а то ночью околеем, — он направился к городу, даже не потрудившись попрощаться.

Майли поскорей скрылась в доме, явно боясь оставаться с Гердой наедине.

Все ее избегают! Она еще раз оглянулась на выжженную посреди двора поляну, потом на внушительную гору снега позади того места, где она проходила испытание, сокрушенно покачала головой и тоже пошла к дому.

Через полчаса явились мастера. Сказали, бургомистр прислал их чинить окна. Финист с невиданным до этого энтузиазмом взялся руководить. Сделали все очень быстро и аккуратно. За помощь Эглаборг вручил им огромную бочку с пойлом, которым любил согреться Николя. Мастера радостно отблагодарили целителя и покатали бочку в город на санях, пригласив с собой Финиста, с которым успели сдружиться за время работы.

Наблюдая, как удаляется шумная компания, Герда испытывала смутное беспокойство. Почему Финисту не сидится дома? Она ведь даже толком поговорить с ним не успела, объяснить... У него такой смурной вид был, словно руки опустились. Страшно. Почему он не захотел ее выслушать? Она бы объяснила, что у них с Николя тоже ничего не выходит, а сегодняшний успех лишь случайность. Вряд ли фокус с снежками удастся повторить. А у Майли и Вожыком все обязательно получится, как у Дугавы со Жданом, просто потребуется больше времени. Если бы только Николя не давил на всех так сильно.

Охотник из города не вернулся. Пропадал где-то по своим делам. Впрочем, видеть его совсем не хотелось. Герда переключила внимание на Вожыка. Мальчик очнулся сразу после ухода рабочих. Эглаборг напоил его лечебным отваром, ощупал голову и спину, спросил про самочувствие и с облегчением объявил, что все в порядке.

— Я провалил испытание? — спросил мальчик слабым голосом.

— Нет, просто немного перестарался, — ласково ответила Герда. — Отдыхай. Мастер Эглаборг сказал, что тебе нужно пару дней провести в постели.

— Но... я подвел Финиста.

— Не думай об этом. Финист взрослый — переживет. А у тебя со временем все получится, вот увидишь.

— А что сказал мастер Николая?

— То же, что и я, — соврала Герда. — Спи.

Вожык закрыл глаза и повернулся на бок.

Герда подошла к окну и выглянула во двор. Стемнело. Мужчины не возвращались. Судя по тому, что дорога от города пустовала, в ближайшее время их ждать не стоило. Прошел час. Герда изнывала от беспокойства. Финист так расстроился из-за испытаний. Зря Николая был так резок. Она прекрасна знала, как больно жалят его слова. А Финист... у него такое уязвимое самолюбие. Хоть бы теперь глупостей не наделал. Почему же он не возвращается?

Эглаборг позвал на ужин, но у Герды пропал аппетит. Она все же не выдержала и стала одеваться.

— Куда вы на ночь глядя? — встревожено спросил целитель. — Мастер Николая не велел...

— Я должна найти Финиста, — перебила его Герда. — Если бы мастер Николая был к нему терпимее, он бы не ушел, а мне бы не пришлось его искать в потемках. Так и передайте мастеру Николая, если спросит.

Герда решительно направилась в город. Правда, когда добралась до окраины, пыл слегка остыл. Города-то она совсем не знала: была тут всего пару раз при свете дня и всегда ее кто-то провожал, поэтому надобности запоминать дорогу не возникало. Герда остановилась и задумалась. В книгах, которые описывали большие города, говорилось, что все дороги должны вести к центральной площади, где находилось сосредоточие всей жизни — лавки, таверны, постоялые дворы, ратуша. Почти как в Дрисвятах, только больше. Значит, надо идти вперед, пока не покажется круглая площадь с расположенным в центре зданием с большим шпилем. Оттуда можно начинать поиски.

В темноте Герда немного робела, но чем ближе к центру, тем светлее становилось от свечей, горевших на подоконниках домов. Ложились здесь поздно, позднее, чем на окраинах. Встречались прохожие, и вовсе не такие страшные, как ожидала Герда. Это укрепило решимость и придало мужества. Николая зря переживал, ведь Упсала казалась самым безопасным городом, в котором Герде доводилось бывать. Вот и шпиль показался. Значит, все правильно. Герда оглянулась по сторонам. Куда дальше? Впереди в одном из домов была приоткрыта дверь, откуда на порог лился теплый гостеприимный свет от камина. Доносились веселые голоса и смех. Герда подошла поближе и с трудом разобрала надпись на щербатой вывеске над дверью: «Золотой гусак». Знакомое местечко — о нем писала Лайсве в своем дневнике. Правда, она говорила, что публика здесь не слишком надежная, но... за Гердой же никто не гонится.

Она решительно вошла внутрь. Задымленная, смердящая крепким мужским потом комната тускло освещалась несколькими факелами, висевшими на стенах, и огнем от огромного камина в противоположном от двери углу, в основном им. Зал был уставлен множеством пошарканных столиков, за которыми сидели только мужчины. Они громко разговаривали, много пили, играли в карты и кости, щипали визгливых служанок, которые подавали им еду и эль.

Герда огляделась, собрала остатки смелости и подошла к мужчине в фартуке, который стоял рядом с бочкой и щедро разливал гостям пенное пиво.

— Здравствуйте, — попыталась привлечь его внимание Герда, но из-за шума ее не

услышали. — Не могли бы вы мне помочь. Я ищу человека. Двадцать семь лет. На голову выше меня, каштановые волосы до плеч, глаза необычные желтые. Не видели?

— Рыбонька моя, думаешь, я каждому мужику здесь в глаза заглядываю? — перекрикивая гам, сказал он и как-то заговорщически подмигнул.

Герда понурилась. Он явно хотел денег, только вот в кармане не было ни гроша. Они раньше не требовались: обо всем заботился Николая. Стоило взять взаймы у Эглаборга, но отдавать все равно было нечем.

Из глубины зала донесся громкий возглас. Герда вскинула голову и прислушалась. Она узнала голос.

— Рыбонька, если ничего не заказываешь, иди, куда шла. Не мешай гостям веселиться, — недовольно заявил мужчина, поняв, что платить она не собирается.

Герда, не обращая больше на него внимания, последовала за голосом. Веселившиеся вовсю мужчины оборачивались и улюлюкали ей вслед. Она изо всех сил старалась не замечать их скабрёзные взгляды.

Финист обнаружился за столом у дальней стены зала вместе с особенно шумной компанией, среди которой Герда узнала давешних мастеровых. Возле них стояли кружки с элем, а под столом виднелись ноги тех, кто уже не мог сидеть.

«Только не это», — с ужасом подумала Герда. Финист казался еще достаточно трезв. Нужно поскорей увести его отсюда, пока ничего не случилось. Герда толкнула его в плечо, чтобы он отвлекся от своих новых друзей.

— Финист, пошли домой! — попросила она, когда затуманенные хмелем глаза встретились с ее ясным взглядом.

— У меня нет дома, — отрезал он и отвернулся.

— Финист! — умоляла она. — Ну, пожалуйста.

— Это не мой дом, ясно? Я не хочу туда возвращаться. Отстань, не видишь, я занят, — грубо отмахнулся оборотень. Остальные из его компании дружно зашептались.

— Ну, кончай, а? Поругался с мастером Николая, и ладно. Тебя никто не гонит. Он из-за меня злится.

Это заявление хотя бы заставило оборотня поднять глаза. Он взял Герду за подбородок, пододвинул к себе и грустно усмехнулся.

— Маленькая птичка в клетке зовет меня в западню, в которую угодила сама. Да только я не хочу. И тебе не советую, хотя он все равно тебя уже не отпустит.

— О чем ты?

— О тебе, дурашка. О тебе и твоём ненаглядном мастере Николая. Ты что, не видишь, что происходит?

— Что? — оторопело спросила Герда.

Она и в самом деле ни слова не понимала. Ничего же не происходит! Они все просто погорячились. Наступит завтра, и никто не вспомнит об их дурацкой склоке.

— Ты его пленница. Он тебя использует, — зашептал он на самое ухо. Герда поморщилась от тяжелого хмельного духа.

— Зачем? — она продолжала разговор в надежде, что Финист послушает и уйдет отсюда. Но смысла в его словах с каждым мгновением становилось все меньше.

— Чтобы получить власть, выслужиться перед компанией, не знаю. Знаю только, что тебе это ничего хорошего не принесет. Беги от него, пока можешь.

— Хорошо, давай убежим вместе, — Герда слукавила. Думала, хоть так он пойдет за

ней, но Финист игнорировал протянутую ему руку.

— От него не убежишь. Бесполезно все. Лучше выпить и забыться. Не хочешь с нами? — он протянул ей кружку с элем. Герда поморщилась и отодвинула ее в сторону.

— Мне здесь не нравится. Давай уйдем, — еще раз попытала счастья Герда, но теперь за оборотня ответили его товарищи.

— Вот заладила, пойдём да пойдём. Ты что ему жена или мать? Не мешай человеку веселиться, если он хочет, — рыкнул высокий крепкий детина не из мастеровых и оттолкнул в сторону. Едва не упав, Герда врезалась в чью-то спину.

— Аккуратней! — прикрикнул облившийся выпивкой мужчина, но увидев перед собой хрупкую девушку, хищно ухмыльнулся и схватил ее за руку.

— Ишь какая. Не из местных? Давненько таких не видел. Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Герда чувствовала его ауру. Она была странной, покрытой полупрозрачной дымкой и явно не человеческой. Герда обернулась на Финиста, моля о спасении, но тот настолько увлекся разговором со своими новыми друзьями, что не замечал ничего вокруг.

— Пожалуйста, отпустите, — взмолилась она, стараясь не показывать, что узнала в собеседнике демона.

— Тише, кроха. Я тебя не обижу, — не унимался он, медленно притягивая ее к себе.

— Шейс, отпусти ее! — донесся из толпы властный голос.

— Чего переполошился, Асгрим? Я же всего лишь играю. К рассвету она ничего и не вспомнит, — не послушался демон. — Гляди, какая хорошенькая, ммм!

Он плотоядно облизнулся. Нужно было вырваться и закричать что есть силы. Людей в зале много — отобьют. Но Герда оцепенела настолько, что не могла ни пошевелиться, ни даже пикнуть. Это демонова ворожба?

— Она с Охотником. Он твоих шуток не оценит, — грозно ответил Асгрим.

— Вечно этот Охотник! Такое ощущение, что мы у него на побегушках. Вот развлекусь с его подружкой и что он мне сделает со своей отсохшей рукой? — Шейс говорил так, словно ее тут и вовсе не было. Или он считал, что люди настолько глупы, что не могут разобрать демонский говор?

— Если ты сейчас же ее не отпустишь, я сам спущу с тебя три шкуры, — пригрозил Асгрим и буквально силой вырвал Герду из рук демона.

Он был высокий, с темными глазами и волосами, одет в плащ из тонко выделанной кожи, подбитый толстой овечьей шерстью. Его аура тоже казалась странной, хотя Герда не могла с точностью определить демон он или нет. Зато дышать рядом с ним сразу стало легче. Колдовское оцепенение медленно отступало, позволяя, наконец, пошевелить затекшими в жесткой хватке запястьями.

— Идем, таким девушкам, как ты, здесь находиться опасно, — Асгрим быстро повел ее прочь.

Герда была еще слишком слаба, чтобы сопротивляться. Тем более, они направлялись к выходу, а сейчас хотелось оказаться подальше от этого гнилого места и злобно шурившегося демона.

— Вы знаете мастера Николя? — заговорить смогла только на улице.

— Его здесь все знают, — вздохнул Асгрим. — Я отведу тебя к нему.

— Не надо, — всполошилась Герда, представив, как отреагирует Охотник, узнав, где она была. — Лучше домой.

Но в очередной раз не повезло. Очевидно, это просто был не ее день. Стоило завернуть за угол, как они нос к носу столкнулись с Николая. Тот шел по-обыкновенно размашисто и не особо следил за дорогой, погруженный в мрачные раздумья. Асгриму пришлось несколько раз его окликнуть, прежде чем он медленно, будто нехотя, обернулся и озадаченно посмотрел на них.

— Кажется, я нашел кое-что твое, — весело подмигнул Асгрим и подтолкнул вперед Герду. Николая прищурился, пытаясь разглядеть ее в ночной тьме, а потом крепко схватил и притянул к себе.

— Где ты ее нашел? — озабоченно поинтересовался Охотник. Мнение Герды по поводу случившегося его явно не интересовало.

— В «Гусаке».

— Где?! — Николая больно сжал ее руку.

— Именно там. На силу у Шейса вырвал, — продолжил рассказ Асгрим. — Объяснил бы ты ей, чтоб не шлялась по таким местам по ночам, а то сведут ненароком, не из наших, так из ваших кто-нибудь заезжий.

— Ты совсем рехнулась? — Николая встряхнул ее. — Какого демона тебе там понадобилось?

Герда молча потупилась.

— Ладно, я пойду, а то жена ждет, — заторопился Асгрим. Видно, не слишком хотелось наблюдать, как они будут выяснять отношения. — Требуется, чтоб я сына воспитал. Если бы я только знал, как его воспитывать. Уже все прутья об его зад сломал.

— Под замок тебя сажать, что ли? — зло спросил Николая, когда Асгрима поглотила ночная тьма.

— Да хоть бы и так, — огрызнулась Герда и вырвалась из его рук. — Все равно как в клетке живу. Финист прав.

Нужно забрать Финиста из таверны. Иначе его тоже сведут, особенно если он упьется до умопомрачения. Уговорить его не получается, значит, действовать надо силой. Просить Николая бесполезно — жалостливые взгляды на него не действуют. В этом она сегодня хорошо убедилась. Остается лишь хитрость.

— Куда ты?! — закричал Охотник, видя, что она уходит.

— Обратно, — отрезала Герда и, не оборачиваясь, пошла к таверне.

Он шел следом, она это чувствовала. Возле входа Герда остановилась. Николая перегородил ей путь:

— Скажи, что тебе там надо. Я это достану, а потом мы спокойно уйдем.

Она выдохнула. Все шло по плану. Только бы с крючка не сорвался.

— Там Финист. Я пришла за ним, — кратко ответила Герда. Чем меньше Николая будет знать о выходке оборотня, тем лучше.

— Погоди-погоди, он был с тобой и не защитил? — возмутился Охотник. Кажется, без неприятных объяснений обойтись не удастся.

— Он выпил... лишнего, — нехотя призналась Герда.

— Ты хочешь сказать, что он был настолько пьян, что не заметил, как ты попала в беду? — голос Николая звенел от ярости.

Ничего не выходит! Ну почему он не слушает, как все?! Герда в отчаянии отвернулась и тихо попросила:

— Просто уведите его оттуда.

— Стой тут, — хмуро бросил Николая и вошел внутрь.

Отсутствовал он минут пятнадцать. Герда успела замерзнуть, пока ждала, и начала нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Гул голосов все нарастал, слышался звук бьющейся посуды, возмущенные выкрики. Дверь распахнулась. Из нее вылетел Финист: перекувырнулся через голову и распластался в глубоком сугробе. Следом вышел разъяренный Николая. У прохода столпилось куча народа, среди которых Герда узнала и компанию Финиста, и Шейса, и нелюбезного подавальщика. Николая тоже их заметил и резко развернулся на каблуках.

— Кто еще хочет мою руку проверить? — с вызовом спросил он. Толпа словно по команде сделала шаг назад. Видимо, желающих охладить пыл в снегу больше не нашлось. — В таком случае, все свободны.

Николя схватил Финиста за шкурку. Оборотень на ногах уже не держался. Да и язык заплетался так, что ничего членораздельного разобрать было невозможно. Охотник перекинул руку Финиста себе через шею. Герда поддержала с другого бока. Вместе потащили Финиста домой, пыхтя и ругаясь про себя на него и друг на друга. Первой выбежала на порог Майли.

— Что с ним? Ему плохо? — встревожилась она.

— Пить надо меньше, вот что, — резко ответил Николая. Он все еще полыхал от гнева. Что бы ни случилось внутри таверны, это добило его окончательно.

— Зануда, — пробормотал Финист, приподняв голову с плеча Охотника, а потом снова уснул. Николая с шумом выдохнул, явно из последних сил сдерживаясь, чтобы не выругаться перед девушками. Вскоре подоспел Эглаборг и помог втащить Финиста в дом. Герда уже чуть не падала от усталости и была несказанно рада избавиться от своей ноши.

— Ух, от него несет еще хуже, чем от моего брата в тот день, когда он разорился, — поморщился целитель, отгоняя рукой тяжелый дух. — Давайте в гостиной его оставим. Пусть здесь отсыпается, а то еще мальчика потревожит.

Они водрузили Финиста на широкий диван, вытерли со лбов пот и устало опустили прямо на пол. Девушки робко жались в сторонке. Первой не выдержала Майли. Подошла к Финисту и провела рукой по его лицу.

— Почему он так? — задала она риторический вопрос.

— Потому что идиот, — сплюнул Николая.

— Нет, потому что кто-то наговорил ему гадостей, унизил и заставил почувствовать себя ничтожеством, — в конец обозлилась Герда.

Все поражено молчали.

— Ну, конечно, он ведет себя как последняя скотина, а виноват всегда я! — дал волю раздражению Николая. Хорошо, что хоть на какие-то чувства он все-таки способен, но все равно обижать и тем более обзывать Финиста он никакого права не имел. Герда упрямо выпятила вперед губу и отвернулась. Охотник заговорил куда тише и спокойнее: — Я просто хотел, чтобы он более ответственно относился к своим обязанностям, вот и все.

Не впечатлило.

— Вы постоянно на нас наседаете. Требуете то, чего мы сделать просто не состоянии. Ваши слова, ваше поведение нас пугают. Не все могут выдержать такого давления. Финист не смог. И я его понимаю, — Герда поднялась по лестнице и громко хлопнула дверью.

Николя устало прикрыл глаза ладонью.

— Я наседаю? — спросил он непонятно у кого.

— Да, — одновременно ответили Майли и Эглаборг. Николя снова тяжело вздохнул.

Глава 24. Незваные гости хуже троллей

Герда проснулась поздно, ну не совсем поздно, но долго валялась в постели и вставать не хотела. От вчерашнего происшествия на душе остался гадкий осадок. Пропало всякое желание видаться с кем-либо или тем более разговаривать. Прележать бы всю жизнь под теплым одеялом и ни о чем не думать, кроме грез о полетах и дальних странствиях. Мечты прервал стук в дверь, странный, такой неожиданно деликатный и вместе с тем настойчивый. Герда села на кровати и, помедлив мгновение, ответила:

— Входите, не заперто.

Дверь отворилась и через порог несмело переступила Майли. Герда нахмурилась. Прежде наследница Будескайска никогда к ней не заглядывала.

— Как у тебя здесь тесно... — не преминула покритиковать она, пристально разглядывая комнату соперницы.

— Мне нравится, — пожалала плечами Герда, не понимая, к чему этот разговор. На всякий случай встала и накинула поверх ночной рубахи шерстяную шаль. — Ты что-то хотела? — присутствие Майли внушало смутное беспокойство. Чем больше Герда оставалась с ней наедине, тем больше ощущала, что девушка настроена очень настороженно, даже недоброжелательно. Это нервировало и пугало.

— Ты обещала отдать его мне, — мрачно напомнила Майли после затянувшегося молчания.

— Кого? — нахмурилась Герда.

— Финиста. Отдай его мне, — от скрытой угрозы по спине пробежали мурашки.

— Я его не держу, — Герда отвернулась, пытаясь унять дрожь.

— Ты танцевала с ним на празднике и бегала за ним в город вчера. Ты постоянно крутишься вокруг него, привлекаешь внимание. Разве ты не видишь, что все его неприятности из-за тебя?

— Из-за меня? — удивленно моргнула Герда.

— Ну конечно. Из-за тебя Финист с мастером Николая готовы поубивать друг друга, а ты, — Майли стала так, чтобы видеть глаза Герды, и указательным пальцем коснулась ее носа. — Ты с ними играешь. Забавляешься. Распалляешь вражду, так и не сделав выбор.

Герда убрала ее руку. Почему все ведут себя так навязчиво: подходят слишком близко, орут, за руки хватают? Достали!

— Ты что-то путаешь. Если и есть маленькая возможность, что я не безразлична Финисту, то мастер Николая заботится обо мне только как о своей ученице. И поверь, тут я бы с удовольствием поменялась с тобой местами. А Финиста я не держу. Он знает, что нравится мне только как друг. Если ищешь виноватого в том, что у вас ничего не выходит, повнимательней посмотри на себя в зеркало.

Герда подошла к двери и пошире ее распахнула.

— Если это все, я попрошу тебя выйти. Мне надо переодеться.

— Мы не закончили, — Майли злобно сверкнула глазами. — Если ты еще раз...

— Что ты сделаешь? — зевнула Герда и снова указала на дверь.

Не найдясь, что ответить, Майли насупилась и вышла. Герда устало сползла по стенке. Кажется, она слишком много общается с Охотником. Уже и ведет себя почти как он. Чуть успокоившись, переоделась, вышла в коридор и ступила на лестницу, но вдруг услышала

голоса в гостиной и по привычке спряталась за перила.

— Как же мне плохо, — стонал Финист, с трудом поднимаясь с дивана.

— Не сомневаюсь, — злорадно ответил Николая, протягивая ему тарелку с супом и чашку с дымящимся отваром. — Это от Эглаборга. Сказал, что лучшего средства от похмелья нет.

Финист скривился, но все же взял тарелку и, приняв хавшись, отхлебнул чуток.

— Кислятинка, хорошо, — пробормотал он и начал уплетать суп за две щеки вприкуску с хлебом.

Когда закончил, всего за несколько глотков опорожнил чашку с отваром. Николая терпеливо за ним наблюдал.

— Что? — не выдержал пристального взгляда Финист.

— Поговорить хочу, — в тон ему ответил Охотник. Оборотень подавился и громко закашлялся.

— Постучать по спинке? — с притворным участием спросил Николая.

— Да иди ты... — буркнул Финист. — Говори, чего надо, только быстрее. Если хочешь меня выгнать, то не растрчивай свое красноречие зря — я уйду сам.

— Не хочу, — устало сказал Николая. — Я действительно считаю, что ты очень полезен для Компании. Ты сильный воин и обладаешь редким даром. Ты мог бы быть прекрасным учителем, был им, когда хотел, но сейчас твои безответственные выходки не оставляют мне иного выбора, кроме как отказаться от твоей помощи.

— Мои выходки? Я не сделал ничего предосудительного. У меня был тяжелый день. Что плохого в том, что я решил немного развеяться?

— Проблема как раз в том, что ты ничего не сделал. Ни для своих учеников, чтобы они справились со своим даром, ни для Герды, которая пошла за тобой в этот притон и едва не угодила в беду.

— Герда? — нахмурился Финист, явно с трудом припоминая события предыдущего дня, а потом потупился. — Мне начинать собирать вещи?

— Нет. Я готов дать тебе еще один шанс, но ты должен пообещать, что впредь станешь относиться к своим обязанностям серьезно. Твои ученики сейчас очень уязвимы и зависят от тебя. Если тебе нет до них дела, скажи об этом сейчас, чтобы ни я, ни они на тебя не надеялись.

Финист крепко задумался.

— Ты, правда, думаешь, что у меня получится? — неожиданно спросил он. Николая пожал плечами:

— Об этом знаешь только ты сам.

— Ладно, — согласился Финист и осторожно поинтересовался: — Можно поговорить с Гердой?

— Если захочет. Я ей не тюремщик, — Николая обернулся на лестницу.

Герда закусила губу. Ну как он догадался? Есть в этом что-то ненормальное.

Николая ушел на кухню, забрав с собой пустую посуду. Герда выбралась из укрытия и спустилась к Финисту.

— Слышала, ты хотел поговорить, — улыбаясь, сказала она.

— Насчет вчерашнего... Я плохо помню. Прости, хотя нет, наверное, ты не должна прощать, — сбивчиво начал объясняться Финист, и к концу совсем сник.

— Ничего страшного. Я жива, все в порядке, — подбодрила его Герда.

— Но Охотник сказал...

— Мастер Николая как всегда преувеличивает. Это было даже забавно, — правда, вчера Герда в своем маленьком приключении ничего забавного не находила, да и сегодня тоже, но Финист выглядел слишком жалко, чтобы припоминать то, что так и не случилось.

Герда вела себя с Николая все также холодно, как и накануне. Обращалась только по крайней нужде, да и то односложно. Даже великодушный жест по отношению к Финисту оставил ее равнодушной, показался наигранным и неискренним. Заниматься совсем не хотелось. Хотелось сбежать на край света, побыть одной, подумать, отдохнуть. Небольшое уединение помогло бы разложить все по полочкам — разобраться в чувствах и желаниях, понять, как работает дар. Но Николая придерживался на этот счет иного мнения. И поэтому после завтрака потащил Герду в очередное потаенное место для занятий.

На этот раз он нашел небольшую поляну на краю леса — затишек, куда из-за густых елей не добирался пронизывающий ледяной ветер. На вытоптанной площадке Николая расстелил покрывало и удобно устроился на нем. Герда осталась стоять в ожидании очередного снежного обстрела. Но он все никак не начинался. Охотник выжидающе смотрел на нее, а она старательно избегала его взгляда, наблюдая то за серым небом, подпертым верхушками древних деревьев, то за причудливо украшенными наледью еловыми лапками.

— Так мы будем заниматься? — Герда первая нарушила правила игры в молчанку, которые сама же установила.

— Будем, — коротко ответил Николая и снова притих. Наверное, злился, что она его игнорировала. Теперь уже Герда смотрела на него, а он уперся взглядом в покрывало под собой.

— Что мне делать? — окончательно растерявшись, спросила она. Николая соизволил встретиться с ней взглядом, но продолжил молчать, явно о чем-то размышляя. Знать бы, о чем.

— Сложно, — вдруг выдохнул Охотник. — Иди сюда.

Герда недоуменно пожала плечами и подошла к покрывалу. Николая пробежался здоровой рукой по ее ногам, потом заскользил пальцами по спине. От прикосновений кожу жгло даже через одежду.

— Подними руки, — скомандовал Охотник. Герда мгновенно подчинилась. Странные ощущения завораживали.

Николая точно также обследовал ее руки, а затем тяжело опустился на покрывало и снова отвернулся. Герда осталась стоять в полном недоумении.

— Почему ты не вышла замуж? — ни с того ни с сего поинтересовался он. Герда закусила губу.

— Так никто не предлагал. Какое отношение это имеет к моему дару?

— Прямое. Сядь, — Николая указал на место рядом с собой. Герда опустилась на самый край покрывала и продолжила вопросительно смотреть.

— Так уж никто? — подвинувшись ближе, Николая взял ее лицо за подбородок и повернул к себе, вглядываясь так пристально, что кожу обдало жаром не хуже, чем от прикосновений. — Почему? Ты же вроде достаточно хорошенькая.

Герда смущенно отвернулась, почувствовав, как к щекам прилила пунцовая краска. Почему в устах Николая даже комплимент звучит укором?

— Думаю, из-за того, что я приглянулась Вальдемару. Замуж он меня звать не собирался, а для остальных я не казалась хорошенькой настолько, чтобы они решились бросить вызов сыну земского главы. И я их не осуждаю...

Герда встряхнула головой, отгоняя тревожные воспоминания. Николай неловко потупился. На несколько мгновений они оба застыли в тупом молчании, потом одновременно подняли глаза и столкнулись взглядами одинаково тяжелыми непроницаемыми взглядами.

— А Финист? — коротко спросил Николай.

— Что Финист?

— Ты говорила, что он тебя целовал. Неужели он не предлагал большего?

Пронзительный взгляд действовал на нервы. Герда негодуяще выдохнула. Да кто он такой, чтобы задавать подобные вопросы? Жених?!

— Я же говорила, что нет! — вспыхнула она. Как же надоело с ним ругаться! Надо это остановить. Герда поднялась и отступила на шаг.

— А я не поверил. И сейчас не верю, — Николай схватил ее за руку и вернул обратно на покрывало.

— Я хочу другого учителя, — выпалила она, судорожно пытаясь вырваться, но Николай не отпускал. — Вы говорили, что я могу поменять учителя, если вы мне не понравитесь. Вы мне не нравитесь.

Охотник удивленно вскинул брови.

— Где же я найду другого учителя сейчас? — он очень медленно разжал руки. Герда послушно села. — Я бы мог отправить тебя в штаб-квартиру компании Норн в Дюарле, но это будет долго и неразумно.

— Я могла бы заниматься с Финистом, а вы бы взяли себе Вожыка или Майли, — любезно предложила она. В прошлый раз он сам об этом говорил.

— Да, ему с тобой явно было бы легче. И вряд ли бы он мучался от подобных мыслей, — многозначительно изрек Николай.

О чем он? Разве что... Бред!

— Тогда, может, не надо вообще никакого учителя? — с надеждой предложила она. — Мой дар слабый и не опасный, не такой, как у Вожыка. Того, что вы мне показали, должно хватить, чтобы выжить и не причинить никому вреда.

Охотник грустно покачал головой.

— Вчера ты чуть не надорвалась, когда неосознанно попыталась погасить огненный взрыв Вожыка. Если ты не научишься контролировать свой дар и рассчитывать силы, то рискуешь когда-нибудь погибнуть от истощения или перенапряжения. Я знаю, поначалу всегда сложно. Кажется, что у тебя ничего не получится, но иногда надо постараться чуть сильнее, перетерпеть и все придет. У тебя очень сильный и необычный дар.

Снова врёт! Герда поджала губы, обняла себя руками и отвернулась.

— Я не льщу и не преувеличиваю, — Николай протянул ей руку, но Герда отодвинулась на самый край покрывала. — Пожалуйста, дай мне еще один шанс.

Она не отвечала, даже взглядом с ним встречаться не желала.

— Я же дал его Финисту, — не преминул напомнить Охотник о своем «великодушном» жесте. — Не кривись. Все будет по-другому. Наседать больше не стану.

— И дурацких вопросов задавать тоже? — недоверчиво переспросила Герда.

— Обещаю, — Николая в который уже раз протянул руку ладонью вверх. — Мир?

Герда пожалала ее, но очень нерешительно, сомневаясь, что он говорит серьезно.

— Мне опять отбивать снежки?

— Нет, я же сказал, все будет по-другому. Садись напротив, смотри на меня и дыши.

Герда сделала все так, как он велел.

— Твое задание будет предельно простым — ты должна синхронизировать свое дыхание с моим. То есть когда я делаю вдох, тогда и ты должна делать вдох, и когда выдыхаю, ты тоже выдыхаешь. Начнем?

Герда закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на своем дыхании, чтобы выровнять его и сконцентрироваться, но Николая ее сбил:

— Лучше держи глаза открытыми. Будет проще, если ты сможешь меня видеть.

Герда закусила губу. Охотник ошибался. Когда она смотрела на него, мысли начинали роиться и улетать куда-то вдаль, дыхание учащалось, а сердце бешено колотилось в груди. Что ж, значит, это будет еще и тренировка на выносливость. Герда сделала глубокий вдох, потом выдох. Странно, у Николая так много общих черт с Финистом: вытянутый овал лица, упрямо вздернутый подбородок, слегка прищуренный, кошачий разрез глаз. И еще они одинаково кривят рот в правую сторону, когда раздражены. Наверное, даже у самых непохожих людей можно найти что-то общее, если внимательно вглядываться.

— Не получается? — сбил ее с мысли Николая и снова протянул руку. — Попробуй нащупать пульс. Это должно помочь.

Герда долго возилась, прежде чем смогла его нащупать. Потом сравнила со своим. У них обоих пульс оказался одинаково частым. Тогда можно и не успокаиваться, а просто прислушаться к Николаю чуть внимательней. Вот он делает вдох, и она за ним, выдох и она выдох. Опаздывает всего на пару мгновений. Надо догнать, предугадать, почувствовать его ритм. Почти. Какие же у него великолепные бездонные синие глаза! Даже у неба поздней весной не бывает такого насыщенного цвета. Ну почему так сложно сосредоточиться на дыхании?!

Губы Николая растянулись в улыбку. На щеках появились едва заметные ямочки. Герда почувствовала, как к лицу снова приливает краска.

— Простите, — потупилась она.

— Ничего, — ответил Николая. — Продолжай, у тебя хорошо получается.

— Я не могу сконцентрироваться с открытыми глазами.

— Попробуй повторять про себя какую-нибудь короткую фразу. Сосредоточься на ней, думай только о ней и о том, чтобы дышать со мной в унисон, — подсказал Николая.

Герда попробовала. Так действительно оказалось проще. По крайней мере, пока она пыталась придумать стишок, который смогла бы про себя повторять, никакие посторонние мысли не отвлекали. Правда, стишки выходили паршивые, без смысла и рифмы, зато ритм дыхания Николая повторяли точь-в-точь.

— Молодец, — похвалил Охотник. На занятиях это случалось так редко, что Герда немного стушевдалась. — На сегодня, пожалуй, хватит.

Они быстро собрались и пошли домой. За лесом их нагнал порывистый промозглый ветер, который обычно предвещал начало холодной сырой весны, которой славилась северная Лапия.

Николя сдержал обещание. Следующая неделя прошла очень тихо и незаметно, несмотря даже на то, что в конце зимы не на шутку разгулялась матушка-вьюга, как говаривали упсальские старожилы. Дома пришлось сидеть безвылазно. Герда поначалу побаивалась, что Николя и Финист не смогут так долго находиться рядом без ссор, но после случая в таверне они немного успокоились и старались больше не ругаться. Напряженность, конечно, сохранилась, поэтому разговаривали они мало, в основном на отвлеченные темы, порой доходя до сущих несуразностей, над которыми тайком посмеивались остальные домочадцы.

Вожык быстро шел на поправку, но Эглаборг пока запрещал ему заниматься. Вниманием Финиста всецело владела Майли. И ей это очень нравилось. Она словно расцвела, наполнилась жизнью. На щеках горел румянец, глаза счастливо блестели, на устах постоянно играла улыбка. Даже на Герду злиться перестала — не задевала при каждом удобном случае, даже разговаривала без обычного высокомерия.

Герда радовалась, что отношения Майли и Финиста наладились, хотя замечала, что оборотень нет-нет, да бросал на нее полные тоски взгляды. Но пока рядом находился Охотник, приближаться не отваживался. Николя тоже стал более веселым и раскованным. Они с Гердой запирались в библиотеке, чтобы никто не мешал. Занятия теперь походили на забавную игру. После того, как Герда научилась синхронизировать свое дыхание с дыханием Николя настолько, что их сердца начали биться в унисон, Охотник поставил новую задачу — повторять его движения. Все, включая даже движения глаз и губ. Выполнить это оказалось еще сложнее. Требовалось подмечать малейшие шевеления и тут же их повторять. Постоянно следить за ним и за собой — нельзя совершать лишних движений и терять синхронизацию с его дыханием.

Никогда прежде Герде не приходилось так скрупулезно себя контролировать: дышать равномерно, не отрывать взгляд от его глаз, вовремя и правильно реагировать. Поначалу получалось еще хуже, чем со снежками. Тогда Николя решил упростить задачу, попросив сосредоточиться только на лице. Поднял одну бровь, потом другую, потом пошевелил уголками губ. Наблюдать за такими движениями и повторять их было куда проще. Сидели так с полчаса — Николя улыбнется и Герда за ним, прищурится и она быстро повторяет. Когда она в конец вымоталась и даже толком концентрироваться перестала, Охотник скорчил до того забавную рожицу, что Герда не выдержала и рассмеялась.

— Что это было? — весело поинтересовалась она.

— Выражение лица Эглаборга, когда он занят своими «опытами», — задорно подмигнул Николя. — Не похоже?

Герда улыбнулась и неопределенно пожала плечами. Раньше шутки Николя ни к чему хорошему не приводили. Но теперь, по крайней мере, она знает, что старается он вовсе не ради нее.

— А это наш бургомистр, когда я прихожу к нему за деньгами, — Николя выпучил глаза в притворном удивлении, а брови грозно сошлись над переносицей.

Герда засмеялась уже в голос.

— Вот это ты точно узнаешь, — Николя вскинул голову, насупился, подал вперед нижнюю челюсть и заскрежетал зубами. Получилось очень похоже.

— Финист! — легко догадалась Герда, но смеяться не стала. Над друзьями потешаться нельзя. — Он не всегда такой.

— Может быть, но ты же догадалась, — быстро сдался Николая и тут же изобразил другого человека. Напряженно закусил губу, весь сжался и сделал несчастные глаза. — Ну?

— Сдаюсь, — покачала головой Герда и неосознанно повторила то, что только что показывал Николая. — Ой... это я?

Охотник усмехнулся и снова ее спародировал. Герда закрыла лицо руками и сдержанно рассмеялась. Охотник тут же воспроизвел ее жест и звуки, которые она издавала.

— Не надо, мастер Николая, — попыталась урезонить его Герда, но Николая уже настолько разошелся, что останавливаться не желал.

— Не надо, мастер Николая, — повторил он противным писклявым голосом и так жеманно передразнил ее смущение, что Герда не выдержала и запустила в него подушкой, на которой сидела до этого.

— Эй!

Замерев у самой головы Охотника, подушка плавно опустилась на пол. Такой реакции следовало ожидать, он ведь телекинетик. Но вот от кулаков он так просто не избежит, Герда воинственно гикнула и сама бросилась в бой. Николая совсем не сопротивлялся, когда она вцепилась в него и принялась лупить руками по широкой груди. Он раскатисто засмеялся, обхватил ее за талию и притянул к себе так, что ее ноги сошлись у него за спиной. Герда испуганно замерла. Показалось, что Николая принюхивается к волосам и касается губами шеи. Герда вздрогнула и подняла голову, заглядывая в подернутые мутной паволокой глаза.

— Ч-что с вами? — сиплым голосом спросила Герда.

Николя нахмурился, словно ожидал чего-то другого, а потом тяжело вздохнул и отпустил.

— Действительно, что? — с досадой обратился он к самому себе и разочарованно отвернулся.

Герда тут же отодвинулась на почтительное расстояние.

— В следующий раз я тоже буду вас передразнивать, — пытаюсь сгладить неловкость, отшутилась она.

— Посмотрим, как у тебя это получится, — через силу рассмеялся Охотник.

Требовать объяснений Герда не решилась. Сама виновата. Не стоило на него кидаться. В конце концов, она уже не ребенок, а он — взрослый мужчина. Такие игры между ними просто неприличны. Вдруг Николая подумает, что она гулящая и пытается его соблазнить?

На следующий день Герда исполнила свою угрозу. Конечно, ее рожицы получились совсем не такие забавные, как у Николая, а скорее совсем глупые, но Охотник отчего-то остался доволен и даже рассмеялся в конце. Дальше занятия стали проходить в таком духе: вначале он изображал ее — жесты, мимику, походку, даже речь, а потом она его, сопровождая все это задорным смехом и шутками. Незаметно для себя действительно стало получаться повторять жесты Николая даже без изнуряющей концентрации и утомительной слежки за ним. Она настолько увлеклась, что пару раз удалось даже предугадать действия за

мгновение до того, как он их совершал.

Метель окончательно стихла как раз к тому времени, как поправился Вожык. Все были несказанно рады провести день вне стен опостылевшего за две непогожие недели дома. Финист, решительно взявшись за обучение своих подопечных, отправился на занятия с мальчиком сразу после завтрака. Не хотел больше и минуты терять зря. Его энтузиазм обрадовал Герду, но Николая отнесся к нему крайне настороженно.

— Слишком быстро он воодушевляется на новые свершения, — объяснил Охотник. — Но запала хватает ровно до первого препятствия, не преодолев которое, Финист столь же быстро сдается.

— Он умеет быть настойчивым, — возразила Герда, припомнив, как настырно оборотень добивался чувств, которых она к нему не испытывала.

— Только не там, где это действительно нужно, — ответил Николая, словно прочитав ее мысли, и досадливо покачал головой: — Почему все наши разговоры неизбежно сводятся к обсуждению личных качеств Финиста?

Герда слабо улыбнулась и пожалала плечами, а про себя подумала: "Возможно, потому, что вам они не дают покоя".

Они тоже отправились заниматься на улицу. Добраться до излюбленной поляны в лесу оказалось слишком сложно. Дорогу замело сугробами выше головы. Пришлось расположиться поближе к дому, но место оказалась ничем не хуже — под пригорком, где и снега было поменьше, и ветер не дул. Николая расстелил покрывало, сел и пригласил Герду устроиться рядом.

— Что будем делать сегодня? — полюбопытствовала она.

Не терпелось заняться чем-нибудь интересным и захватывающим. Николая пожал плечами:

— А что ты хочешь?

Герда задумчиво посмотрела по сторонам. Хотелось подвигаться и согреться.

— Отбивать снежки, — решила она.

— Никто тебя за язык не тянул, — усмехнулся Охотник и без предупреждения запустил в нее снежный ком.

Герда едва успела заметить, как он отклонился и приземлился сзади. Она поднялась и попятилась мелкими шагами, не сводя глаз с Николая. Уголки его губ поползли вверх. В воздух взлетела целая туча снежков. Герда ринулась бежать со всех ног, то сама уклоняясь от снарядов, то отклоняя их. Она долго кружила вокруг неподвижно сидевшего на покрывале Охотника, по чьей воле в нее безостановочно летели все новые и новые комья. Как только Герда почувствовала усталость, обстрел тут же прекратился. Она сделала несколько шагов к своему учителю. Вдруг откуда ни возьмись появился громадный снежный шар и понесся прямо на нее. Герда напряженно замерла. Шар, словно оттолкнувшись от невидимой преграды, отлетел к Охотнику и ударил в лицо. Герда испуганно прикрыла рот рукой. Николая быстро счистил с себя снег и поднял глаза. Он улыбался.

— Молодец! У тебя получается лучше, чем я думал.

Герда недоверчиво моргнула. Он не злится? Он серьезно?

— Простите меня, я не хотела, — смущенно залепетала она, опускаясь на покрывало. Герда заметила, что снег залез к нему за воротник, и бросилась вычищать.

— Не стоит, — Николая перехватил ее руки и опустил их. — Все в порядке.

— Вы, правда, не злитесь?

— Разве я когда-нибудь на тебя злился?

Герда пристально посмотрела на него. Навскидку она могла припомнить раз десять, но, наверное, их было больше.

— Давай, перекусим. Ты, должно быть, устала, — Охотник подал ей сверток с вяленным мясом и хлебом, заботливо приготовленный Эглаборгом.

Николя закончил есть первым и так внимательно наблюдал за своей подопечной, что она все время краснела и дрожащими от смущения руками роняла крошки хлеба себе на колени.

— Ты даже за едой не расслабляешься, — сделал неутешительный вывод Охотник. Герда пожала плечами. Расслабиться в его присутствии всегда было нелегко, а уж когда от нее этого требовали...

— Что дальше? — поинтересовался Николя.

— Не знаю. Почему вы все время спрашиваете? Обычно вы так не делаете, — недоверчиво нахмурилась Герда.

— Пусть сегодня будет твой день, — он ласково улыбнулся. Но даже сейчас Герда не чувствовала в нем искренности.

Задуматься пришлось всерьез и надолго. Ничего из того, чем они занимались раньше, делать не хотелось. Но разучивать что-то новое всегда сложнее, чем повторять старое. Они с Николя, наверняка, снова переругаются, а так не хотелось портить этот первый ясный день.

— Помните, вы говорили про предел силы, — осторожно начала Герда. Охотник внимательно посмотрел на свою ученицу, ожидая продолжения. Она сильно сомневалась, что Николя согласится, но попробовать все же стоило. — Так как мой предел очень маленький, я бы хотела увидеть ваш, если можно.

Николя нахмурился:

— Не слишком хорошая идея. Для воина, не только для Стража, опасно показывать свой предел. Ведь тогда противник с легкостью сможет тебя к нему подвести и перебросить через край.

Герда погрузилась и опустила голову.

— Но ты не воин. И, надеюсь, моим противником никогда не станешь, поэтому, думаю, я мог бы показать, если обещаешь молчать, — смягчился вдруг Николя. Герда счастливо улыбнулась. Охотник поднялся и помог ей, а потом быстро скрутил покрывало и отложил в сторону.

Николя вышел на открытое место и поманил за собой Герду. Она покорно подошла к нему. Охотник повернул ее к себе спиной и обхватил за талию здоровой рукой.

— Держись крепче и не шевелись, — предупредил он. Герда напряженно замерла, сиюсь представить, что он собирается сделать, но так и не смогла. Впереди разверзлась громадная вихревая воронка и поглотила их. От страха Герда зажмурилась. Их оторвало от земли и закрутило в воздухе. Совсем как тогда, когда Николя сражался с Ходоком. Она сильней прижалась к Охотнику, боясь, что потеряется в этом чудовищном смерче. Николя нашел ее ладонь и ободряюще сжал. Вихрь стих также неожиданно, как начался. Почувствовав, что все улеглось, Герда открыла глаза и снова зажмурилась от яркого солнца. Случайно наклонившись вперед, почувствовала, что потеряла опору и вот-вот упадет, но Николя с силой притянул ее обратно.

— Я же говорил, не шевелись. Здесь едва хватает места для одного, а вдвоем надо быть очень осторожными, — предупредил он.

Герда огляделась. Они стояли на вершине одинокого утеса посреди пролива, отделяющего друг от друга два едва видневшихся в белой дымке берега.

Море здесь не замерзло даже в самые лютые морозы из-за теплого течения. Оно согревало и отстоящие друг от друга берега, на ближнем из которых, как догадалась Герда, располагалась Упсала. Поэтому и зимы здесь были сравнительно мягкие без сильных холодов.

— Как мы здесь очутились? — ошарашено спросила Герда, стараясь изо всех сил не потерять равновесие. Это было тяжело, потому что горячее дыхание Николая щекотало кожу так, что по ней волнами пробегали мурашки. Хотелось съежиться.

— Телепортация. Очень редкая разновидность телекинеза, — объяснял Охотник. — Позволяет мгновенно перемещаться на дальние расстояния. Сильнейшие телепортаторы могут преодолеть пол Мидгарда за один скачок.

— А много их? — спросила Герда, внимательно вглядываясь в дальний берег, зыбкий, словно мираж у самой кромки горизонта, где сходились три стихии.

— Столько же, сколько и отражающих, — продолжил рассказывать Николая. — Я встречал только одного. Он меня и научил. Правда, мой предел — всего несколько десятков верст — вот этот утес в Северном море.

— Неужели кто-то может быть сильнее вас?

— Конечно. Почему тебя это удивляет?

Герда пожалала плечами. Ей нравилось считать его сильнейшим. Ведь с таким защитником, пускай даже не слишком искренним, никакие демоны не страшны.

— Если бы я был всемогущ, вряд ли бы остался здесь. Тот берег, на который ты сейчас смотришь, там мой дом. Мой настоящий дом. Но всех моих сил, влияния, знаний и способностей не достаточно, чтобы преодолеть этот узкий пролив. Утес, на котором ты стоишь, мой предел еще и потому, что ближе к дому мне никак не подобраться.

Николя замолчал. Хотя Герда не могла видеть его лица, она ощущала, насколько ему тяжело и горько говорить об этом. Она с сочувствием погладила придерживающую ее за талию ладонь, понимая, что никакие слова утешения не помогут унять его тоску.

— Голубые Капюшоны?

— Что еще раз доказывает, я вовсе не всемогущ, — мрачно ответил Николая, а потом, заметив, что Герда дрожит, добавил: — Ты замерзла. Пора возвращаться.

Герда хотела возразить, но передумала. Они снова шагнули в вихревую воронку и оказались на открытом месте возле пригорка. Снег вокруг был взрыт. Кое-где проглядывала голая земля. Значит, вихрь не плод воображения? Герда позволила себе шевельнуться и повернулась лицом к Николаю. Он заметно ссутулился, стараясь справиться с тяжелым дыханием. Носом шла кровь. Герда вынула из кармана платок и отерла ее.

— Перемещение на двоих отнимает больше сил, чем я рассчитывал, — устало ответил Охотник, разглядывая багровое пятно на белой ткани.

— Мастер Николая! — донеслось издалека.

Он обернулся в сторону города. К ним спешила одинокая фигура. Она бежала, но как-то странно легко, словно паря над глубоким снегом. Через пару мгновений Герда смогла разобрать лицо пришельца — им оказался тот самый капитан, который отвозил Дугаву и Ждана в Дюарль.

— Сайлус? — вскинул брови Николая. — Что-то случилось с дозорными?

— Не совсем, — моряк остановился, с трудом переводя дыхание.

— Так что же? — Охотник тревожно хмурился. Видно, предчувствовал, что капитан принес дурные известия. Герда молча наблюдала за ними.

— Соглядатай на корабле.

— Что? Голубые Капюшоны? Здесь? — Николая крепко сжал эфес притороченного к поясу меча.

Герда зябко передернула плечами. Предчувствие беды и ее накрыло с головой.

— Хуже, — нагнетал Сайлус. — Тролль. Мерзкий, вонючий, хитрющий зеленый тролль. Мои ребята обнаружили его в трюме сегодня на рассвете, когда грузили провиант для дозорных на краю Утгарда. Он притворился убогим стариком, возжелавшим на склоне лет посмотреть на знаменитое поле айсбергов. Матросы пожалели его и решили ничего мне не рассказывать. Только когда пришли все тролльим зельем пропахшие, я сразу почуял неладное и заставил сознаться. Бедняк, мол, что с него взять? Пусть мечту свою заветную исполнит перед смертью. Только вот охотников по своей воле в вечную мерзлоту соваться я за всю жизнь лишь однажды встречал. И что-то мне не верилось, что нашелся второй такой же сумасшедший, — в голосе Сайлуса появилась едва заметная ирония, от которой Охотник скривился так, словно съел что-то очень кислое. Капитан сделал вид, что ничего не заметил и продолжил рассказ: — Тогда я отправил ребят в город докупить кое-какие вещи, а сам пошел в трюм, чтобы разобраться с негодяем без свидетелей. Он и мне попытался глаза отвести. Видно, не сразу понял, кто я, а когда осознал, попытался сбежать, но было уже поздно. Я оглушил его, связал и притащил в пустой склад в доках, попутно хорошенько обшарив и выбросив все опасные побрякушки.

Герда пристально посмотрела на Сайлуса. С виду обычный человек, только аура мутная и тинной на десять сажений несет. Возможно ли, что он тоже демон? Какие же странные у Николая друзья.

— Я бы и сам его проучил. Только боюсь, что даже отобрав амулеты и зелья, с ним не справлюсь. Слишком силен, гад. Нашлет какое-нибудь сонное проклятье, и поминай, как звали. Да и тролли обычно поодиночке не ходят. Есть один, значит, и другие поблизости найдутся.

— Тролли! — вдруг воскликнула Герда. Николая и Сайлус удивленно уставились на нее. — Предыдущее нападение гулонов было связано с восстанием троллей, так? Должно быть, они и сейчас притащили с собой этих тварей.

— Уменьшечка девочка, — шепнул Сайлус на ухо Николая. — Твоя?

— Ученица.

— Ну да, теперь это так называется, — съязвил капитан и тут же получил локтем в живот.

Герда смущенно потупилась, не понимая, что они затеяли.

— Не будем терять время на пустую болтовню, — напомнил Николая. — Герда, сама домой добраться сможешь?

— Но я хотела пойти с вами, — разочарованно потупилась она. — Может, смогла бы чем-то помочь...

Николая подошел к ней и заглянул в глаза:

— Это может быть опасно. Тролли очень злобные твари. Даже без посоха и амулетов могут проклясть так, что даже Эглаборг не поможет.

— Но как же вы? — совсем не хотелось его отпускать. Ведь он так вымотан после прыжка.

— И не с такими сражался. Но если что-то случится с тобой, я себе этого не прощу. Будь умницей, иди домой. Я вернусь к ужину, обещаю.

Николя прикоснулся губами к ее виску и направился в Упсалу вслед за Сайлуsom.

— Я пойду домой и буду умницей, — грустно сказала Герда, наблюдая за спешно удаляющимися фигурами. — Как всегда усядусь у окна и буду умирать от беспокойства. Как же мне надоело быть умницей!

— Это просто невозможно, — сетовал Финист, сидя на кухне, пока Эглаборг обрабатывал ожог на его запястье.

— Скажите спасибо, что он вам лицо не подпалил, — «успокоил» его целитель, размазывая по поврежденной коже снадобье, от которого немела вся рука от кисти до локтя.

— Я так больше не могу! — завывал оборотень. — Разве Охотник не видит, насколько это бессмысленно? Не могу я выше головы прыгнуть. Как мне прикажете заставить мальчишку преодолеть страх, когда я сам боюсь до смерти?!

— Мастер Николя никогда не принимает необдуманных решений. Значит, он верит в то, что вы справитесь, — веско заметил Эглаборг, обвязывая руку Финиста чистой белой тканью, чтобы снадобье лучше впиталось, а грязь не раздражала обожженную кожу.

— Значит, в этот раз он ошибся. Мальчишка абсолютно, непроходимо безнадежен. Целый день пытался научить его зажигать свечу, но стоило фитилю слегка затлеть, как Вожык запустил огненный шар мне в лицо от страха! Благо, у него после того выброса запас энергии слабый, а то бы точно уже спекся. Был бы вам жареный соколик к ужину.

Дверь в гостиную громко стукнула. Финист осекся и обернулся, успев мельком заметить затравленный взгляд Вожыка, заглянувшего на кухню в поисках своего учителя. Услышав его слова, мальчишка стремглав выскочил из комнаты.

— Неправильно это, — покачал головой целитель. — Не так надо молодежь наставлять, ой не так.

Финист молча опустил глаза. Эглаборг прав, нужно успокоить мальчика. Он и так напуган больше некуда. В таком состоянии он ведь и дом подпалить может, хотя вряд ли. Сил у него едва на один всполох осталось.

— Что ты предлагаешь? — поинтересовался Финист, раз целитель решил советы ему давать.

— Не знаю, я никогда никого не учил, — развел руками Эглаборг. — Но надо быть мягче, терпеливее и снисходительней. Вот ступайте сейчас к мастеру Вожыку и скажите, что у вас все в порядке и что он ни в чем не виноват. Со всеми бывает. Когда-нибудь он обязательно научится.

— Боюсь, я до этого светлого момента не доживу, — проворчал Финист и тут услышал, как еще раз хлопнула дверь. На это раз входная, потому что звук был глухой. — Куда это он собрался?

— По-моему, мастер Вожык очень расстроен. Как бы не сбежал. Мальчишки любят убегать из дома. Даже мастер Николя сбежал пару раз в детстве. Сам рассказывал, — встревожился Эглаборг.

— Вот дрянь!

Финист содрал с руки повязку и помчался вслед за мальчиком.

Вожык бежал, не разбирая дороги. Слезы затуманивали взгляд и стекали по щекам мокрыми солеными дорожками, от которых щипало кожу. Но он не замечал этого и несся дальше к лесу. Туда, где, как ему казалось, остался дом отца в Фаскенхёгсдаале. Там Вожыка боялись и ненавидели, но хотя бы не обманывали и не предавали, как здесь. Все они такие. Говорят, что он один из них, что они принимают его таким, какой он есть, а на самом деле тоже боятся и ненавидят. Майли, Финист, Эглаборг, Николя, даже Герда в нем разочаровалась. Недаром в последние дни она совсем перестала обращать на него внимание. Тоже поняла, что он безнадежен. А если в него не верит даже Герда, то лучше уйти в лес и жить одному. Тогда он не сможет больше никому навредить, и бояться его тоже никто не будет.

Вожык устало замедлил шаг. По высоким сугробам бежать оказалось очень тяжело. А еще жутко хотелось есть — после вспышек он всегда ощущал сильный голод. Но как найти пищу в зимнем лесу? Жаль, что рядом нет Герды — она всегда находила выход.

Мальчик совсем остановился и пригорюнился. Вдруг из глубины леса донесся солоноватый запах мяса. Живот болезненно заурчал. Мальчик посмотрел по сторонам, но, не придумав ничего лучше, пошел вперед.

— Эйс, а мы бы не могли ловить зверя на что-нибудь менее вонючее? — ныл Лейф, наблюдая, как его темноволосый приятель мастерит ловушку вокруг куска тухлой баранины, жуткая вонь от которого разносилась по всему лесу.

— Нет, — с важным видом возразил Эйс. — В этом весь смысл охоты на гулонов. Они падальщики, поэтому запах тухлятины просто обязан привлечь их внимание. Кроме того, если бы я стянул свежее мясо, мама наверняка бы заметила и надрала мне уши. А они еще с прошлого раза не отошли.

— Может, ну его, а? — Лейф разнервничался не на шутку. Он любил участвовать в шалостях Эйса, но эта была самой глупой за все десять лет их жизни. Город полнился слухами о том, что Охотник ранил руку в схватке с гулонами, а все знают, что он неуязвим. Теперь вот Эйс поспорил с детьми рыбаков, что они вдвоем с Лейфом смогут поймать живого гулона. Да эта тварь их на части разорвет и не заметит!

— Не дрейфь, человечиска! Меня отец учил делать ловушки, а он лучший в Мидгарде охотник! — подбодрил его Эйс, не забыв прихвастнуть.

— Даже лучше, чем мастер Николя? — усомнился Лейф.

— Нууу, — озадаченно протянул темноволосый. — Пожалуй, нет, но мой отец второй лучший охотник в Мидгарде, и он умеет делать ловушки. Скорее лезь на ту сосну.

— Почему я первый? — заныл Лейф, глядя на высоченное дерево, первая ветка которого находилась на высоте не меньшей, чем в два аршина.

— Тогда я.

Эйс проворно, словно белка, вскочил на самую верхушку. Лейф тяжело вздохнул и полез следом. Кряхтя, подтянулся на нижнюю ветку, а потом, осторожно перенося вес с одной ноги на другую, взгромоздился на следующую.

— Чего ты копаешься? — зашипел Эйс.

Легко ему говорить — он маленький и гибкий. Такому даже падать не больно: как кот, всегда на ноги приземляется. Лейфу, который широтой кости весь в отца пошел — так мама говорила — за ним никогда не угнаться.

— Слушай, кто-то идет. Гулон! — всматриваясь вдаль, позвал Эйс.

Лейф буквально взлетел на верхнюю ветку к приятелю.

— Ты уверен, что эти твари по деревьям лазать не умеют?

Эйс пожал плечами. Лейф испуганно поежился и перевел взгляд на поляну, посреди которой была расставлена ловушка.

Послышался треск сучьев. Кто-то ломился сквозь чащу. Мальчишки затаили дыхание. На поляну ввалился ободранный лохматый паренек едва ли старше, чем сами юные охотники.

— Что он делает? Он все испортит! — в ужасе прошептал Эйс над самым ухом, наблюдая, как пришелец наклоняется к приманке.

— Кажется, я знаю, кто он. Это один из гостей мастера Николая! — поделился догадкой Лейф.

Время тянулось болезненно медленно. Пришелец присел на корточки и поморщился, почуяв запах тухлого мяса.

— Ух, и попадет же нам! — не выдержал напряжения Лейф.

Паренек протянул руку к наживке, петля обмоталась вокруг его ноги, и он взмыл в воздух, от испуга громко хлопнув в ладоши. Поляну озарила яркая вспышка. Громыкнуло так, что на землю градом полетел снег вперемешку с иголками.

— Мама! — одновременно вскрикнули Эйс и Лейф, от страха вжимаясь спинами в дерево.

Стволы ближайших сосен обуглились, а вместо тухлой вони от оставшейся на земле почерневшей наживки теперь сильно несло гарью.

— А-а-а! — громко ревел подвешенный за ногу на веревке паренек и раскачивался из стороны в сторону. Он еще и еще раз пробовал хлопнуть в ладоши, но вспышек больше не последовало.

— Скорее, надо его освободить, — Эйс ловко соскочил с дерева и быстрее побежал к пленнику, проверяя, взял ли из дома нож. Отец всегда предупреждал не забывать о ноже — это главный инструмент настоящего охотника. Теперь Эйс понимал, почему.

Грузный Лейф как всегда замешкался.

— Развяжите меня! — свирепо визжал пришелец. — А не то всех зажарю! Да вы знаете, кто я такой? Я демон! Настоящий огнедышащий демон!

— Да тихо ты, — бесцеремонно шикнул Эйс, опустошая карманы в поисках столь необходимой сейчас вещи. — Если кто тут и демон, то это я. А у тебя весь огонь выдохся, не заметил?

Паренек остановился, сложил руки на груди и насунился.

— Я все мастеру Николая расскажу! — нашел он единственную достойную угрозу.

— Ябеда, — бросил Эйс, обнаружив то, что искал.

Нож, по закону подлости, выпал из кармана последним. Пришелец открыл рот, чтобы возмутиться, но не успел.

— Эйс! Гулон! На этот раз точно, — испуганно заорал Лейф.

Эйс стремительно обернулся. На него оценивающе уставились бледно-желтые глаза хищника. Громадная рыжая бестия разинула медвежьей пастью и угробно зарычала. Нож сам по себе выпал из руки и зарылся в снег.

— Беги в город! Предупреди мастера Николая! — крикнул Эйс застывшему на другом конце поляны другу, но стоило Лейфу сделать шаг, как тварь рванулась за ним.

Эйс схватил с земли ледышку и, пятась, запустил в мохнатое животное. Бестия снова развернулась к нему мордой и грозно оскалилась. Лейф с невиданной прытью помчался прочь и через мгновение скрылся за деревьями.

Забыв о беглеце, гулон подкрался к подвешенному за ногу пареньку.

— Так вот как выглядят смерть! — испуганно выдохнул тот.

Эйс сглотнул, подхватил с земли нож и бросился наперерез хищнику.

— Не подходи! Я потомок грозных туатов де Дананн, сын самой королевы Дану. Повелеваю, убирайся, иначе я...

Тварь на мгновение замерла, подбираясь, и гаркнула иступленным басом.

Руки предательски дрогнули, голос сорвался на визг:

— Я превращу тебя в лягушку бородавчатую!

Тварь подобралась вплотную, но нападать не спешила. Обходила кругом, посверкивая глазами, вздыбливая загривок, клацая мощными челюстями, щедро роняя на снег прозрачную слюну. Чего она ждет?

— Оставь меня. Спасайся! — крикнул паренек, безуспешно пытаясь дотянуться до веревки на ногах.

Эйс не мог оставить его на растерзание зубастой бестии. Это посрамило бы не только его честь, но и честь всех охотников клана Дану. Эйс сглотнул и принялся суматошно резать веревку. Лезвие как назло оказалось тупым — все острые мать хорошенько прятала. Вдалеке кто-то завыл. Гулон остановился в шаге от мальчишек и разразился раскатистым рыком, странно похожим на злорадный хохот. Бросив бесполезный нож, Эйс принялся грызть веревку зубами.

— Ну, давай же! — прикрикнул он на упрямыцу.

Гулон обернулся и принялся, а потом снова зарычал, на этот раз испуганно, словно угрожая.

— Уходи, ну пожалуйста, — слабо попросил паренек.

Гулон присел на задние лапы, обнажил клыки и бросился вперед, но достать до мальчишек так и не смог — в полете его со свистом разрубило пополам сверкающее на ярком зимнем солнце лезвие меча. Эйса обдало горячей темной кровью. Он не удержался и отступил на шаг.

— Мастер Финист! — обрадовался плененный паренек.

Отпихнув ногой тушу поверженного демона, к ним подошел высокий рыжеволосый мужчина — обладатель того самого меча, который поразил гулона.

— Что происходит? — строго спросил незнакомец, стальными нотками в голосе живо

напоминая Охотника.

— Мы тут играли... — попытался оправдаться Эйс, но не нашел слов и понурил голову.
— Простите.

Мужчина одним ударом меча перерубил веревку, и паренек полетел на землю.

— Живой? — поинтересовался Финист. Паренек поднялся и, потирая ушибленный зад, медленно кивнул. — Вожык, послушай, я наговорил лишнего, да и не предназначалось это для твоих ушей. Давай, ты забудешь о моих словах, а я о том, что ты сбежал. Мастеру Николаю совсем не обязательно знать об этом.

— Ничего не выйдет. Лейф уже за ним побежал, — перебил его Эйс.

— Простите меня, — судорожно всхлипнул Вожык. — За ожог и за то, что сбежал.

— Да ну, подумаешь, — отмахнулся Финист и вдруг замер, настороженно прислушиваясь.

— Кто-то идет? — предположил Эйс.

Слух у Дану был намного острее, чем у людей, но до ушей не доносилось ни единого звука. Как будто все шорохи леса разом замерли. Финист приложил к губам палец. Эйс испуганно глянул на Вожыка, а потом снова на мужчину.

— Нужно убираться. И чем быстрее, тем лучше, — скомандовал Финист.

Схватив обоих мальчишек подмышки, он побежал к дороге, но не успел преодолеть и трех саженей, как в голове Эйса раздался дикий вой, такой громкий, что, казалось, она вот-вот лопнет. Финист выронил их и сам, как подкошенный, рухнул, корчась и вздрагивая. Отплевываясь от снега, Эйс попытался перевернуться, но тут весь мир накрыла волна нестерпимой, всеуничтожающей боли.

То, что Сайлус назвал пустым складом, оказалось ветхим заброшенным зданием. Часть крыши давно обвалилась, а в стенах зияли громадные дыры.

— Зато внутри светло. Тьма этим тварям первая союзница, сам знаешь, — жизнерадостно ответил моряк, отпер покосившуюся дверь и нарочито манерно пригласил Охотника внутрь: — Только после вас!

Николя закатил глаза, не разделяя шутливого настроения. Вошел и тут же поежился, почувствовав сильную враждебную ауру. Тролль был тут. Судя по всему, уже успел очухаться и замышлял недоброе.

Внутри царил полумрак: сочившегося из дыр света явно не хватало на все пространство. Николаю зажег предусмотрительно оставленную на столе у входа свечу и двинулся вглубь. Сайлус шел следом. Несмотря на напускное легкомыслие, капитан внушал большее доверие, чем иные офицеры из компании. Николаю сам не до конца понимал почему. Просто исходивший от Сайлуса запах водорослей живо напоминал отцовский дом на берегу океана, самое безопасное и счастливое место во всем Мидгарде.

— Где он? — шепотом спросил Николаю.

Сайлус кивнул в сторону темного угла, приглядевшись к которому, можно было различить очертания привязанной к стулу горбатой низкорослой фигуры. От нее несло чем-то резким, ядовитым. Николаю направил туда свечу, разглядывая укутанное в густой бурый мех тело с серо-зеленой кожей в тон размокшей осенней земли. Тварь вскинула голову.

Огромные зеленоватые глаза с мгновенно сузившимися вертикальными зрачками уставились прямо на Николая.

«Пугает», — догадался Охотник и, сделав глубокий вдох, шагнул на встречу.

— Страж, — со свистом исторг тролль. — Ты-то нам и нужен.

— Неужели? — вскинул бровь Николай, стараясь оставаться предельно спокойным. С троллями ему ни разу общаться не доводилось, но судя по тому, что он слышал, приятного будет очень мало. — Что же вам от меня нужно? И зачем ради этого понадобилось ехать аж в поле айсбергов, если все знают, что я живу здесь, в Упсале.

— В поле айсбергов я совсем не за этим ехал, а с тобой хотел на обратном пути свидеться. Но планы придется менять из-за этого предателя, — в конце фразы тролль мерзко оскалился в сторону моряка. Из пасти пахло чем-то особенно мерзким.

Прежде, чем Николай успел его остановить, Сайлус мертвой хваткой вцепился в горло тролля. Слова тролля явно задели моряка за живое.

— Говори только то, о чем тебя спрашивают, тварь, — прорычал он сквозь стиснутые зубы.

— Так я и говорю, — злобно усмехнулся тролль. Сайлус сдавил горло чуть сильнее. Тролль захрипел, иступленно глотая ртом воздух.

— Хватит! — пришлось повысить голос.

Моряк недовольно глянул на Николая, но все же подчинился и отпустил руку.

— Правильно, держи свою морскую собачонку подальше от меня, — усмехнулся тролль.

Николя самому захотелось придушить гада, но он сдержался и без намека на интонацию спросил:

— Отвечай, что тебе понадобилось в поле айсбергов. И отвечай быстро, а не то я уйду, и ты останешься с ним, — Николай указал на брезгливо морщившегося Сайлуса.

Тролль тихо хмыкнул, но все же заговорил:

— Пришла весть, что в Ледяном океане пробудилась тысячелетняя ярость. На тинге мы решили отправить туда лазутчиков и предложить ей союз. Близится Час возрождения. Мы слабы и малочисленны. Чтобы выстоять в грядущей буре, нужно заручиться поддержкой самых могущественных покровителей.

Николя вопросительно глянул на Сайлуса. Тот лишь коротко пожал плечами.

— Что такое Час возрождения и когда он настанет? — продолжил вести допрос Охотник.

— Это ты мне скажи, Страж, — снова оскалился тролль.

Николя смерил его тяжелым взглядом:

— Откуда мне знать?

— Уж кому, как не тебе, — тролль гнусно рассмеялся и подался вперед, привставая на стуле так, что ножки оторвались от пола. Сайлус незаметно потянулся к фляге на поясе, а демон продолжил: — Морской колдун, остроухая ведьма — они все лгут тебе. Ты и сам себе лжешь. Все ответы в тебе, но ты боишься. Боишься так, что не спишь по ночам, и даже когда бодрствуешь, не даешь себе ни минуты покоя, потому что тогда тебя начинают одолевать ответы, истина, к которой ты всеми силами стараешься остаться глух. Так чего ты боишься? Что за ужасную тайну скрываешь от себя самого? Что означает Час возрождения?

Николя настороженно замер. В груди нарастала паника. О чем он говорит? Какая еще тайна? Безликий?! На самом краю сознания, тревожено отзываясь, зашевелилась сущность Безликого. Стало трудно концентрироваться на происходящем.

— Ах ты, тварь, попробуй водички, на серебре настоящей, — взъярился Сайлус и плеснул в пленника из фляги. С лица тролля с шипением слезла покрывшаяся волдырями кожа.

— Стой! — вырываясь из зыбкого транса, отобрал флягу Николая. — Он же умрет.

— По-твоему лучше, если он сведет тебя с ума своими речами? Я знаю этих тварей. Он специально говорит так, чтобы ты мучился. Не слушай его.

— Я сам знаю, что делать, — огрызнулся Николай и снова повернулся к троллю. Тот тяжело дышал, корчась от боли. Из-под прожженной плоти на левой скуле и виске показалась белая кость. — Если хочешь жить, говори, что тебе известно.

— Час возрождения грядет. И тебе уготована в нем главная роль, — сквозь стиснутые зубы прошипел тролль.

Не на шутку взъярившись, Николай подался вперед, желая силой выдавить из демона правду. Звонящую тишину нарушил скрип отворяемой двери. Николай резко обернулся.

— Жертвенный ягненок! — послышался зловецкий хохот тролля.

Голову словно стянуло стальными клещами, в ушах зарокотал поток нестерпимой раскаленной боли. Краем глаза Охотник успел заметить, как, раскрыв рот в немом крике, Сайлус беспомощно оседает на пол. И через мгновение сам последовал за ним.

Глава 25. Враг мой

Когда Герда вернулась домой, поговорить было не с кем. Эглаборг возился во дворе. Финист и Вожык, должно быть, еще не вернулись с занятий, а Майли закрылась у себя в комнате. Герда не решилась ее тревожить. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, взяла дневник Лайсве, но поняла, что уже в сотый раз перечитывает одно и то же предложение и не может уловить смысла, потому что постоянно отрывается и смотрит в окно, всем сердцем желая увидеть Николая, живого и невредимого. Он сильный и опытный. Наверняка, с легкостью сможет справиться с десятками таких троллей и даже не устать, но все равно дурное предчувствие не давало покоя.

Герда отложила дневник и принялась бесцельно бродить по комнате взад-вперед, пытаясь придумать, как перестать ждать плохих вестей. Ведь говорят, как думаешь, так оно и случается. Николай обязательно вернется, снова будет ругаться с Финистом, требовать от нее больше, чем она может сделать и... потом снова отправится на рискованное дело, а она продолжит сходить с ума от тревоги. Почему его ремесло такое опасное? Как бы хотелось, чтобы ему не приходилось рисковать собой каждый день своей жизни и все же... Все же тогда это бы был не совсем он или совсем не он, а кто-нибудь другой. И вполне вероятно, что этот другой нравился бы ей куда меньше.

От тревожных мыслей разболелась голова. Время тянулось не быстрее улитки. Гробовая тишина в доме угнетала настолько, что хотелось разговаривать со стенами, лишь бы слышать какие-нибудь звуки. Герда не выдержала и постучалась к Майли. Та долго не отвечала. Герда решила открыть дверь сама, но та оказалась заперта изнутри. От волнения в голову пришла совершенно бредовая мысль, что с Майли беда. Надо выбить дверь! Может, она лежит там без сознания? Герда разбежалась и нацелилась плечом на косяк. Когда он был уже совсем близко, она вдруг сообразила, что у нее вряд ли хватит сил исполнить задуманное. Дверь распахнулась сама. Герда остановилась в последний момент, едва не налетев на Майли со всего маху.

— Что случилось? Где пожар? — недовольно осведомилась она.

— Нигде. Просто ты долго не отвечала, — запинаясь, оправдывалась Герда.

— Я спала, — пожала плечами Майли.

— Днем? — удивилась Герда.

— А ты имеешь что-то против? — ответила та вопросом на вопрос.

— Нет. Просто странно.

— Финист уже вернулся?

— Я его не видела.

— Ну что ж, если пожара нет, — Майли помахала на нее рукой, словно прогоняя назойливую муху, и, обращаясь уже к самой себе, мечтательно добавила: — Пойду еще посплю чуток, может, снова увижу тот славный сон...

И закрыла дверь перед самым носом. Еще немного попереминавшись с ноги на ногу, Герда вернулась к себе, достала из ящика вещи и начала их перебирать, хотя перебирать по сути было нечего — из дома в Дрисвятах она практически ничего не взяла, а здесь кроме одолженной доброй Анкой одежды ничего не приобрела. В ящике лежала книга об оружии, узелок с поломанной брошью, камень с волотовки и свиток из саркофага, вирбез, который Финист все же всучил ей обратно после долгих препирательств, и пучок засушенного

бельбельника. Ничего интересного. Герда спрятала все обратно и достала из-за пояса кинжал Хозяйки леса. Задумчиво пробежалась пальцами по узорам на клинке. Пожалуй, эта вещь — самая ценная, хоть и не слишком нужная. Герда не воин, и Николая никогда не забывает об этом напомнить.

Снизу донесся отчаянно громкий стук. Герда бросилась в прихожую, предполагая самое плохое. Нет-нет, Николая жив, с ним все в порядке, а это... это просто...

Герда распахнула дверь. На пороге стоял шаловливый брат Анки. Кажется, его звали Лейф. Он раскраснелся, тяжело дышал, приложив руку к груди, и выглядит жутко испуганным.

— Где мастер Николая? — чуть не срываясь на крик, спросил он.

— В городе, — коротко ответила Герда, силясь понять, почему ее начинает колотить крупная дрожь следом за мальчишкой.

— Что же делать? Его надо срочно разыскать. Там в лесу гулон. Он напал на нас.... Ваш мальчик случайно угодил в нашу ловушку. Эйс остался с ним. Гулон может их съесть! — путано объяснял Лейф.

— Вожык? — нахмурилась Герда. — Он же должен был заниматься с Финитом.

Лейф пожал плечами и запричитал:

— Как же найти мастера Николая? Без него их съедят, если уже не съели.

Герда накинула на плечи плащ:

— Идем, он должен быть на заброшенном складе в доках.

Они с Лейфом бегом промчались через весь город к пристани, но найти там Охотника оказалось не так-то просто. Заброшенных складов было много, но как отыскать среди них нужный, когда время играет против них? Герда прислушалась к своим ощущениям, закрыла глаза и уверенно направилась в дальнюю часть доков. Она вызывала в памяти ауру Николая, стремилась к ней, звала. И странное дело, аура откликалась. Едва слышным эхом указывала путь, словно сама стремилась быть найденной.

Хорошо еще, что она была такой приметной, ни на что не похожей, иначе искать бы пришлось весь день.

Герда остановилась возле посеревшего от старости здания с обвалившейся крышей. Николая был внутри. Перед внутренним взором предстало приметное, ни на что не похожее голубое сияние, густое, почти осязаемое, ритмично пульсирующее. Рядом находились две совсем не человеческие ауры. Герда сделала глубокий вдох.

— Он здесь? — нетерпеливо спросил Лейф и, прежде чем она успела остановить его, широко распахнул дверь.

Изнутри раздался оглушительный смех, потом грохот от падения чего-то тяжелого. Лейф, как подкошенный, свалился на пол и закрутился на месте, дергая руками и ногами, как опрокинувшийся жук, и орал во всю глотку, словно его резали живьем. Герда не успела ничего сообразить, прежде чем серая тень прижала ее к полу. Кряжистое горбатое существо склонило над ней крупную уродливую голову с огромными зеленоватыми глазами.

— Тебя быть не должно! — прошипела оно и со свистом втянуло воздух.

Хотелось закричать: «Помогите, мастер Николая, Шквал, кто-нибудь!», но голос пропал, а помощь явно не спешила. Герда задыхалась. Выходивший из носа воздух приобретал голубой оттенок. Серое существо втягивало его в себя. Сознание начало ускользать. «Неужели все закончится вот так? Я одна ничто. Слабая, никчемная, бесполезная. Что же делать?!» Потеплевшая рукоять кинжала сама прыгнула в руку. «Защити себя сама», —

пришел ответ непонятно откуда. Герда рванулась из последних сил и до упора всадила лезвие в спину мерзкой твари. Все потемнело. Герда обмякла, чувствуя, что сверху навалилось что-то тяжелое.

— Герда! — настойчиво звал Николая. Она лежала у него на коленях, а он колотил ее по щекам, как тогда на плато. — Ты в порядке?

— Да, я... — Герда перевела взгляд на лежавшее рядом мертвое тело, из спины которого торчала рукоять ее кинжала.

— Тебе не стоило приходить, — сказал он очень мягко, совсем без укора.

— Но я... — язык все еще с трудом ворочался во рту.

— Мастер Николая, там гулон. Он напал на Эйса и вашего мальчика. Они могут погибнуть, — зато Лейф уже пришел в себя на руках у Сайлуса и разговаривал вполне бодро. И даже голос не сорвал от истошного крика.

— Что? — Николай тревожно глянул на Лейфа, а потом снова на Герду.

— Помоги им, — с трудом выдавила из себя она.

— Сайлус, отведи Герду домой, а потом предупреди Эйтайни. Похоже, ее сын попал в серьезную передрагу, — быстро отдавал распоряжения Охотник.

Моряк с готовностью кивнул. Николай подхватил Лейфа за руку и помчался к лесу.

Когда мир вновь обрел очертания, первым, что увидел Финист, была мерзкая морда демона, обтянутая серой морщинистой кожей. Из-под меховой шапки торчали вперемешку пучки огненно рыжих и седых волос. Зеленоватые глаза с узкими вертикальными зрачками внимательно изучали оборотня.

— А ты силен, — хмыкнул демон. — Быстро мое проклятие поборол.

— Кто ты? — прохрипел Финист. Голос повиновался с трудом, а руки и ноги вообще оказались парализованными.

— Урргхаг, — представился демон. — А ты тот самый Охотник?

Урргхаг наклонился ближе. Обдало приторно-тошнотворным запахом.

— Нет, ты определенно не он, но похож, — демон принялся и вдруг оскалился, обнажив внушительные желтые клыки. — Так вот оно что! Мы-то все гадали, как ему одному удалось так проредить нашу стаю боевых гулонов. Оказывается, вас было двое.

Финист с трудом соображал, о чем он говорит, лишь слышал, как рядом заходятся в истошном крике мальчишки. Не поворачиваясь, скосил глаза на Вожыка. Его тело выгибалось от сильных судорог.

— Останови это, — взмолился Финист, не в силах терпеть их крики. Это он, он один во всем виноват, его глупая безответственность и невнимательность. Лучше бы Охотник не давал ему второго шанса.

— Хочешь, чтобы я прекратил их мучения? — демон оскалился еще больше.

Финист понял намек слишком хорошо.

— Отпусти их. Они невинны, — преодолевая боль, продолжал просить он.

— Пока невинны, а пройдет всего пару лет, и они тоже станут охотниками, убийцами наших питомцев и нас самих. Так не лучше ли избавиться от них сейчас, пока они невинны? — мерзко рассмеялся серолицый.

— Прошу. Я сделаю все, что угодно, — простонал Финист, чувствуя, что мир снова блекнет и отдаляется.

— Все, что угодно? — губы Урргхага растянулись в некое подобие улыбки, от которой стало еще страшнее, чем от оскала. Боль отпустила, а мальчишки обмякли и затихли.

— Все, — с отчаянной решимостью подтвердил Финист.

Демон порывлся в полах длинной меховой одежды и достал маленький кожаный мешочек. Бесцеремонно сняв с пояса оборотня флягу, откупорил ее, понюхал, скривился от резкого хмельного запаха и опорожнил все содержимое на снег.

— Не понимаю людей. Как можно травить себя такой пакостью? — посетовал Урргхаг и, набрав в флягу снега, провел по горлышку ладонью, что-то приговаривая, высыпал туда порошок и, хорошенько взболтав, снова понюхал. — От нее взор только затуманивается, а надо наоборот... чтобы он стал ясным. Да кому я это объясняю? Молодежь ни демона плешивого не понимает ни в настоящих зельях, ни уж тем более в проклятиях. Все куда-то торопится... поле айсбергов, тысячелетняя ярость. Толку от этого, если мы не понимаем, в чем суть?

Финист нахмурился, потеряв нить его рассуждений где-то в самом начале и теперь с ужасом гадал, о чем попросит демон в обмен на жизни мальчишек.

— Выпей, — серолицый протянул Финисту его же флягу. От нее ощутимо несло плесенью и тухлыми яйцами.

— Зачем? — он поморщился. Даже не мог заткнуть нос, чтобы не слышать тошнотворный запах.

— Это зелье поможет увидеть суть. Ты расскажешь мне о ней, о сути, не упуская ни единой даже самой мелкой детали, тогда я отпущу мальчишек.

— А меня? — подозрительно спросил Финист.

— Мы договаривались только на мальчишек, — покачал головой Урргхаг. — Так что, будешь пить?

Финист открыл рот, и серолицый ловко влил туда все содержимое фляги. Зелье оказалось острым, словно хмельным, и обожгло горло. Голова налилась свинцом, глаза закатились, паралич отпустил руки и ноги. Теперь они судорожно дергались, как у мальчишек пару минут назад. Только это было что-то совсем другое. Бросало то в жар, то в холод, выкручивало суставы, ломило кости, накрывая волнами раскаленной добела боли. Неожиданно все стихло. Наступил долгожданный покой.

Финист прикрыл глаза, наслаждаясь полной безмятежностью. Прямо над ним мелькнула гигантская тень. Финист распахнул глаза. Он плыл верхом на облаке, возле которого кружила огромная птица. Ее оперение было идеально белого цвета. От этой подлинной чистоты, грации и мощи гигантских крыльев захватывало дух. Безумно хотелось коснуться, ощутить под пальцами мягкие перья и полететь за горизонт вместе с ней. Финист иступлено упал на колени и протянул руки навстречу. Яркая вспышка затмила взор.

А в следующий миг Финист уже стоял посреди толпы на главной площади Стольного. В центре был возведен широкий помост, со всех сторон обложенный сухим хворостом. На него загоняли людей, их было пятеро или шестеро, по одному. Рядом с ними человек в голубом плаще зачитывал длинный список обвинений. Вдоль помоста собралось еще несколько точно также одетых людей. Последний из осужденных, изможденный, в изодранной одежде, с грязными светло-каштановыми волосами резко остановился возле людей в плащах и выкрикнул что-то нелестное в их адрес. Один из Защитников вцепился в горло наглеца

скрюченными пальцами. Товарищам по плащу пришлось силой растаскивать их. Финист пробивался вперед, решительно распахивая людей локтями. Он точно знал, кто эти осужденные и что происходит.

Во что бы то ни стало нужно добраться до них! Но как же далеко. И почему ноги словно каменные?

Все осужденные оказались на помосте. Голубые Капюшоны привязали их к столбам и подожгли хворост с разных сторон. Огонь охватывал сухие ветки очень быстро и перекидывался на деревянные перекладыны, на которых стояли осужденные. Они кричали! Как же они кричали!

— Отец! — заорал Финист от отчаянья, перекрывая стоны сгоравших заживо людей.

Вспышка.

Картинка сменилась. Над головой снова расстилалось бескрайнее синее небо, только на этот раз он стоял на льду в окружении четырех мальчишек, тех самых, которых видел в пещере Истины. Они опять распустили крылья и полетели прочь, но Финист успел ухватить за ворот последнего и развернул к себе. На него уставилась пара смутно знакомых янтарно-желтых глаз. Мальчишка самодовольно ухмыльнулся и тут же превратился в Охотника.

Финист оторопело попятился. Николая словно из воздуха притянул к себе Герду, нежную солнечную принцессу из пещеры Истины. Она ничего и никого кроме Охотника не замечала. Обнимала, льнула всем телом, не стесняясь, покрывала поцелуями лоб, глаза, щеки. Николай нарочно развернул ее так, чтобы Финисту было лучше видно и впился в ее губы, страстно, неистово. Внутренности свело от нестерпимой ревности. Герда не отталкивала, а наоборот горячо отвечала подлецу. От этого становилось еще больней.

— Не нравится?

Финист обернулся. За его спиной возвышалась сотканная из мрака фигура, встреченная им еще в склепе волотов.

— Ты можешь все исправить, — не замедлил предложить незнакомец. — Покорись мне, и она станет твоей. Навсегда. И даже дольше.

Теперь Герда протягивала руки к Финисту, но он не чувствовал ее.

"Не верь ему. Ты же знаешь, это путь во тьму" — зашептал другой, не менее зловещий голос из пещеры Истины. Но почему-то ему Финист доверял больше, чем зыбким иллюзиям незнакомца. Да и стоит ли добиваться девушки таким способом? Финист небрежно отстранил Герду от себя и приблизился к незнакомцу. Тот откинул капюшон. На Финиста уставились пугающие разноцветные глаза — один голубой, другой зеленый.

— Не слушай его. Вы же никогда толком не ладили. Идем со мной, и я укажу тебе путь к могуществу, — мелкие изящные черты растянулись в до тошноты искусственную улыбку.

"Но меч в спину мне воткнул не он! — мелькнула в голове дикая, непонятно откуда взявшаяся мысль. Но на этот раз она точно была его собственной, окрашенной ледяной яростью и огненной жадной мести.

Сердце пропустило удар, а потом зашлось бешеным грохотом.

Вспышка.

Финист снова стоит на облаке и касается птицы.

Вспышка.

Мальчишка, которого Финист ухватил за ворот, отдает ему свои крылья.

Вспышка.

Разноглазый грозно скалится. Финист пытается отступить, но тело не подчиняется.

— Предатель! — слышит он собственный рык. Рука выхватывает меч из ножен. На клинке загорается руна «кеназ». Горящее рыжим пламенем лезвие обрушивается на фигуру в балахоне.

Вспышка.

Тьма.

Напряженное лицо Охотника.

И снова тьма.

Николя так спешил на помощь мальчикам, что не заметил, как столкнулся нос к носу с Асгримом.

— Эй, Охотник, куда спешишь? Совсем, видно, зазнался, что со мной не здороваешься, — в привычной шутливой манере обратился к нему Дану. Николя одарил его таким мрачным взглядом, что Асгрим тут же посерьезнел:

— Вы мальчишку моего не видели? Он опять куда-то запропастился, а жена дома плешь проела. Беду предчувствует, — Дану осекся, заметив, как вытянулось лицо Охотника. — Что? Говори!

Из-за спины Николя робко выглянул Лейф:

— Простите нас, мастер Асгрим. Мы хотели поохотиться на гулона, а теперь он охотится на нас.

— Как опять?! — взревел Дану. — Где это демоново отродье?! Если гулоны еще не разорвали его, я сделаю это сам!

— Не ори, ребенка напугаешь, — пристыдил его Николя, вспоминая, как его собственная мать говорила также, защищая непутевого сына от праведного гнева отца. — Лейф, ты хотел показать, где оставил Эйсмунда.

Мальчик указал в сторону восточного леса. Асгрим посадил Лейфа себе на спину, и они втроем помчались дальше.

— Возможно, понадобится подкрепление, — встревожился Николя, когда они уже вступили в лес.

— Охотники Дану уже оповещены, — отмахнулся Асгрим.

— Как? — удивился Николя.

— Не важно. Должны же у нас быть хоть какие-то секреты, — усмехнулся Дану.

Николя не стал настаивать. Знал, что бесполезно, а время поджимало.

Впереди ощущалась аура странно похожая на троллиную, только в разы сильнее. И еще. Происходило нечто такое, чего быть не должно. От колебаний эфира накалился воздух и начал оплавляться снег. Охотник прибавил ходу — тревожное предчувствие гнало вперед.

Время выходит. В ушах нервным стуком отдается пульс, с каждым ударом приближая непоправимое. Он не успеет это предотвратить. Нет, он не должен опоздать, только не снова, не сейчас. Впереди ждет нечто очень важное. Он не может это потерять.

Аура была уже совсем близко. На поляне за деревьями показались нечеткие контуры сгорбленной фигуры. Последнее усилие! Николя сорвался на бег.

Спиной к нему стоял тролль. Пovyше и покряжистей, чем предыдущий. Он тоже был укутан в шкуры, а в руке держал посох с красным козлиным черепом вместо набалдашника.

«Шаман», — догадался Охотник. Хуже обычного тролля, только тролль-шаман. Демон напряженно застыл, замороженно вглядываясь во что-то перед собой. Нельзя дать этой твари и малейшего шанса произнести проклятие, иначе будет, как с Гердой. Охотник тихо вынул меч из ножен и замахнулся.

Троль дрогнул и испуганно залопотал на непонятном языке. Свистнув, чужой клинок обрушился на демона с сокрушительной силой и разрубил пополам, как трухлявое полено. Николая остолбенел от неожиданности. На щеку брызнула серая кровь. Оружие выпало из рук. Охотник отер лицо, поднял глаза и встретился взглядом с Финистом.

— Ты опоздал, — с торжественной горечью произнес оборотень и распластался на вытоптанном снегу.

Голову схватил жуткий спазм. Ноги подкосились. Дышать стало тяжело. Мир окрасился в багровые тона. Восприятие словно разбилось на множество осколков, смешивая мысли и образы. Его и Безликого. Николая уже не мог разобрать, где его, а где чужое.

"Этого не должно было произойти. Я обязан был успеть. Обязан спасти этого олуха. И снова не справился".

— Очнись! — иступлено закричал Николая, колотя Финиста по щекам. — Да очнись же! Очнись, слышишь?!

— Это бесполезно, разве ты не видишь? — дернул Охотника за плечо Асгрим, подоспев следом всего через несколько мгновений.

Лейф прыгнул с его спины и помчался к лежавшим неподалеку Эйсу и Вожыку.

— Нет-нет-нет, не уходи! — продолжал бредить Николая, тряся оборотня за плечи из последних сил. Понимал, что ведет себя странно, думает странно, видит не так, как за мгновение до этого. Мириады отражений в кривых зеркалах. И все — ложные! Но вырваться из зыбкого кошмара не получалось. Тело продолжало действовать само, помимо воли хозяина. — Я не могу снова тебя потерять!

— Прекрати! Что с тобой? — Асгрим развернул его к себе и отпрянул, явно испуганный тем, что увидел в его взгляде.

"Память! Слишком рано. Не смотри — ослепнешь!"

Надо проснуться. Любым способом. Иначе он сойдет с ума. Николая запрокинул голову и сделал несколько глубоких вдохов. По лицу градом катился пот. Сердце больно вырывалось груди. Но мутная пелена уже почти спала, возвращая зрению целостность.

— Мастер Николая? — послышался за спиной испуганный голос Вожыка.

Перемазанные в снегу мальчишки испуганно выглядывали из-за спины Асгрима. Николая даже не заметил, как они пришли в себя.

— Мастер Финист, он что у-у-у?.. — Вожык так и не смог произнести страшное слово вслух.

Асгрим опустил на корточки и поднес руку к лицу оборотня:

— Не дышит.

Николя с минуту просто таращился на неподвижное тело, болезненно опустошенный после странного транса. Нахмурился. Быть может?

Решительно сорвав шнуровку плаща Финиста, Николая приложил ухо к его груди.

— Совсем рехнулся? — не на шутку встревожился Асгрим. — Когда мы вместе рубили во льду могилы для павших в битве с Легионом теней воинов, ты был холоднее вечной мерзлоты Хельхейма. А сейчас чего убиваешься, как сопливая девчонка? Здесь же дети. Какой ты пример подаешь?

— Помолчи! — шикнул Охотник, пристально вслушиваясь.

Все замерли. Даже ветер. Ни шороха.

"Тук", — слабый, почти неуловимый отклик. А был ли он? Может, показалось. Через тягостное мгновение еще один. И еще. Теперь уж точно.

— Сердце бьется, но очень тихо и редко. Кажется, это летаргия, — объявил, наконец, Охотник. Сказал — и вроде даже сам поверил. Отлегло.

— Ты хватаешься за соломинку, — скептически хмыкнул Асгрим.

— Помоги мне отнести его домой, — Николя не хотел слушать, что надежды нет. По крайней мере, не сейчас и не от Дану.

Асгрим приподнял тело оборотня и перекинул его руку себе через шею. Николя сделал то же со второй, и вместе они, волоча ноги Финиста по снегу, потащили его домой. Притихшие дети хмуро шагали следом, боясь даже смотреть друг на друга не то, что разговаривать. Каждый чувствовал свою вину.

Герда сидела на кухне и вздрагивала от каждого звука. Эглаборг отпаивал ее успокаивающим отваром.

— Почему они так долго? — все еще немного сиплым голосом спросила она, хотя прекрасно понимала, что целитель знает ответ не лучше ее самой.

— Прошло всего пару минут, как вы вернулись, — попытался успокоить Эглаборг и принялся осматривать ее горло. — Давно у вас проблемы с голосом?

Герда пожалала плечами:

— В детстве у меня от простуды часто пропадал голос. Горло — мое слабое место, думаю.

Целитель озадаченно хмыкнул.

— На вид никаких дефектов нет, а по ощущениям... — Эглаборг почесал затылок. — По ощущениям это болезнь от головы, но какая-то странная, застарелая, как будто не из этой жизни.

Герда вопросительно уставилась на него. Снисходительно улыбнувшись, Эглаборг продолжил:

— На востоке верят, что душа после смерти тела через некоторое время рождается вновь и проходит через бесчисленное количество жизней, пока не достигнет просветления и не вырвется из этого круга. Кто знает, что мы приносим с собой из наших прошлых жизней: привычки, черты характера, страхи, а может даже и болезни.

— Это опасно? — спросила Герда, заметив, что больше не сипит, а говорить стало куда легче.

— Не похоже. Вы просто сильно испугались, думаю.

Герда понурилась.

— Я такая трусиха. Раньше меня всегда кто-нибудь защищал: отец, Финист, мастер Николя. А в этот раз помочь было некому, и я почувствовала себя совершенно бессильной. Почти поверила, что тролль меня задушит, и я абсолютно ничего не смогу сделать.

— Но вы же сделали это — вы убили его.

Герда протяжно посмотрела на лежавший на столе кинжал, который совсем недавно

торчал из спины мертвого тролля.

— Не понимаю, как мне удалось. Я просто взяла и... — она громко всхлипнула. Целитель по-отечески положил руку ей на плечо.

— Мне никогда не доводилось убивать — это не в натуре целителя, но думаю, что чувствовал бы то же самое, если бы мне вот так, защищаясь, пришлось лишить кого-то жизни.

— Со мной это не в первый раз. Дома из-за меня погиб человек. Не знаю, убила ли его я или кто-то другой, но все равно не могу избавиться от чувства вины, забыть его лицо. Я думала, что сильная, что справлюсь, что смогу привыкнуть, но мне все также страшно и тяжело.

— Я уже больше четырех лет, как вернулся сюда после странствий с мастером Николя, но до сих пор иногда просыпаюсь в холодном поту от тех кошмаров, что видел тогда. Думаю, смелость не в том, чтобы не бояться, а в том, чтобы научиться со своими страхами жить.

Герда пожала плечами.

— Мастер Николя, наверное, ничего не боится.

— Он просто хорошо скрывает свои чувства, — усмехнулся Эглаборг. — Хотите, расскажу про самый большой его страх? Только обещайте, что никому не скажете.

Герда мгновенно повеселела и с готовностью кивнула. Снедало любопытство. Неужели есть в этом мире что-то, что заставляет трепетать самого Охотника?

— Когда мы были на Островах Алого восхода, мастер Николя влюбился в жрицу-медиума из местного храма.

Герда нахмурилась. Такое начало истории не предвещало ничего хорошего.

— А какая она была? Ну, жрица.

Эглаборг пожал плечами.

— Женщины востока очень не похожи на наших. Изящные, хрупкие, словно дорогой фарфор, с длинными смолистыми волосами, выразительными черными глазами и ярко-алыми губами. Да, именно такой она и была: невероятно красивой, умной и бесконечно доброй.

«И совсем не похожей на меня», — добавила про себя Герда, а Эглаборг рассказывал дальше:

— Мастер Николя очень любил ее, и она его тоже, но он все медлил с предложением. То ли боялся, что не сможет дать то, чего она заслуживает, то ли из-за постоянной борьбы с демонами не хватало времени, чтобы собраться с духом и устроить все, как следует. Охота отнимала столько сил, что он даже не заметил, когда с ней случилась беда.

— В нее вселился демон? — догадалась Герда, вспоминая давнишний разговор в библиотеке, мертвый взгляд Николя, надломленный голос и пугающее предупреждение о том, что он убьет ее, не раздумывая, если поймет, что она одержима.

— Да. Так мастер Николя вам рассказывал? Странно. Он не говорил об этом с тех пор... он вообще никогда об этом не говорил.

Герда понурилась. Теперь она понимала, какой страх Николя имел в виду Эглаборг.

— Он убил ее? — Герда напряженно застыла. Двигались только губы.

— Мастер Николя так сказал? — удивился целитель. Герда кивнула. Эглаборг тяжело вздохнул: — Он ее не убивал, хотя до сих пор винит себя в ее смерти. А вина его лишь в том, что он не смог ее спасти. Демон заставил жрицу украсть проклятый меч из храма, а такие артефакты всегда очень опасны. Она попыталась убить им мастера Николя, но сама

напоролась на лезвие.

Герда вздрогнула и прикрыла рот рукой.

— Самый большой страх мастера Николя не в том, что ему придется убить одержимого, а в том, что не сможет его спасти, — закончил Эглаборг.

Громко заскрипела входная дверь. В коридоре послышались тяжелые шаги. Герда сорвалась с места и побежала навстречу.

Первым она увидела Николя, стоящего в дверном проеме боком. Он тяжело дышал. Выбившиеся из пучка на затылке волосы налипли на потный лоб. Глаза уперлись в пол.

— Что случилось? — встревожено спросила Герда. Охотник бросил на нее мутный, тяжелый взгляд и, ничего не ответив, двинулся к лестнице. И тут Герда увидела Финиста. Николя и Асгрим тащили бездыханного оборотня под руки. Следом шли трое мальчишек с понуренными, виноватыми лицами. Они тоже молчали, переминаясь с ноги на ногу на пороге гостиной. Только Вожык после долгих раздумий несмело прошел вперед и, избегая взгляда Герды, взбежал на второй этаж.

— Все живы? — поинтересовался Эглаборг, выглянув из-за кухонной двери.

— Не уверена, — коротко ответила Герда и тоже поспешила вверх, буквально кожей чувствуя, как над домом сгущается нездоровый дух.

Целитель поспешил за ней.

— Что с ним? — потребовала ответа Герда прямо с порога комнаты Финиста и Вожыка. Присутствующие оглянулись на нее, но продолжили молчать. Они уложили Финиста на кровать и стащили верхнюю одежду, бросив неаккуратной стопкой у тумбочки. Эглаборг отодвинул Герду в сторону и подошел к больному.

Целитель долго водил руками над телом оборотня, потом достал из-за пазухи памятную деревянную трубку и приложил к груди Финиста, напряженно прислушиваясь.

— Летаргия, — хмуро заключил он.

Когда Эглаборг отошел, место у кровати заняла Герда. Она присела на колени, положила голову на грудь оборотня и тоже прислушалась.

— Я же говорил, — шепнул Николя на ухо Асгриму.

Тот растерянно пожал плечами.

— Когда он очнется? — спросил Охотник уже у Эглаборга.

— Сложно сказать, очнется ли он вообще. Я, во-первых, не знаю, чем она вызвана, а, во-вторых, наблюдал ее лишь однажды десять лет назад. У вас. И тогда тоже не мог определить, придете ли вы в себя.

На лбу у Николя залегла тревожная морщинка. Он сосредоточенно что-то обдумывал.

— Может, его проклял тролль? — предположил Асгрим. Эглаборг пожал плечами. За него ответил Охотник:

— Вряд ли. Действия проклятий тролля прекращаются после его смерти. По крайней мере, так было с тем, которого убила Герда.

Она вздрогнула и оторвалась от Финиста, прислушиваясь к разговору.

— Наверное, это было более мощное проклятие. Что толку гадать? Надо спросить у того, кто знает, — предложил Асгрим.

— У Сайлуса? — спросил Охотник.

— И у моей жены. Идем. Заодно обсудим, как быть дальше, — поманил его за собой Дану.

Они быстро собрались и ушли, забрав с собой затосковавших в коридоре детей.

Герда, Вожык и Эглаборг остались у постели больного.

— Как же быть с этой напастью? — озабоченно спросил Николая.

— Тролли? Они приходят и уходят. Главное — перетерпеть, а бороться с ними тяжело, особенно тем, кто чарам сопротивляться не умеет, — отвечал Асgrim, пока они шли через город к вересковым холмам.

— Знаю. Меня беспокоят лазутчики. И гулоны — те еще твари. Нужно разузнать, что они затевают. Ты бы не мог послать к троллям кого-нибудь из своих, чтобы все выяснить?

— Половина моих людей и так в дозоре в северном Утгарде. Я не могу оставить поселение без защиты.

Николя тяжело вздохнул. Можно, конечно, попросить помощи у компании Норн, но это займет слишком много времени и, скорее всего, они скажут, чтобы он разбирался сам или не разбирался вовсе. Компанию мало волновали дела вольного города Лапии на краю света, пусть даже он признал над собой их власть. Еще оставался бургомистр Гарольд. Уж он-то поможет, чем сможет, только вот толку от его людей никакого. Того гляди, еще сами в беду попадут.

— Лучше скажи, что мне с этим ребенком делать, — попытался отвлечь его Асgrim. — Он постоянно норовит влезть в неприятности. И желательно со смертельным исходом. Я уже устал его за шкуру из всяких передрыг вытягивать. Да и жена меня поедом ест, что мол единственного сына и того воспитать не могу. Ее-то он слушает, а меня...

— Попробуй его занять, чтобы поменьше свободного времени было, — задумчиво ответил Николая, наблюдая, как шагавшие впереди мальчики о чем-то шушукуются и воровато оглядываются по сторонам. — Например, научи его фехтовать. От постоянных тренировок он будет сильно уставать, и сил на дурацкие затеи не останется.

Асgrim внимательно посмотрел на Николая. Охотнику очень не понравился его взгляд.

— Может, ты его и научишь? У тебя же вроде большой опыт.

Николя глухо застонал. Кто его за язык тянул?

— Ты что, у меня и на свою ученицу времени едва хватает. А тут еще тролли... — ответил Охотник не без хитрого умысла. Услуга за услугу. Асgrim уловил намек очень быстро.

— Так и быть, отправлю в пещеры несколько разведчиков. Все равно с людьми у нас тишь да гладь. А ты займешься воспитанием моего чада, — Дану сурово посмотрел на сына. Обнаружив на себе отцовский взгляд, Эйс тут же притих и понурился.

— Ладно, вначале Финисту помочь нужно, — не слишком радостно согласился Николая.

— Только сильно не надейся, — мрачно предупредил Асgrim.

Они попрощались с Лейфом. Позади остались последние дома. Показались заснеженные холмы, количество которых с каждым годом чудесным образом увеличивалось. Невысокая, хрупкая, словно воздушная, жена Асgrима выбежала навстречу.

— Почему так долго? Я вся извелась! — строго выговорила она.

— Эйтайни, дорогая, не сердись. Все в порядке. Просто мастеру Николая понадобилась твоя помощь, и мы решили его проводить, — Асgrim незаметно подмигнул сыну, делая вид, что ничего не произошло.

— А как же гулоны? — подозрительно спросила она. Из-за спины женщины показался Сайлус. Как они не заметили его до этого? Не мог же он в самом деле полностью уместиться за миниатюрной Дану. У демонов свои секреты. Николая давно смирился, что всего они никогда не расскажут, пусть даже и называют себя его друзьями.

Придирчиво осмотрев обоих своих домочадцев, Эйтайни безнадежно покачала головой и обратилась к Охотнику:

— Что тебя тревожит?

Николя рассказал о том, что приключилось с Финистом. Дану нахмурилась:

— Ты прав, проклятья троллей теряют силу после их смерти. Да и не похоже это на проклятие. Надо бы взглянуть.

— Я вас отведу. Он у меня дома, — живо предложил Николая.

— Да не на друга твоего, а на место, где все случилось. Если это проклятье, там должен остаться след. Сайлус, пойдешь с нами?

Моряк коротко кивнул:

— Хоть узнаю, чем этот бедлам закончился.

Оставив Асгрима с сыном у холмов, они втроем отправились обратно в лес.

— Госпожа Эйтайни, вы случайно не знаете, что такое Час возрождения? — как бы невзначай спросил Николая, пока они шли.

— Судя по названию, это время, когда кто-то должен возродиться, — туманно ответила Дану.

— Тролль, которого мы допрашивали, сказал, что я с этим связан, что у меня есть тайна, в которой я себе не могу признаться. Что бы это могло значить?

Эйтайни насторожилась. Сайлус шепнул что-то ей на ухо. Николая нахмурился.

— Забудь о том, что сказал тролль. Он просто хотел тебя запутать, смутить. Тролли всегда себя так ведут. Не тревожься. Если у тебя и есть какая-то тайна, то она вскроется сама, когда придет время, — посоветовала Эйтайни. В ее голосе чувствовалось волнение. Они с Сайлусом явно знали больше, но упорно молчали. Если демон не желает говорить, то из него и каленым железом ничего не вытащишь. О поисках правды придется на время забыть. Надо помочь Финисту.

Уже смеркалось, когда они вышли на поляну. Труп тролля так и лежал, прикрытый еловыми лапками. Следы запорошил снег. Эйтайни встала посреди поляны, закрыла глаза и сосредоточилась. Чтобы не помешать, Сайлус и Николая молча осматривали землю вокруг.

— Это шаман средней силы, — вдруг заговорила ворожея, не открывая глаз. — Хотя нет, скорее, из больших. Просто очень старый, поэтому и сила в нем начала угасать. Проклятия совершенно обычные, я бы даже сказала простейшие: судорожное и сковывающее. Что бы с твоим другом ни произошло, это случилось не из-за проклятия.

Не дождавшись конца ее речи, Сайлус громко хмыкнул и поднял с земли пустую флягу.

— Твоего друга? — он поднес ее к носу и тут же поморщился. — Фу, гадость! Гнилистые водоросли.

Николя забрал флягу. От нее сильно разило плесенью и протухшей рыбой. Вряд ли бы Финист стал по своей воле этим травиться.

— Кажется, это причина случившегося, — Охотник передал флягу Эйтайни. Она стерла куском снега оставшуюся на горлышке каплю и принялась внимательно ее изучать.

— Кампала, болиголов, гнилистые водоросли, красавка, волчьи ягоды... полный букет, — несказанно удивилась Дану. — Судя по всему, дурманное зелье. Очень сильное.

Удивительно, что твой друг не умер сразу, а просто впал в летаргию.

— Но ему можно помочь? — с надеждой спросил Николя.

— Если бы это было проклятие, я бы попробовала, а так... — Эйтайни бессильно развела руками.

— Что ж, тогда вся надежда на Эглаборга, — вздохнул Охотник и, попрощавшись с моряком и Дану, поспешил домой.

Финист не просыпался. Как бы ни тормошила его Герда, какое бы зелье ни подсовывал под нос и вливал в горло Эглаборг, ничего не помогало. Вожык сидел на своей кровати и тихо всхлипывал. Герда пробовала позвать Майли, но та лишь одним глазом взглянула на Финиста, заявила, что выглядит он вполне здоровым и снова заперлась у себя в комнате. Герда опешила от ее поведения, но выяснять в чем дело ни сил, ни желания не было. Да и не хотела она надолго оставлять Финиста.

Николя вернулся, когда совсем стемнело. Первым делом вручил Эглаборгу флягу и долго ждал, пока тот внимательно ее изучал: крутил в руках, нюхал, пробовал на вкус. Потом заперся у себя в комнате. Николя молча сидел под дверью.

— Есть шанс? — спросила Герда, ненадолго покинув постель больного.

Охотник повел плечами и отвернулся. Эглаборг вышел только через час. Вид у него был крайне изнуренный. В руке он держал листок с записями.

— Это не дурманное зелье, а «фантастикум». Оно не затуманивает разум, а наоборот делает его более ясным, изменяет мышление и восприятие.

— Как кампала? — испуганно передернула плечами Герда, вспоминая сумасшедшего внука вельвы, чей разум помутился навсегда после того, как его мать на сносях выпила злосчастное зелье.

— Не совсем. Кампала ускоряет мышление, не меняя при этом точку опоры: смотрит дальше, видит больше и действует только на медиумов и ясновидящих. Фантастикум же действует на любого человека, заставляя видеть сокрытые в себе тайны, те, в которых он боялся себе признаться или даже те, о существовании которых не догадывался. По крайней мере, так говорится в старинных преданиях. А достоверных сведений нет. После такого зелья мало кто в себя приходит, и еще меньше остаются в своем уме, чтобы потом об этом рассказать.

— Ты сказал тайны? — насторожено моргнул Николя и понуро опустил взгляд. — Похоже, это зелье предназначалось вовсе не Финисту. Зачем он только во все это влез!

Герда с Эглаборгом внимательно уставились на Охотника. Было видно, что они винит в произошедшем себя. Но что он мог сделать? Быть везде одновременно получилось бы разве что у бога. Да и к чему тратить время на пустые сожаления?

— Есть способ ему помочь? — спросила Герда, потому что именно это было сейчас самым важным.

— Для любого зелье есть противоядие, — вздохнул целитель. — Просто это редкое и неизученное, потому что изучать обычно некого. Если попробовать искать противоядие обычным способом, уйдут годы. У Финиста вряд ли имеется столько времени в запасе. Но есть и иной способ. Надо приготовить то же самое зелье, которым его отравили, а потом

добавить туда камень из яйца виверны. Он превратит зелье в свою противоположность — противоядие. Проблема в том, что у нас нет камня из яйца виверны, а ближайшие кладки в месяце пути отсюда в Кундии.

— У меня есть! — неожиданно вскричала Герда и убежала к себе. Эглаборг с Николая обменялись удивленными взглядами. Вернувшись, она принесла красный, похожий на мутный рубин, камень. Целитель забрал его и принялся разглядывать на свету.

— Что ж, нам несказанно повезло, — вздохнул он. — Остается еще одна проблема: где взять ингредиенты для зелья. У меня есть далеко не все, а сейчас зима и найти их будет очень сложно.

Целитель передал лист с записями Николая. Тот быстро пробежал по нему глазами.

— Я могу спросить у знакомых, — предложил Охотник.

— Меня всегда интересовало, что у вас за знакомые такие, — подозрительно хмыкнул Эглаборг. Николая ничего не ответил.

— Даже если вы найдете все ингредиенты, основа зелья, — целитель ткнул пальцем в листок. — Тролльи грибы должны быть свежие.

Николя кивнул, свернул список и снова куда-то умчался.

Вернулся, правда, быстро и притащил с собой целую охапку сушеных трав, порошков и настоев. Эглаборг удивленно уставился на выложенный перед ним склад ингредиентов, которых хватило бы на добрую сотню снадобий.

— Гнилистые водоросли в это время года? — ошарашено пробормотал он, разглядывая бурые листья внутри наполненной мутной морской водой склянки. — И все-таки мне очень интересно, что у вас за друзья такие.

Николя многозначительно пожал плечами.

— Здесь нет желтой маковницы и водяной дроздьженьки. Их принесут завтра, — Николая вернул Эглаборгу изрядно помятый список. Видно, он уже успел пройти через много рук. Целитель скептически хмыкнул:

— Только если кто-то сумеет за ночь сплавить в Хельхейм и обратно. Дроздьженька только там водится.

— Завтра будет, — упрямо ответил Николая.

Эглаборг безнадежно покачал головой:

— Все равно без тролльих грибов ничего не выйдет.

Николя на мгновение отвернулся, а потом снова глянул на целителя и решительно объявил:

— Я что-нибудь придумаю.

Процесс придумывания заключался в том, что Охотник с мрачным видом мерил шагами комнату Финиста, в то время, как Вожык и Герда отрешенно наблюдали за его передвижениями.

— Это все моя вина, — вдруг нарушил тишину Вожык. — Если бы я мог управлять своим даром, если бы не обжег Финиста, если бы не убежал, если бы не попался в ловушку, с ним бы ничего не произошло. Все из-за того, что я такой никчемный!

Николя остановился и внимательно посмотрел на мальчика.

— Это не так, — тихо возразил он. — Если кто и виноват, так это я. Я Охотник и обязан защищать людей от демонов, но не смог уберечь даже того, кто жил в моем собственном доме. Я должен был успеть, должен был предугадать, но не смог. Поэтому виноват я и только я.

— Да какая разница, кто виноват? — вспыхнула Герда.

Всеобщее пустое самобичевание выводило ее из себя. Разве они не понимают, что Финисту это не поможет?! Она встала и вышла, громко хлопнув дверью. Глаза застила мутная пелена слез. Теперь уже Герда злилась на себя, на свою слабость, никчемность. На самую тупую ноющую злость, которая не позволяла думать и рассуждать здраво. Нужно успокоиться.

Герда спустилась в библиотеку и принялась внимательно проглядывать стоявшие на ней книги. Там просто обязано что-то быть! Через четверть часа заглянули Николая с Вожыком, который потерянной тенью следовал за взрослыми, тоже не зная, чем и как можно помочь.

— Что ты делаешь? — вкрадчиво поинтересовался Охотник, вытирая застывшую на ее щеке слезу.

— Ищу ответы, — бросив на него короткий бездумный взгляд, ответила Герда.

Николя задумчиво почесал затылок и тоже взял с полки книгу. Видно, самому ему ничего лучшего придумать так и не удалось.

— Можно, я тоже? — спросил Вожык. — Финист как раз научил меня чуть-чуть читать.

Николя вздохнул и протянул ему свою книгу, а сам взял новую. Они перелопатили всю библиотеку сверху донизу. Охотник предложил заказать новые книги в Дюарле, но они в лучшем случае пришли бы через несколько месяцев, а время не ждало. К полуночи Вожыка сморил сон — он задремал прямо в кресле. Через пару часов не выдержал и Николая. Не удивительно, ведь он столько набегался за этот тяжелый день и выглядел смертельно уставшим, еще когда тащил на себе Финиста наверх. За книгами возбуждение от произошедших событий ушло, и держаться дольше он просто не смог. Сказал, что приляжет всего на пару минут и тут же затих, забывшись крепким сном.

Герда не винила его за это. Она продолжала прилежно проглядывать книги, не обращая ни на что внимания. Свеча полностью прогорела, пришлось зажигать следующую, а потом еще одну. Герда пересмотрела сотни книг. Все, что были. Про троллей в них говорилось скудно. Большинство ссылалось на более древние источники, единственные копии которых, должно быть, хранились в сгоревшей библиотеке Эскендерии. А здесь не было ничего достоверного, лишь слухи и предположения. Несколько раз упоминались проклятья и снадобья троллей, но ни о фантастике, ни тем более о тролльих грибах нигде не было и слова. Отложив последнюю книгу, Герда бросила короткий взгляд на спящих Вожыка и Николая, на цыпочках вышла в гостиную и поднялась к себе в комнату. Закрыв за собой дверь, упала на кровать и громко расплакалась от отчаяния. Так и уснула. Вся в слезах. Утром проснулась от того, что услышала, как принесли маковницы и дроздьженьки. Николая сдержанно поблагодарил гостя и тут же попрощался с ним. Хлопнула входная дверь, и на лестнице послышались торопливые шаги.

Герда отерла распухшее и покрасневшее лицо рукавом — прошлой ночью она уснула не раздеваясь. Никак не могла решить, встать или нет, ведь толку от этого никакого не будет. Все равно помочь Финисту никак получается.

Герда все-таки встала и широко распахнула окно, желая прогнать из комнаты дух отчаяния и слез. Налетел ветер, зашевелил пожелтевшие станицы лежавшего на прикроватной тумбочке дневника. И неожиданно стих. Герда обернулась, бездумно взяла дневник в руки и уставилась на рисунок странных пупырчатых грибов, у которых шляпка срасталась с ножкой настолько, что они были практически неотличимы. Внизу филигранным почерком Лайсве стояла подпись: «Тролльи грибы». Дальше шла запись:

«Ох и дернули демоны идти обратно через пещеру Истины. Но в этот раз мы послушались совета Старого Отшельника и обвязали шарфами лица, чтобы ядовитые споры грибов, что растут тут даже в зимнюю стужу, не вызывали тревожных видений. Решила зарисовать их во время стоянки на всякий случай. Вряд ли подобную диковинку удастся встретить еще хоть раз в жизни.»

В Выборге я показала рисунок местному целителю. Тот смотрел на них, как на золотой самородок, а потом подробно выспросил дорогу к пещере и попросил больше никому не рассказывать. Но уж конечно мой спутник не смог удержаться и прочитал мои мысли, когда я вернулась к нему из лавки. А потом гнусно хихикал над бедным стариком. Мол, дядечка в летах, а туда же, тролльих грибов захотел отведать. Должно быть, они на разум влияют. Похожее бывает, когда выпьешь слишком много сливовицы, и перед глазами всякое непотребство встает, прямо как в пещере Истины. Мужчинам это кажется забавным. Странные они. Мне одного раза на всю жизнь хватило».

Дочитав запись до конца, Герда побежала искать Николая.

— Я знаю, знаю, где искать грибы! — закричала она, вваливаясь в комнату Финиста, где уже собрались Вожык, Эглаборг, Николай и Майли. Последняя, наконец, соизволила почтить их своим присутствием хотя бы для соблюдения приличий. Вид у нее, правда, был еще хуже, чем у Герды. Но времени выяснять, что с ней творится, не было совсем.

— Вот! — Герда показал всем рисунок из дневника. Николай удивленно нахмурился, взял его и внимательно прочитал запись.

— Как тебе удалось это обнаружить? — подозрительно поинтересовался он, задумчиво потирая переносицу.

— Ветер подсказал, — пожала плечами Герда, слишком воодушевленная находкой, чтобы разбираться, что так насторожило ее учителя.

— Ветер, — хмыкнул Охотник. Перелистал дневник, выхватывая взглядом какие-то фразы, потом снова потер переносицу и показал запись про грибы Эглаборгу.

— Похоже на правду. Тролльи грибы обычно растут именно в пещерах, — веско сказал Эглаборг, возвращая дневник Герде. — Но вот во время зимней стужи... по всем законам природы это невозможно, неправильно. Для грибов нужен теплый влажный воздух.

— Пещера Истины волшебная. Там все может быть! — она не желала сдаваться так легко. Ведь были же видения в прошлый раз, значит, были и споры с грибами. Просто их никто не заметил в суматохе.

— Да уж, в той жуткой пещере с обвалами и зеркалами действительно могло быть все, особенно наши переломанные кости, — проворчала Майли, заметно передернув плечами. Видно, воспоминания о проведенной там ночи до сих пор внушали ей ужас.

— Если Герда говорит, что грибы там есть, значит, они там есть. Ведь Герда все-все знает! — перебил Вожык, которому, должно быть, тоже хотелось верить, что они смогут помочь Финисту. Майли скривила нос от нелепой речи, но тут вмешался Николай:

— Это хоть какая-то зацепка. Если других предположений нет, то почему бы не попробовать?

От радости Герда чуть было не бросилась к нему на шею, но вовремя одумалась.

Глава 26. Друг мой

В путь собрались этим же утром, едва успев позавтракать. Николая очень неохотно согласился взять с собой Герду, да и то только потому, что она единственная могла показать вход в пещеру. Ехали очень быстро. Яшка, пытая от натуги, с трудом поспевала по глубокому снегу за вороным жеребцом, который, казалось, и вовсе плыл по воздуху. К полудню путь завершился. Остановились в памятном месте, где напали ненниры. Вход в пещеру располагался совсем рядом. Герда показала его Николаю, а после они разбили лагерь чуть южнее. Хотя Охотник уверял, что сезон кочевания у ненниров уже давно закончился, и они должны были уйти на самый север Утгарда, рисковать лишний раз не хотелось.

Расседлав и привязав коней, они насобирали хвороста и распалили костер.

Николя взял необходимые вещи и, немного погревшись у огня, направился к пещере.

— Погодите! — окликнула его Герда. — Я пойду с вами.

Охотник обернулся и смерил ее хмурым взглядом.

— Кто-то должен сторожить коней, — резонно заметил Охотник.

Ну уж нет! Так легко он от нее не отделаётся.

— Со всем уважением, но жеребец с задачей «сторожить», а тем более «пугать» справится гораздо лучше меня, — Герда махнула рукой в сторону скорчившего злобную морду коня. Николая задумчиво почесал затылок, явно придумывая новый предлог, чтобы отказать.

— Там может быть опасно. Двоим рисковать смысла нет. Оставайтесь здесь. Думаю, к вечеру я вернусь, и мы вместе поедим домой. Больше никто не пострадает, — сказал он с небывалым жаром.

— Так не получится, — Герда печально покачала головой, понимая его тревогу. И все же согласиться не могла. — Кто-то все равно будет страдать. Вы не сможете уберечь всех.

— Сейчас мне и тебя будет достаточно. Ты остаешься, — не терпящим возражений тоном произнес Охотник и пошел к пещере.

— Стойте!

Герда побежала следом.

— Давай не будем пререкайся. У нас нет времени. Нужно помочь Финисту, — напомнил Николая, не останавливаясь.

Герда сорвалась на бег и вцепилась ему в спину. Николая обернулся и посмотрел так холодно, что по коже продрал озноб. Оставалась последняя маленькая хитрость. Та самая, которую она использовала в только в крайних случаях: пристально заглянуть в глаза, раскрыться и показать всю искренность своих намерений.

Герда спешно обмотала вокруг лица Николая шарф:

— Это защитит вас от тревожных видений. И вот, — она протянула ему клубок ниток. — Привяжите один конец на входе и потом легко найдете путь обратно. В книжках это всегда срабатывает...

— Хватит! — рявкнул Охотник и опустил шарф с лица на горло, а нитки швырнул в снег.

Герда потупилась и отступила на шаг. Она словно наяву ударилась об глухую каменную стену, что окружала Николая со всех сторон, не оставляя даже щели, чтобы заглянуть в душу.

Он обхватил голову руками, болезненно морщась:

— Пойми, это не сказки. Один легкомысленный болван уже пострадал, потому что думал, что ему море по колено. Это моя работа — рисковать собой и защищать людей от демонов. Моя и только моя. Я справлюсь с ней сам. А ты, будь добра, делай, что сказано: сиди здесь и не лезь ко мне в голову. Ты ничем помочь не сможешь.

Николя пошел прочь, не оглядываясь. По щекам Герды катились безудержные слезы. Почему он такой замкнутый? Почему с ним не получается то, что выходило раньше со всеми?! Она присела на корточки и подобрала перепачканный в снегу клубок.

— Если не приду к вечеру, возвращайся домой одна, — донесся до нее голос Охотника.

Герда решительно поднялась.

— Если к вечеру вы не вернетесь, я пойду вас искать! — всхлипнув, крикнула в ответ и пошла обратно к лагерю.

Едва добравшись до входа в пещеру, Николая раскаялся, что говорил с Гердой так резко. Она ведь, как ребенок, не понимает, во что ввязывается и куда лезет. От ее вмешательства голова раскалывалась, словно в нее вбили железный клин. И виноват в этом был сам Николая, потому что не смог объяснить своей ученице, чем чреваты подобные ее фокусы. Надо будет подобрать слова, сгладить углы, чтобы не обидеть и не оттолкнуть еще больше. Но не сейчас — потом, когда Финист очнется.

Заглянув в зияющую тьму, Николая все-таки натянул на нос шарф и запалил факел. Проход оказался довольно широким и прямым, словно рукотворный. Вскоре Николая вышел в огромный зал со свисавшими с потолка и росшими из пола каменными сосульками. Сверху капала вода. Странно, что она не замерзала даже в свирепствующие в первый месяц весны морозы. Да и воздух в пещере казался значительно теплей. Если повезет, где-то здесь в тепле и сырости найдутся те самые грибы. Это было бы чудом.

Охотник огляделся по сторонам. Ничего кроме росших из пола и потолка сосулек и проложенной сквозь них дороги. Николая вздохнул и двинулся дальше. Зал вскоре закончился. Охотник снова попал в коридор, на этот раз более узкий. Идти приходилось пригибаясь. То тут, то там попадались большие выступы, сквозь которые приходилось протискиваться, выдохнув из груди весь воздух. Когда Николая преодолевал одно из таких мест, пещеру начало шатать. Охотник споткнулся, выронил факел и упал на пол, упредительно выставив вперед здоровую руку.

Факел погас. Стало совсем темно. По спине пробежал нехороший холодок. Николая почувствовал, что нос дышит свободно. Значит, шарф размотался во время падения. А что если Герда права и сейчас начнутся видения? В прошлый раз ему не слишком понравились видения в пещере. В пещере очень похожей на эту! Николая выровнял дыхание, стараясь успокоиться и принялся шарить руками по полу в поисках факела. Но его нигде не было. Тогда Охотник попытался нащупать стены и подняться, но они тоже пропали, хотя он хорошо помнил, что впереди был узкий коридор. Николая поднялся, защищая голову рукой, чтобы не удариться об низкий потолок. Но и его тоже не оказалось. Охотник задумался, тщетно пытаясь высмотреть в кромешной тьме хоть какие-нибудь очертания.

Почему он не послушал Герду? Сейчас бы путеводная нить пришлась как нельзя кстати. Николая натянул на нос шарф, глубоко вздохнул и закрыл бесполезные глаза, полностью

сосредоточившись на звуках. По крайней мере, они-то здесь должны быть: капание воды с потолка, шорох летучих мышей, хоть что-нибудь. Но тишина оказалась столь же непроницаемой, как и тьма. Похоже, придется возвращаться и начинать сначала. Все равно в темноте ничего не видно, и грибы в том числе, даже если они здесь есть.

Николя набрал в легкие побольше воздуха, мысленно представляя поляну у входа в пещеру, и попытался телепортироваться. Ничего не вышло. То есть совсем ничего. Даже напрячься не получилось, потому что напрягать было нечего. Связь с даром пропала. Совсем. В груди нарастала паника, сердце бешено колотилось, больно отдаваясь в висках, за шиворот неприятно ползли капли холодного пота. Николя встал ровно, расправил плечи и снова закрыл глаза, убеждая себя, что все в порядке. Он просто наглотался спор, которые вызывают видения, но скоро все вернется в норму.

Краем уха Николя услышал какое-то отдаленное шевеление и распахнул глаза. Вдалеке загорелся крохотный рыжий огонек, словно от костра. Он двигался, приближался. Николя замер, ожидая, когда можно будет рассмотреть прищельца. Огонек превратился в кота. Огромного кота с горевшей рыжим пламенем шерстью. Животное грациозно пробежало мимо, неся в зубах заячью тушку. Николя удивленно хмыкнул и поспешил следом. Он не мог сказать, что зверь это или демон, потому что охотничья интуиция пропала вместе с даром, но, по крайней мере, огненная шерсть освещала путь. Кот выбежал к лабиринту из уходивших во тьму каменных колонн и начал петлять между ними, прокладывая путь к новому тоннелю, за которым следовал еще один зал с колоннами. Из него вел узкий лаз, расположенный в сажени от пола. Кот легко запрыгнул наверх и скрылся.

Николя замер, безнадежно глядя на узкий карниз перед лазом. Он ощущал себя непривычно беспомощным, слабым. Слишком привык полагаться на дар. Размяк. А ведь в детстве его учили находить выход даже из самых безнадежных ситуаций и не полагаться ни на что, кроме силы собственного разума. Что ж, видно, придется вспомнить старые уроки.

Николя с трудом уцепился за край здоровой рукой и, кряхтя от натуги, подтянулся наверх. Забравшись в лаз, привалился к стенке, чтобы перевести дыхание от бешеной гонки за котом, которого все-таки упустил. По каменному своду эхом прошелся странный шорох. В конце тоннеля снова забрезжил крохотный огонек. На этот раз он никуда не двигался.

Охотник пошел вперед, отчетливо слыша, как трещат поленья. Едва ощутимо тянуло дымом. Николя ускорил шаг и вскоре выбрался в новый зал, на этот раз маленький, но чистый, без колонн и сосулк. Посреди него был разложен костер, на котором жарился тот самый заяц. Возле огня на медвежьей шкуре сидел мальчишка. Одет он был совсем не так, как лапцы. Да и вообще за время своих путешествий по Мидгарду Охотник никогда подобного не видел — штаны и глухая длинная куртка из оленьего меха, сверху полупрозрачная зеленовато-серая непромокаемая накидка, сшитая из моржовых жил, на голове громадная карпообразная шапка из бурого, скорее всего собольего меха. На ногах огромные сапоги из тюленьих шкур. Из-за одежды мальчишка казался в два раза больше, чем был на самом деле. Ровесник Вожька. Может, чуть младше.

— Что ты здесь делаешь? — спросил мальчишка, не оборачиваясь.

— Ищу тролли грибы, — признался Охотник, пытаясь понять, человек это или демон.

— Кто такие тролли?

— Демоны. На голову меньше меня ростом, с серой кожей, могут проклясть, если ты им не понравишься. Зельями балуются, — пустился в пространные объяснения Николя, сам не зная зачем.

— Кто такие демоны? — перебил его мальчишка, все также не отрываясь от костра.

— Эээ... — замялся Николая, не находя достаточно ясного ответа. — Те, кого порождают червоточины, думаю.

— Червоточины порождают все сущее: небо, землю, воду и огонь; смертных и бессмертных; растения и животных, тебя и меня, — возразил мальчик и впервые взглянул на собеседника. Николая непроизвольно передернул плечами. Ярко-синие, необычайно ясные глаза смотрели слишком по-взрослому: холодно, мрачно, отрешенно. Взгляд столетнего старика, а не ребенка.

— Садись, ты мне нравишься, — пригласил к костру мальчик. Охотник не решился послушаться и устроился на лежавшую напротив оленью шкуру.

— Ты сам-то кто и откуда? — Николая почувствовал, что теперь настал его черед задавать вопросы. Мальчик отвернулся.

— Я один. И живу теперь здесь.

Что-то в его словах показалось Охотнику до боли знакомым, всколыхнуло почти забытые детские воспоминания.

— Сбежал из дома? — улыбнувшись, спросил он.

— И не собираюсь возвращаться, — мальчик перевернул зайца, чтобы подрумянился другой бок.

— Поругался с отцом? — улыбка Николая стала шире. Сколько раз он сам вот так сбежал из дома после ссор со строгим родителем.

— Можно и так сказать, — мальчик поднял вторую руку, которая оказалась перевязанной белыми тряпками и, морщась от боли, начал разминать затекшие пальцы. Николая удивленно глянул на собственную безвольную руку на перевязи.

— Он каждый день не напоминает, какое я для них всех разочарование, — поделился своей бедой мальчик, но потом с ожесточенным упрямством вскинул голову. — Ну и ладно, пусть живут без меня. Я уж сам как-нибудь справлюсь. Я все умею: и охотиться, и рыбу ловить, и костер разводить, и туши свежевать. Все травы, ягоды и грибы знаю. Выживу. Пока тут в этой пещере, а как весна придет, наверх переберусь. Мне там всегда больше нравилось, чем внизу.

Николя снисходительно улыбнулся. Он ведь рассуждал в детстве точно также. Словно собственное отражение увидел.

— Ты-то справишься, а справятся ли они? — спросил он, с тоской вспоминая отцовский дом и семью, которую смог оценить, лишь когда потерял.

Мальчик нахмурился, явно не понимая, куда он клонит. Николая продолжил:

— Представь, что в один прекрасный день твой отец исчезнет. Они все исчезнут, вся твоя семья, от которой ты сбежал.

— Даже мама с братьями? — глаза мальчика сделались круглыми от удивления. Такими, какими они должны быть у десятилетнего мальчика. — Даже отец? Он же вечный! Разве небо может исчезнуть?

— А ты представь, — Николая мысленно поздравил себя с победой, хотя все еще не до конца понимал, кто перед ним. — Они исчезнут, а ты останешься один одинешенек на всем белом свете.

— Это было бы ужасно. Я не хочу, чтобы мама исчезала. И братья тоже, — мальчик понурился. — И... и отец. Это было бы неправильно.

— А если бы ты в тот момент был рядом, то, возможно, смог бы их спасти, — развивал

свою мысль Николая, но зашел куда-то не туда, потому что мальчик снова сделался отчужденным и холодным.

— Да-да, я буду спасать их до бесконечности, а потом они первым же делом плюнут мне в спину, — вспыхнул он, нервно поправляя повязку на руке.

Они замолчали. Николая не знал, что говорить дальше, а мальчик просто таращился на языки пламени. Потом отщипнул кусок мяса от зайца, попробовал и отрезал побольше для Николая. Тот не посмел отказаться и принялся есть угощение. Мясо оказалось удивительно вкусным — полностью прожаренным и вместе с тем очень сочным. Мальчик явно знал толк в готовке. И все же чего-то не хватало. Николай достал из сумки сверток, куда Эглаборг положил несколько ломтей свежего хлеба, пару луковиц и соль. Охотник щедро поделился с мальчиком. Вместе они доели полностью пропекшегося зайца, абсолютно одинаковым жестом вытерли рты тыльной стороной ладоней и снова внимательно посмотрели друг на друга.

— Зачем тебе тролльи грибы? — заговорил первым мальчик.

— Тролль отравил моего друга. Теперь он в плену видений. Уснул и не просыпается. Грибы нужны, чтобы помочь ему проснуться.

— Кто такой друг? У меня нет друга, есть только братья, — мальчик задумчиво теребил край собственной одежды.

Николай нахмурился. Грустно, что у ребенка нет друзей, и он даже не знает, что это такое. Впрочем, семья самого Николая жила в строгом уединении, опасаясь мести своих и преследования чужих. Других знакомых, кроме родных и учителей, в детстве у него тоже не было. Сейчас настоящими друзьями он мог назвать лишь пару человек. Да и то порой сомневался в их верности.

— Друг — это почти как брат, только не связан со мной кровью, — после долгой паузы ответил Николай.

— О! — удивился мальчик. — Тогда зачем ты помогаешь ему? Думаешь, он этого хочет? Думаешь, он будет тебе за это благодарен, твой брат-не-по-крови?

Николай замялся. У этого ребенка явно талант загонять людей в тупик своими вопросами.

— Сомневаюсь, что он сильно обрадуется, если узнает, что его спас я, — честно сознался Охотник. — Думаю, я делаю это для себя, да, именно так. Для себя. Потому что это правильно. Потому что не могу иначе. Если есть шанс его спасти, то я сделаю все возможное ради этого, потому что не понимаю, как жить по-другому.

Мальчик протяжно смотрел на Николая, словно силясь разгадать. Неожиданно тишину нарушил громкий раскат грома. Охотник удивленно вскинул брови. Гроза в морозное время, да еще такая, что слышно даже внутри пещеры?

Мальчик горестно вздохнул:

— Отец сердится. Обнаружил пропажу.

— Возвращайся. Он будет рад, — искренне посоветовал Николай.

Мальчик понурился:

— Он меня накажет.

— Боишься? — с вызовом прищурился Охотник.

— Мне не впервой. Ты прав, я должен вернуться. В прошлый раз они так переживали, — мальчик спешно засобиравшись. Николай подобрал с пола палку, обвязал ее тряпкой и запалил от костра, чтобы осветить себе путь.

— Вот, — мальчик протянул Охотнику белый узелок. — Кажется, ты это искал. Только не говори своему другу, что ему помогли мы. Ему это не понравится.

Николя развязал узелок и ахнул. Внутри оказались те самые тролльи грибы, которые показывала на рисунке Герда.

— Спасибо! — радостно поблагодарил он ребенка. — Как твое имя?

— Западный Ветер, — махнул на прощание мальчик, превратился в огненного кота и растворился в крошечной тьме.

— Стой! — Николя чуть не выронил грибы вместе с факелом, да только Ветра уже и след простыл. — Вот же плут!

Охотник с трудом перевел дыхание, пытаясь сообразить, что произошло, но мелькнувший вдалеке огонек отвлек внимание. Может, Ветер решил вернуться? Николя пошел навстречу, но сделав всего несколько шагов, понял, это вовсе не язвительный Безликий, обожающий говорить загадками и напускать на себя таинственный вид, а кто-то гораздо более приятный.

— Герда! — громко позвал он.

— Я здесь, — донесся из темноты нежный голос. Вскоре они встретились. Палка Охотника сильно обгорела. Пришлось ее выбросить. Да и света от факела Герды вполне хватало, чтобы освещать путь.

— Начало темнеть, а вы все не возвращались, поэтому я решила... Простите, — замялась девушка и опустила глаза, явно ожидая, что он станет ее ругать. Вместо этого Николя мягко коснулся ее щеки и убрал упавшую на лоб прядку за ухо, потом аккуратно приобнял Герду здоровой рукой:

— Это ты прости. Я был груб и недальновиден. Спасибо, что отыскала меня.

Стоило дотронуться до нее, как дар вернулся. Чтобы узнать наверняка, Николя поднял в воздух узелок с грибами. Тот послушно подплыл к подставленной руке Герды.

— Что это? — удивилась она и заглянула внутрь. — Вы нашли их!

На этот раз Герда все-таки повисла у него на шее. Обдало теплой волной медового аромата. Мягкие прядки волос зашикотали лицо. Впрочем, это было очень даже приятно.

— Полегче, задушишь, — шутливо поддразнил Николя.

Герда умиленно покраснела и отступила на шаг.

— Забирай себе. Скажешь, что ты нашла, — предложил Охотник.

Герда нахмурилась и зябко повела плечами.

— Поверь, так будет лучше, — настоял он.

Герда нехотя согласилась. Они пошли к выходу, следуя за нитью из клубка.

— На вас не было шарфа, когда мы встретились. Вы точно ничего не видели? — осторожно поинтересовалась Герда.

— Только твоего кота, — подмигнул Охотник.

Она недоверчиво глянула на него.

— И что он сказал?

— Что очень скучает, — на этот раз Николя рассмеялся в голос.

Герда обиженно фыркнула и насупилась. Переспрашивать не стала и, гордо вскинув голову, пошла вперед.

Домой вернулись к рассвету. Вручили сильно удивленному Эглаборгу свою находку, расседлали лошадей и отправились отсыпаться, пока целитель занимался приготовлением зелья для Финиста. Оказавшись в своей комнате, Николя первым делом обратился к

Безликому, не зная, правда, станет ли тот с ним разговаривать.

«Что это было? Это ведь ты все подстроил с дневником и пещерой».

«Вы же сами ничего придумать не могли, вот я и решил немного помочь. Мне этот безмозглый оборотень, знаешь ли, почти как брат. Не хотелось бы его потерять из-за тупых троллиных проделок. А в пещере ты просто наглотался спор. Надо было слушать Герду».

Николя повезло: вредное божество все же снизошло до небольшой беседы. Оставалось только заставить его дать хоть какие-то ответы.

«Об этом я и сам догадался. Почему мне привиделся ты, да еще в таком виде? Ведь это был ты?»

«Воспоминание из детства. Должно быть, тролли своими туманными речами и зельями разбередили старую рану, и память пошла рябью. Забудь».

«В последнее время мне слишком часто предлагают забыть. Такое чувство, что от меня что-то скрывают. Что-то важное. Что-то связанное с тобой и с Часом возрождения. Что это такое и почему никто не хочет об этом говорить?»

«Наверное, потому что они и сами толком не знают, что такое Час возрождения. Даже те, кто из кожи вон лезет, чтобы его приблизить. Не думай об этом. В свое время сам все поймешь. А сейчас лучше живи, наслаждайся жизнью. Не трать время на пустые размышления. У тебя его и так почти не осталось. Тебе же нравится Герда, так почему ты ее отталкиваешь?»

«Она слишком наивная и хрупкая. Каждый раз, когда я ее касаюсь, кажется, что я причиняю ей боль, душу своими грубыми ручищами. И ненавижу себя за каждую ее слезу. Я не смогу быть достаточно нежным и осмотрительным, чтобы уберечь ее от разочарования и горя. Я не хочу, чтобы она умерла у меня на руках. Не хочу, чтобы после моей смерти она похоронила себя заживо под черными одеждами».

«Ты так любишь усложнять даже то, что на самом деле просто. Вы две половинки одного целого. Соприкасаясь, они неизбежно причиняют друг другу боль. Да и бывает ли любовь без боли, ведь без нее ни одно соитие обойтись не может. Можно, конечно, держать друг друга на расстоянии, вечно томясь от разлуки и тоски. Но запомни: ни одна половинка без другой жить не будет. Умрет первая, вторая останется мертвой бездушной куклой. Такой, какой был ты, пока я не привел к тебе Герду. Сделай шаг ей навстречу и поймешь, что она — твоя жизнь, твоя душа и твоя сила. Хочешь ответов — ищи у нее, не у меня».

Безликий умолк, а Николя слишком устал, чтобы пытаться дальше что-то выяснять. Разговоры с Безликим всегда отнимали слишком много сил. К тому же толком поспать не доводилось вот уже три дня. Охотник прикрыл глаза и тут же провалился в тревожное забытие. Тело охватил нестерпимый жар. Голова словно горела в огне. Он метался по кровати в поисках успокоения, но не находил. Преследовали видения, смутные, оставляющие чувство нестерпимого бессилия. Запомнить удалось лишь два образа: бледные губы Финиста, едва слышно шепчущие: «Ты опоздал» и собственную одежду, перепачканную в его, Финиста, крови.

— Мастер Николя! — разбудил Эглаборг, громко стучавший в запертую дверь. — Зелье готово. Нужна ваша помощь.

Охотник закашлялся, чтобы прочистить горло.

— Подожди, я оденусь.

Николя быстро окунул голову в тазик с холодной водой и растер здоровой рукой по лицу и шее, чтобы хоть чуть-чуть привести себя в порядок, спешно накинул чистую одежду и,

выровняв тяжелое после кошмара дыхание, вышел к Эглаборгу.

— Долго вы сегодня. Все в порядке? — подозрительно спросил он.

— Было бы быстрее, если бы кто-то позволил мне пользоваться второй рукой, — проворчал Никола. Не тратя больше времени на разговоры, они направились к комнате Финиста.

Там оставался только Вожык. Он сидел на своей кровати и возился с маленькими деревянными фигурками, то и дело поглядывая на спящего Финиста в ожидании, что он вот-вот откроет глаза.

— Вожык, пожалуйста, выйди, — первым делом попросил Эглаборг.

— Позвать Герду и Майли? — живо поинтересовался мальчик. Целитель отрицательно качнул головой.

— Просто оставь нас на пару минут.

Вожык послушно вышел.

— Велик шанс, что зелье не вылечит, а добьет его. Я никогда прежде не имел с ним дела. Поэтому... — Эглаборг тяжело вздохнул. — Поэтому я не хочу, чтобы они смотрели.

Николя понимающе кивнул.

— Подойдите, я поправлю вам руку. Чтобы помочь мне, вам понадобятся обе.

Эглаборг аккуратно вытянул безвольно висевшую на перевязи руку Охотника, закатал рукав и пробежался пальцами до плеча и обратно, нажимая на суставы так, что по всей длине бежали искры. Кожу будто покрыли мелкими иглами. Охотник поморщился, ожидая, когда неприятное ощущение схлынет, а потом попробовал согнуть пальцы. Они поддались, но с трудом. В руке все еще ощущалась слабая пульсация, но она быстро проходила. Никола перевел взгляд на Финиста.

— Его надо приподнять, отогнуть челюсть и держать, — объяснял Эглаборг, пока проверял, достаточно ли остыла жидкость в плотно закрытой глиняной крышечкой чашке с длинным тонким носиком.

Николя устроился на кровати рядом с оборотнем и приподнял за плечи. Челюсти безвольно разомкнулись. Эглаборг вставил в рот носик чашки и начал вливать тонкой струйкой бурое приторно пахнущее зелье. Несколько мгновений ничего не происходило, но потом Финист резко дернулся, чуть не сшибив Эглаборга.

— Он приходит в себя? — удивленно спросил Никола, все еще придерживая оборотня за плечи.

Эглаборг открыл рот, чтобы ответить, но Финист начал биться в конвульсиях. Охотник со всей силы вцепился в него, чтобы удержать.

— Что происходит?

— Зелье начинает действовать. Похоже, видения усилились. Держите крепче, надо, чтобы он все выпил, — сказал целитель, пытаясь попасть носиком чашки между крепко сцепленных зубов оборотня.

— Дай тряпку, я попробую отогнуть челюсть, — предложил Никола.

Финист дергался так, что Охотнику казалось, будто он борется с бешеным медведем. Эглаборг вручил Никола кусок материи. Он с трудом протянул ее между челюстей Финиста. Не теряя времени, целитель принялся вливать в приоткрытый рот зелье. С каждым глотком оборотня трясло все сильнее. Захлебываясь и давясь, он начал орать:

— Ней сес дикаяду мей ойрес!

— Что это за язык? — удивился Эглаборг.

— В первый раз слышу, — ответил Николая, с трудом удерживая Финиста даже с помощью телекинеза.

— Вайрес ой декулай ранэ та. Ривала нэ?

— Да откуда же в нем столько силы?! — Охотнику приходилось налегать всем телом, чтобы оборотень не вырывался. — Много у тебя еще? Я долго не выдержу.

— Ривала нэ?! — продолжал орать Финист на самое ухо.

Раздался стук в дверь.

— Мастер Эглаборг, мастер Николая, что происходит? — послышался взволнованный голос Герды. Охотнику пришлось направить часть сил на то, чтобы удержать дверь телекинезом.

— Откройте! Что вы там делаете? Откройте сейчас же! — возмутилась Герда, поняв, что дверь не поддается.

— Ривала нэ?! — снова повторил бессмысленный вопрос Финист.

— Погодите! — крикнул непонятно кому Эглаборг и снова принялся вливать в оборотня зелье.

Финист пытался отплеиваться и орать одновременно.

— Да что же вы там с ним делаете? — волновалась за дверью Герда.

— Ривала нэ?! — заголосил Финист так, что Николая показалось, что он вот-вот оглохнет.

— Да сколько можно?! — не выдержал Охотник. — Ривала та декулай не, ривала та мей ойрес!

— Мей пейре, — тихо пробормотал оборотень и обмяк. Эглаборг, наконец, смог беспрепятственно напоить его остатками зелья.

Финист закрыл глаза и спокойно уснул. Совершенно обычным сном: его грудь высоко вздымалась при глубоких вдохах.

Николя устало опустил оборотня на кровать. Дверь тут же распахнулась, и в комнату влетела перепуганная Герда вместе с Вожыком и подоспевшей к самому концу Майли.

— Мастер Николая, что вы ему сказали? — спросил Эглаборг, с трудом переводивший дыхание.

— Откуда мне знать? Я просто повторил то, что говорил он сам, — пожал плечами Охотник, грузно усаживаясь на пол рядом с кроватью. Голова больно гудела. Перед глазами мелкими вспышками мерцал давешний кошмар: кровь и омертвевшие губы Финиста.

— Ну что ж, похоже, его это удовлетворило, — задумчиво изрек целитель, открыл чашку и заглянул внутрь. Там остался только почерневший вирбез.

— Или зелье подействовало, — предположил Николая.

Эглаборг кивнул.

— Почему вы не предупредили, что будете давать ему зелье? — напустилась на них Герда. — Почему он так кричал?

Николя измученно глянул на нее. Губы сами расползлись в просящую прощения улыбку. Герда осеклась и понурилась.

— Это моя вина, — признался Эглаборг. — Если бы что-то пошло не так, я не хотел, чтобы вы это видели.

— Мы могли бы помочь, — тихо проворчала Герда, но тут заметила, что Финист зашевелился. Он просыпался!

— Что у вас вечно за крики? Даже поспать спокойно не дадут, — сиплым голосом

пробормотал он и потянулся к Герде. Она счастливо улыбнулась и обняла его за плечи:

— Тролль отравил тебя своим зельем. Ты проспал три дня.

Финист нахмурился, явно с трудом припоминая последние события. Николая попытался незаметно подняться. Очень хотелось полежать в тишине, отдохнуть хоть самую малость, чуть-чуть отойти от этого безумия. Не вышло. Полный презрения взгляд плетью хлестнул по уязвимой от истощения спине. Финист поджал губы и брезгливо указал на Николая:

— Что он здесь делает?

Захотелось ответить что-то язвительное, но Охотник сдержался, снова облачаясь в покровы отстраненности и безразличия.

"Какая разница, что думают обо мне другие? Важно лишь, что я думаю сам".

Бросил на оборотня короткий взгляд, убеждаясь, что все в порядке, и ретировался к двери. Краем уха слышал полный укора голос Герды:

— Финист, это его дом. Он помог тебе больше, чем мы все вместе взятые. Он...

— Не стоит, — окликнул ее Николая уже на пороге. — Ты обещала.

Герда замолчала и понурилась. Охотник ушел к себе, а все остальные радостно обнимали Финиста и поздравляли с выздоровлением.

Глава 27. Иллюзия любви

— Что вы делали без меня эти дни? — шутливо спрашивал Финист, пока Герда кормила его куриным бульоном из ложечки.

Вообще-то ничего не мешало ему есть самостоятельно, но когда Герда предложила поухаживать, он сразу сделал несчастные глаза и принялся изображать из себя тяжелобольного. И выглядел настолько неестественным и нелепым, что ей с трудом удавалось сдержать смех при очередном его "болезном" стоне.

— Думали, как тебе помочь, — Герда принялась рассказывать, сколько пришлось приложить усилий, чтобы он проснулся. Только про роль Николая умолчала, а без этой части история казалось неполной, но Финист в упор ничего не замечал. — Вожык винит себя в том, что произошло. Поговори с ним. У тебя не получается его обучать?

— Сложно, когда каждый раз приходится бороться не только с его страхом, но и со своим. Моей вины в том, что у него ничего не получается гораздо больше, чем его собственной. У меня ни знаний, ни терпения не хватает, чтобы ему помочь. Иногда мне хочется расписаться в бессилии и все бросить. Ты бы пошла со мной? — Финист протяжно посмотрел ей в глаза.

— Это неправильно. Если ты выбрал путь, то должен пройти его до конца или, по крайней мере, сделать для этого все возможное. У меня тоже все выходит далеко не так, как хотелось, но я не сдамся, пока... — Герда тяжело вздохнула и опустила взгляд. — Пока мастер Николая не скажет, что я безнадежна.

— У вас тоже не все гладко? — он широко улыбнулся.

Герда нахмурилась и передернула плечами. Чему он радуется? Ее неудачам?

— Иногда мне кажется, что вы с мастером Николая ошиблись: нет у меня никакого дара. Умом я понимаю, что он есть и у меня даже иногда получается его использовать, но это тяжело. Совсем не так, как я себе представляла. Да и сам мастер Николая... — Герда замялась. Не хотелось обсуждать учителя за его спиной тем более, большую часть того, что ее тяготило, она все равно открыть не могла.

— Тебе не нравится, что он с тобой делает? — Финист внимательно смотрел на нее, не позволяя уйти от ответа.

— Мне не нравится, что он такой...

— Какой? Скажи, может, я смогу тебе помочь.

— Ненастоящий. Такое чувство, что он постоянно носит маску, играет отведенную ему роль и никогда не позволяет себе выходить за ее рамки, отгораживая ото всех себя настоящего. Мои родители были очень искренними открытыми людьми. Я к такому не привыкла.

Финист потрепал ее по щеке.

— Рад, что ты это поняла. Он нехороший человек, притворщик и лжец. Я нутром чую, он что-то задумал. И боюсь, как бы мы не оказались вовлечены в его темные планы. Поэтому и предлагаю сбежать, пока не поздно...

— Я не это имела в виду, — Герда разочаровано отвернулась. — Сомневаюсь, что меня можно хоть как-то использовать, да и вряд ли мастер Николая опустится до такого.

— Ты себя недооцениваешь.

Герда пожала плечами.

— Мне просто хочется, чтобы он был чуть более искренним.

Суп закончился. Герда взяла пустую тарелку и собралась уходить, но тут кое-что вспомнила и обернулась к Финисту:

— Присмотри за Майли. Она странно себя ведет в последнее время.

Оборотень кивнул. Герда спустилась вниз, оставила посуду на кухне и направилась в прихожую, услышав доносившиеся оттуда голоса.

— Все понял, мастер Гарольд, — говорил Николя стоявшему на пороге бургомистру. — Сейчас же отправлюсь на поиски.

Гость попрощался и ушел. Николя захлопнул дверь, чтобы не напустить мороза и начал одеваться. Герда прошла вперед и вопросительно уставилась на него.

— У соседей из сарая пропала лошадь. Опасаются, что ее украл демон. Слышали, как кто-то бродил ночью по двору, а утром никаких следов не нашли. Хотят, чтобы я разобрался. Не думаю, что это надолго. Скорее всего, просто сарай плохо закрыли, а лошадь чего-то испугалась и убежала. Теперь, наверняка, лежит на дне оврага, если хищники еще до нее не добрались.

Охотник плотно запахнул куртку и плащ. Герда подошла и, аккуратно поправив шапку, скользнула ладонью по щеке. Николя поймал ее руку и приложил к губам.

— Будь готова через пару часов — пойдем заниматься, — махнул он на прощание и вышел на улицу.

Герда поднялась к себе и наблюдала из окна, как Охотник выезжает на вороном жеребце к восточному лесу. Когда всадник скрылся, она улеглась на кровать и взяла с тумбочки дневник Лайсве. Разговор с Финистом очень утомил. Хотелось чуть-чуть отдохнуть и привести мысли в порядок, а чтение всегда хорошо помогало.

Полистав дневник, Герда нашла место, на котором остановилась в прошлый раз. До описания тролльих грибов было еще достаточно много записей. И принялась читать:

«Разругалась сегодня с жителями холмов. Хотя они все отрицали, но я-то знаю, что это Вейас нажаловался, что я сумасбродничаю и собираюсь тайно венчаться неизвестно с кем. Конечно, это для Вейаса Найт неизвестно кто, а для меня — весь мир. Честно, не думала, что когда-нибудь захочу замуж, особенно после того, что устроил отец. Но Найт... он такой... ему просто нельзя ни в чем отказать. Он предложил отвезти меня в свой родовой замок в Эльбани. (Герда помнила, что это место находится на границе Кундии и Норикии). Раз у него есть родовой замок, значит, не такой уж он и безродный, как кажется Вейасу. Конечно, он не очень щедр и общителен с незнакомцами, но со мной сама галантность. Ни разу не встречала человека с более утонченными манерами. Эх, Найт...

Но я отвлеклась. Жители холмов почему-то решили, что Найт — демон. Странно слышать такое обвинение от них. словно они сами не демоны. Довели меня, и пришлось высказать свои мысли по поводу того, что их принцессочка приворожила моего брата и собралась женить на себе обманом. Надо было видеть их лица! Как долго они отнекивались! А потом королевский папаша все-таки сознался. Сказал, что в этом нет ничего дурного. Что им-де для продолжения рода нужна сильная кровь, и естественно крови сильнее, чем у потомственного Стража не найти. Я, конечно, все понимаю, но смотреть, как они делают из Вейаса случного жеребца, не намерена. Так им и сказала. А они давай виниться передо мной. Говорят, мы плохие, а твой Найт еще хуже. И поступает с тобой во стократ подлее и тебя погубит. Боятся, наверное, что пожалуюсь. После этого я выпроводила их. Ну как... сказала, что орать начну на всю улицу: «Демоны!»! Тогда-то им

никакие чары не помогут истинное лицо скрыть. Только после этого они отстали.

...

Не выдержала и пожаловалась. Хоть Вейас и порядочный болван, но без него тоскливо. Найт очень расстроился, когда я жителей холмов упомянула. Да, они сильны. Один их воин десяти человеческих стоит, а с ворожеями вообще лучше не связываться. Мой брат тому яркое подтверждение. Не знаю, как мы выручать его будем, но Найт обещал подумать. Он спас меня от ищеек. Ему все под силу!

...

Чувствую себя странно последние дни. Сама не понимаю, что со мной. Иногда такое бессилие нападает, что даже с постели вставать не хочется. Голова кругом. Суставы ломит. Сердце колотится. Хочется заснуть и не просыпаться больше.

Снова приходили жители холмов. Долго молчали и пристально на меня смотрели. Потом про Найта спрашивали, что да где. Естественно, я молчала. Приставучие, прямо как пиявки».

Герда несколько раз перечитала последнюю запись. Что-то было в ней тревожное, неправильное. Может, настроение тяжелое, а, может... Герда решила не гадать, а продолжить читать. Дальше все понятней станет. Интересно, кто такие жители холмов и ворожеи, которые мужчин околдовывать могут?.. Страшно осознавать, сколько опасных созданий живет совсем рядом. Сколько людей не подозревает об их существовании, но часто оказывается жертвами их чар.

«Приходил Вейас. Сказал, что его расколдовали. Он собирается в Хельхейм и хочет, чтобы я пошла с ним немедленно. Только я больше не хочу. Надо было идти, когда я просила, а теперь мое место не с ним, а с Найтом в Эльбани.

Вейас так рассердился, когда услышал отказ. Ну конечно, в первый раз в жизни золотому мальчику посмели перечить. А я устала... Устала от того, что всегда нахожусь в его тени, всегда вторая, годная только на то, чтобы подороже меня продать тому, у кого найдется достаточно денег и влияния в ордене. Кто сможет с уверенностью гарантировать, что пройдя испытание, Вейас не станет распоряжаться моей судьбой, как это делал отец? Я хочу решать сама. Свобода воли — все для меня. И Найт предлагает мне именно это.

Вейас, конечно же, рассмеялся мне в лицо, когда я поведала ему о своих чаяниях. Заявил, что Найт последний, кто даст мне свободу. А потом попытался убедить, что болею я именно из-за него, из-за Найта. Он пьет из меня все соки. И ни в какое Эльбани везти не собирается — его замок где-то здесь под землей. Дурашка, как замок может быть под землей?

Посреди нашей ссоры явился Найт. Его не было несколько дней и, честно говоря, я начала беспокоиться. Как только Вейас его увидел, выхватил меч и выкрикнул что-то про обескровленный скот и про то, что он обо всем догадался. И... я провалилась в черноту. То ли от слабости, то ли от ужаса, не знаю. Помню, как боязно было, что они убьют друг друга. И все из-за этих холмовых демонов, чтоб им пусто стало!»

Похоже, любовь Лайсве обернулась не такой уж чистой и безоблачной. Неужели, она тоже поддалась на уловки демона? Как же легко угодить в их сети и как ей, Герде, повезло, что рядом такие сильные мужчины, как Николя и Финист. Они никогда не позволят причинить ей вред... Если не появится тролль, который сможет уложить их на лопатки за одно проклятье.

Герда невесело усмехнулась. Как же все-таки опасен этот мир. Может, стоит попросить Финиста снова поучить ее драться? Но вряд ли у него хватит на это времени, ведь он должен много заниматься с Майли и Вожыком, чтобы наверстать упущенное. Да и Николая идею явно не одобрит.

Герда встрепенулась. За чтением она забыла о времени. Быстро поднялась, оделась и выбежала в гостиную. Охотник до сих пор не вернулся, хотя дело шло к вечеру, а он обещал, что отлучится ненадолго.

Герда взяла с дивана плед, вышла на улицу и, усевшись на крылечке, пристально вглядывалась в закатное небо, на котором уже успел обрисоваться белесый диск луны. К вечеру тучи разошлись. Все вокруг — небо, дома, покрытую пеленой снега землю — залил нежный бледно-розовый свет. Он медленно сгущался, становился тягучий, как кисель и темнел.

Герда сидела, полуприкрыв глаза и смиренно ждала. На самом исходе сумерек вдалеке появилась темная фигура. Казалось, что Герда видит ее сквозь прикрытые веки. Она не спешила открывать глаза. Знала, что это он.

Человек вошел в калитку и устало опустился на крыльцо рядом. Ничего не говоря, Герда протянула ему кусок пледа. Мужчина тесно прижался к ней, приобнял за талию и растянул плед на двоих.

— Что за год выдался? Все будто с цепи посрывались. А до Йоля так тихо было, — тяжело вздохнул Николая. Герда открыла глаза и осмотрела его. Охотник выглядел изможденным с перечерченным тревожными морщинками лбом. — Почему оно всегда скопом наваливается? Остается только на части разорваться, чтобы везде успеть.

— Вы, как и Финист, слишком много на себя берете, — покачала головой Герда. — Всех не спасти. Вы так только себя в могилу раньше времени загоните. И не поможете даже тем, кому могли.

Охотник медленно кивнул.

— Но я не могу пренебрегать своими обязанностями. Я должен защищать город... и вас.

— Что-то случилось? — проницательно спросила Герда.

— Нашел соседскую лошадь. Ее обескровили и выкинули в овраг в лесу, прикрыв еловыми лапками и набросав сверху снега. Если бы не гончие с холмов, в жизни бы ее не нашел. Теперь вот не знаю, что делать.

— Думаете, демон?

— Ночной ходок. Похоже, мы не всех сожгли на кладбище. Один выжил и быстро набирает силу. Ума не приложу, где его искать.

— А гончие?

— Они привели меня сюда. Это неудивительно, учитывая, что лошадь украли по соседству. Значит, он где-то рядом. Затаился. Выжидает. Запаса крови от той лошади может хватить на пару недель, а то и больше. Пока она не закончится, он не объявится, это точно. Если бы у меня было больше времени, если бы разведчики не ушли на восток следить за троллями, мы бы могли попытаться его отыскать, а так остается лишь ждать.

— Ждать? — предложила Герда, с ужасом вспоминая встречу с Ходоком. — А если он нападет на кого-нибудь до этого?

— Проблема в том, что он уже напал. Ходоки не начинают питаться кровью, пока не набрались силы от соблазненной девушки. Он будет тянуть из нее все соки, пока не обратит в упырицу, которая станет послушно служить ему, и переключится на следующую жертву.

— Тогда надо искать девушку.

— Это сложно. Ходок полностью контролирует ее поведение. И понять, к кому именно он привязался, никак не получится. К тому же этот конкретный Ходок осторожен и хитер, я бы даже сказал, очень хитер, учитывая, как хорошо удалось спрятать лошадь.

— Может, есть внешние признаки, по которым они подбирают себе девушек?

— Да. Они предпочитают одиноких и несчастных. Тех, на кого легко влиять, пообещав любовь и понимание.

— О, тогда это будет каждая вторая девушка, — невесело усмехнулась Герда. — Или нет, каждая первая.

— Тебе одиноко? — нахмурился Николая.

Герда удивленно уставилась на него:

— Разве вы сами не догадываетесь?

— И все-таки?

Почему он постоянно заставляет отвечать на неловкие вопросы, а сам всегда от них уходит? Набрав в грудь побольше воздуха, Герда решительно выпалила, не желая больше ходить вокруг да около:

— Если вы хотите знать, не появился ли у меня «тайный поклонник», то нет, — потом тихо ахнула и приложила руку ко рту, испугавшись собственных слов.

— Что стряслось? — встревожился Охотник, не отрывая пристального взгляда.

— Ничего, — поспешила успокоить его Герда. — Просто вспомнила, как в одной книжке девушка описывала своего возлюбленного. Кажется, это был Ходок.

Николя снисходительно улыбнулся.

— Не стоит слишком близко к сердцу воспринимать то, что написано в книжках.

— Знаю, это глупо. Мой отец всегда говорил об этом, — Герда потупилась, погружаясь в воспоминания о родительском доме.

— Не глупо, просто так никаких нервов не напасешься, — он ласково провел рукой по ее волосам. Она доверчиво свесила голову ему на плечо.

Дальше сидели молча. Окончательно стемнело. На ночном небе вместе с белесым озерцом убывающей луны расцвели замысловатые звездные узоры. Они отличались от тех, что она привыкла видеть в Дрисвятах, но не слишком сильно. Словно расстеленная над головой карта чуть-чуть сдвинулась с места, и Герда увидела ее с другой точки. Она перевела взгляд на Николая. Тот тоже внимательно изучал звездное небо.

— Хорошо, — сказала Герда, вдыхая морозный ночной воздух полной грудью.

— Да, — легко согласился Охотник, поплотней укутывая их в плед.

Следующие несколько дней Николая был поглощен поисками Ходока — обошел все укромные места в Упсале, переговорил с соседями, даже гончих приводил. Ими оказались здоровенные борзые собаки с рыжеватой шерстью и страшными светящимися желтым глазами. Острый нюх позволял им учуять зайца в десяти верстах, но найти Ходока оказалось не под силу — гончие постоянно возвращались к усадьбе Охотника. В конце концов Николая сдался и решил ждать, пока Ходок себя не выдаст.

Финист быстро шел на поправку и вернулся к занятиям со своими учениками

одновременно с Николя. Герде пришлось признать, что она скучала по их длительным прогулкам и неловким беседам. Нянчиться с Финистом оказалось не так уж весело, особенно когда он начал откровенно симулировать и давить на жалость. Дневник Лайсве Герда почти не открывала, увлекшись поиском сведений о Ходоках. Уж очень хотелось помочь Николя в его поисках, ведь он всегда приходил домой такой удрученный после очередной неудачи. Но о Ходоках в книгах говорилось не больше, чем о троллях. Лишь то, что Герда и так знала.

На первое после вынужденного перерыва занятие Герда шла в приподнятом настроении, предвкушая если не веселую игру, то хотя бы нечто занимательное, поэтому предельно серьезный тон учителя немного смутил:

— Сегодня мы попробуем кое-что новенькое. На самом деле готовить тебя к этому я начал уже давно, просто не вдавался в подробные объяснения, чтобы не путать. Но сейчас, мне кажется, пришло время разложить все по полочкам.

Герда недоверчиво глянула на него. Николя подбадривающе улыбнулся и продолжил:
— Твой дар, отражение, может работать в двух направлениях: защита и взаимодействие. В первом случае он отражает или перенаправляет силу, которую ты воспринимаешь, как враждебную, — для демонстрации Николя без предупреждения запустил в Герду снежком, который она тут же отбила. — Во втором он увеличивает или перенаправляет силу, которую ты воспринимаешь, как дружественную. Мы начали тренировать именно первое направление, потому что ты легче реагировала на прямую угрозу, чем на взаимодействие. После того, как ты успешно научилась защищаться, я постепенно подводил тебя ко второму направлению. Собственно, все, что мы делали в последнее время — синхронизация дыхания и действий — направлено именно на то, чтобы ты научилась взаимодействовать. Сейчас мы подошли к последнему этапу, на котором ты должна будешь полностью передо мной раскрыться. И тогда ты беспрепятственно сможешь воспользоваться моей силой.

Герда сглотнула. Его слова звучали очень непонятно и устрашающе. «Интересно, что значит «полностью раскрыться»? Надеюсь, ничего такого, от чего мне потом будет стыдно. Хотя вряд ли такого оборота можно опасаться с мастером Николя».

— Что... — Герда закашлялась от волнения. — Что я должна делать?

— Доверься мне, — улыбнулся Охотник. — Повернись спиной.

Герда пожалала плечами и выполнила кажущееся простым и безобидным повеление. Но когда Николя долго буравил ее спину взглядом, сделалось очень не по себе. Пришлось терпеть. Ничего не происходило. Не видя глаз, Герда не понимала, о чем он думает и что хочет сделать. Неизвестность пугала. Закрыв глаза, попыталась сосредоточиться на дыхании. Это всегда успокаивало. Как только удалось совладать с собой, сзади донесся командный голос Николя:

— Отклоняйся назад. Медленно.

Герда повиновалась. Согнув колени, наклонилась настолько низко, насколько могла удержать равновесие.

— Еще, — потребовал Охотник.

— Не могу, — испугалась она.

— Попробуй.

Опустившись еще самую малость, Герда почувствовала, как тело натянулось, словно струна. Мышцы болезненно ныли. Даже на дыхании сконцентрироваться не получалось.

— Я упаду, — взмолилась она.

— Падай, — легко согласился Николая. В тот же миг ноги подкосились. Герда, будто подломленная, полетела назад и тут же оказалась в руках Охотника.

— Страшно? — шутливым тоном спросил он, нависая над ней. Герда сглотнула.

— Попробуем еще раз? — на его лице заиграла издевательская улыбка. Николая поставил Герду на ноги и отошел на два шага. — Не подсматривай. Наклоняйся.

Она стиснула зубы и проделала то, что он просил еще раз. Замерев в неудобном положении, она терпела до тех пор, пока силы не оставили ее, и снова упала в подставленные руки Николая.

— Поняла, в чем твоя задача? — невзначай поинтересовался он.

— Упасть вам в руки? — ответила Герда, устало поднимаясь на ноги.

— Что-то типа того. Давай сначала.

Так продолжалось раз десять. Николая неустанно ее ловил, пока она полностью не уверилась, что он не даст ей удариться о землю. А потом начал использовать для этого телекинез. Появилось странное чувство, словно воздух вокруг сгущается, превращаясь в пуховую подушку, по которой Герда медленно соскальзывает в руки Николая. Кожу слегка пощипывало даже через одежду, но Герде даже нравились эти ощущения. Согревали, обволакивали, создавали чувство защищенности. И каждый раз она нехотя расставалась с ними, когда вновь становилась на ноги. Без поддержки Николая от нее словно отрывали кожу.

Когда Герда совсем расслабилась, подушки сзади не оказалось. Точнее она была, но слишком слабая, чтобы удержать вес человеческого тела. Герда упала в снег. Он больно оцарапал затылок, забрался за шиворот и начал таять, неприятно растекаясь холодными струйками по спине. Герда с трудом встала, непонимающе глядя на Николая. Зачем он позволил ей упасть? Охотник смотрел на нее холодно и беспристрастно, как будто это не он только что обманул ее доверие и уронил в снег.

— Становись, — напомнил Николая.

— А вы меня поймаете? — недоверчиво спросила Герда.

— Возможно, — расплывчато ответил он.

Она вдохнула поглубже. Даже если станет сопротивляться, он все равно заставит. Отклонилась. И снова упала в снег. На этот раз вообще никакого телекинеза не чувствовалось. Обиженно всхлипнув, Герда поднялась и попробовала еще, но никакой поддержки от учителя и теперь не последовало.

— Попробуй хоть чуть-чуть себе помочь, — почти умоляя, попросил Николая.

— Как? — едва не плача спросила Герда.

— Доверься мне, доверься моей силе, позволь ей стать частью тебя и помочь.

Легко сказать. Герда не понимала, как это сделать. Честно старалась представить, что сзади ее ждет мягкая подушка, легкое покалывание и руки Николая, но каждый раз падала на обжигающе холодный, покрытый твердой настовой коркой снег.

— Ты не пытаешься, — тяжело вздохнул Николая, поднимая ее после того, как она сама встать отказалась.

— Неправда, я... — Герда громко всхлипнула. — Я пытаюсь, но ничего не получается. Может, у меня вообще нет этой второй способности? Может, мой дар очень слабый и неполноценный?

Николя покачал головой, сел на растеленное на снегу покрывало и вынул приготовленный Эглаборгом обед. Герда устроилась рядом, с несчастным видом

разглядывая собственные ноги.

— Все из-за того, что ты такая зажатая. Если бы ты могла хоть ненадолго довериться мне и раскрыться, у тебя бы получилось, — разочаровано сказал он, подавая ломоть хлеба с вяленным мясом. Не поднимая глаз, Герда взяла его и без аппетита откусила кусок, который тут же стал в горле комом.

— Должно быть, в этом есть доля моей вины. Я сделал наши отношения слишком близкими, надеясь, что так тебе легче будет принять меня, но вышло совсем наоборот. Я постоянно тебя смущаю.

Герда ошарашено уставилась на него. Так вся теплота, ласковые прикосновения, веселые шутки и разговоры по душам были лишь игрой? Совсем как тогда, когда он пытался запугать ее, чтобы заставить защищаться. А она-то надеялась... Дура! Почему так сложно выкинуть Николая из головы и сердца? Ведь он всеми возможными и невозможными способами показал, что она ему совершенно безразлична. Он просто учит ее пользоваться даром. Чем быстрее закончится это мучение, тем лучше. Что он там говорил надо сделать? Расслабиться? Хорошо, сейчас она так расслабится, что мало никому не покажется.

Герда молча вернула Николая недоеденный обед.

— Не хочешь? — он вскинул одну бровь.

Герда потянулась за его флягой.

— Осторожно. Там то, что ты не любишь, — поспешил предупредить Охотник, но Герда уже сняла крышку и решительно поднесла флягу к губам. Глубоко вздохнув, сделала несколько больших глотков и закашлялась.

— Что ты делаешь?! — ошалело воскликнул Николай и отобрал флягу. — Оно же очень крепкое. Все горло сожжешь.

Герда вытерла губы тыльной стороной ладони и встала.

— Я готова, — решительно заявила она.

Николай недоуменно моргнул.

— К чему?

— К, — Герда громко икнула. Хмель мгновенно ударил в голову. — К взаимодействию, — мотнув головой, ответила она.

Охотник скептически хмыкнул и тоже поднялся. Но не успел он встать на позицию, как Герда повернулась к нему спиной и резко начала падать. Николай шумно выдохнул. Словно оттолкнувшись от невидимой преграды, Герда снова встала на ноги.

— Эй, зачем так резко?! — недовольно прикрикнула она, потирая ушибленное место.

— Это не я, — тихо ответил Николай, но она не стала слушать и опять отклонилась назад. Застыв над землей под немислимым углом, долго раскачивалась взад-вперед, наслаждаясь невесомостью.

— Долго еще баловаться будешь? — нетерпеливо поинтересовался Николай, раздражаясь безо всякой причины.

— Пока ты меня держишь, — озорно хихикнула она. От обращения на "ты" Охотник заметно поморщился. Не понравилось? Сам же хотел, чтоб она расслабилась!

— Я не держу, — хмуро возразил он.

Невидимая подушка исчезла, и Герда полетела напрямик в снег.

— Зачем ты все испортил? — отплевываясь, недовольно осведомилась она.

— Пора домой. Тебя совсем развезло, — Николай поднял ее на руки и бесцеремонно перекинул через плечо. — Ведешь себя отвратительно.

— О, так отвратительно себя вести можно только вам с Финистом? — съязвила она.

— Мы мужчины. А ты девушка и должна быть милой, скромной и кроткой.

— Это несправедливо!

— Разве речь шла о справедливости?

Герда не стала отвечать. Голова закружилась, а к горлу подступила дурнота. Дико хотелось смеяться и беситься. Колотить Николая кулаками по спине и называть нехорошими словами.

Охотник опустил ее на ноги только на пороге дома, чтобы открыть дверь. Не дожидаясь, когда ее снова схватят, Герда юркнула внутрь и нос к носу столкнулась с Майли. Та вздрогнула от неожиданности и зашептала какие-то нелепости. Герда не смогла сдержать снисходительной улыбки и заговорила абсолютно пьяным голосом:

— Он и тебе сбежать предлагал? Соглашайся! После этого он точно будет обязан на тебе жениться. — С сожалением глянула на Николая: — Я бы тоже согласилась, если бы предложил кое-кто другой.

— Что она несет? — ошалело спросила Майли.

Из-за ее спины появился Финист, взял Герду за руку и притянул к себе. Заговорил что-то про ее соблазнительные округлости и как бы ему хотелось все их потрогать и поцеловать. Он ведь не про эти округлости? И те, что пониже. Ну, наглец! По щекам словно кипятки потек.

— Фу! Ну что за пошлость? — поморщилась Герда, вырываясь.

— Да она же пьяна! — воскликнул оборотень и с подозрением уставился на закрывавшего дверь Охотника: — Ты что ее напоил?!

— Она сама, — признался Николай и снова подхватил Герду на руки. — Пойдем в кроватку. Отоспишься, и все будет хорошо, — потом повернулся к Финисту и растерянной Майли. — Чего уставились?! Идите, куда шли.

— Не хочу ни в какую кроватку. Пусти!

Охотник тащил Герду вверх по лестнице. Она упиралась, визжала, изо всех сил колотила в отгораживающую его от людей невидимую стену, отчаянно желая пробиться внутрь. Укусила за придерживающую ее за плечи руку. Почувствовала солоноватый привкус крови на губах. К горлу подступила дурнота, а голова пошла кругом. Это немного отрезвило. Герда подняла взгляд и уставилась в непроницаемо-синие глаза с ютящимися в уголках изможденными морщинками. Ни злости, ни укора, ни даже боли — ни единой эмоции.

Она не выдержала и закричала:

— Почему ты все время молчишь? Я хочу, чтобы ты разговаривал!

— Я разговариваю, — хмуро возразил Николай.

— Ты не так разговариваешь. Я хочу, чтобы ты, как все, сердцем разговаривал!

И снова принялась лупить невидимыми кулаками в невидимую стену. Николай глухо застонал, ногой распахнув дверь в комнату.

— Все, отсыпайся. Завтра полегчает, — скомандовал он, укладывая Герду в кровать. Но Она решительно вцепилась в него, желая оправдать свою репутацию "клещика". И попищать. Обязательно попищать!

— Ты просто трус!

— Что? — отрывая по одному пальцы от своей рубашки, переспросил Николай.

— Ты трус. Ты бежишь от проблем и обязательств. Сбежал от меня в Дрисвятах и так и не вернулся, хотя обещал. И сейчас бежишь. Каждый раз сбегаешь от ответов на неудобные

вопросы. Прячешься под разными масками. А меня это мучает, делает больно вот здесь, — она постучала рукой по груди.

— Герда! — попытался унять ее Николая, с трудом отдирая пальцы от рубашки по одному. И трусливо ретировался к двери. Герда швырнула в него подушкой прежде, чем он успел захлопнуть за собой дверь, и обиженно выкрикнула:

— Бесчувственная скотина!

Но он ничего не услышал. Или услышал, но не понял. Или понял, но попросить прощения не захотел. По щекам потекли слезы. Плечи затряслись от безудержных рыданий. Как же Герда ненавидела крепкие напитки! Минут через пятнадцать она выдохлась и распласталась на кровати, невидящими глазами глядя в потолок. В дверь постучали.

— Войдите, — безразлично сказала Герда и отвернулась к окну.

На пороге показался Эглаборг.

— Выпейте, это должно помочь, — целитель протянул ей чашку с теплым травяным отваром, от которого резко пахло мятой и пихтовым маслом. После крепкой настойки сильно хотелось пить. Герда опорожнила чашку одним глотком. Голова тут же прояснилась, в ушах перестало шуметь, и мир уже не ходил ходуном перед глазами.

— Спасибо, — слабо улыбнулась она Эглаборгу.

— Не за что, — услужливо ответил он. — Вот бы еще мастеру Николая можно было помочь также легко.

— А что с ним? — заволновалась Герда.

— Что с кем? — смутился целитель.

— С мастером Николая. Вы же только что про него говорили.

— Нет, вам послышалось. Может, еще отвара принести?

— Принесите, — быстро согласилась она, но все же подозрительно спросила: — Так с мастером Николая точно все в порядке?

— Да заперся он в кабинете. Хандрит. На него порой находит. Не переживайте, — преувеличенно небрежно отмахнулся Эглаборг.

Герда подозрительно уставилась на него:

— Но вы же переживаете.

Целитель пожал плечами и ушел за отваром. Герда закрыла глаза и попыталась уснуть, но сон не шел. После того, как Эглаборг принес еще одну порцию отвара, Герда подняла подушку повыше, взяла с тумбочки дневник Лайсве и принялась читать, надеясь, что так сможет немного успокоиться и заснуть.

«Почему меня не могут оставить в покое? После той взбучки, которую Вейас получил от Найта, я надеялась, что они отстанут раз и навсегда. Честно говоря, что у них там случилось, я не видела. Одолела слабость. Но судя по тому, что когда я проснулась, Найт лежал рядом со мной целый и невредимый с жизнерадостной улыбкой на лице, обошлось без жертв.

Пару дней было спокойно. Я отдохнула. Слабость почти прошла — даже на улице смогла выходить, хотя Найт очень просил этого не делать. Бедный, ему приходится ждать, пока я полностью не выздоровею. Путь до его родового замка неблизкий, поэтому я должна набраться сил. Но я просто не могу сидеть так долго взаперти и ничего не видеть, кроме четырех стен. А солнце и свежий воздух помогут мне гораздо больше, чем бесконечное лежание в постели, которое мне уже одемонело.

Собственно, так я и попала, во время прогулки. Демоновы ищейки! Я надеялась, что

они уедут обратно, отчаявшись меня найти. Наверное, так бы они и поступили, если бы не телепат. Откуда он только такой сильный взялся на мою голову? Поди, даже Вейас слабее будет. Брат из-за амулета совсем не мог меня читать, а этот как открытую книгу видит. До сих пор мурашки по коже, стоит вспомнить, как он мои мысли выворачивать начал. Женишок мой, по видимости, именно на него и рассчитывал во время поисков. Как телепат на меня указал, так сразу вперед вышел и говорит:

— Ты мне обещаю. Твой отец нас уже поженил. Осталось только супружеский долг исполнить, чтобы союз скрепить.

И посмеивается еще так скабречно. Меня чуть наизнанку не вывернуло.

— А теперь еще и брат твой обещал благословение дать, если от Ходока избавлю.

Так и не поняла, кого он имел в виду. Да еще телепат меня своими странными взглядами отвлекал. То ли жалость в них мелькала, то ли презрение. Сама не понимаю, почему меня это так заинтересовало. Ведь бежать надо было. Ноги уносить, пока можно, а я будто к земле приросла. Сдвинуться не могла. А женишок так мерзко ухмыльнулся и целоваться полез. Тут оцепенение и прошло. Укусила тварь и что силы было бежать бросилась. До сих пор кровь на губах чувствую. Ненавижу!»

Герда вздохнула. К сожалению, догадка оказалась верной. Милый Найт оказался тем самым ужасным демоном, который к ним с Николя ночью в окно заглядывал. Бедная Лайсве! Как можно любить чудовище? Николя говорил, что Ходок умеет колдовать, но все равно, как можно не заметить, что рядом с тобой не человек? Наверное, Лайсве действительно была в отчаянии из-за мерзкого жениха, раз на чары так легко поддалась.

Герда обхватила себя руками: «Я ведь тоже в отчаянии. Вдруг Ходок действительно за мной охотиться начнет? Хотя нет, он только к красивым приходит. Мастер Николя прав, я не должна так близко принимать то, о чем читаю в книгах. И все же не могу удержаться. Так хочется узнать, чем закончилась эта история».

Успокоившись, Герда вернулась к дневнику:

«Вечером пришел Найт. Долго утешал. Спросила, кто такой Ходок. Зря. Это его сильно расстроило. Стал объяснять, что так их клан уничижительно называют. У них раньше со Стражами союз был, только наши воины условия нарушали постоянно и плату за свою службу так погибали, что клан с ними разругался. И с тех пор стал вне закона. Странно это. Насколько я знаю, Стражи никогда людей не обижают. Откупаться только демоны могут.

Я, наверное, брежу. На мгновение показалось, что у Найта глаза стали красные, а кожа желтоватой, как у покойника. А потом к нам вломились ищейки. Верно, брат им дорогу показал. Предатель!

Найт ушел с ними на улицу, а мне велел отдыхать. Сказал, что у меня болезненный вид. Должно быть, все дело в недомогании. Я улеглась в постель, но стоило сомкнуть глаза, как передо мной оказался демонов телепат. Как он это делает? Вейас даже и помыслить не мог, чтобы вот так проецировать свой образ в мою голову.

— Послушай, я знаю, что тебе не нравлюсь. И это вполне взаимно. Я о ратных подвигах мечтал, когда в орден шел, а не о том, чтобы за сумасбродной девчонкой гоняться. Но это уже неважно. Важно то, что ты попала во власть демона. Жуткого демона. Он сводит тебя с ума, медленно истощает, убивая твой разум. Если не вырвешься, останешься его послушной рабой навсегда. Твой женишок думает, что нам удастся тебя спасти, но на самом деле это сделать сможешь лишь ты сама, если решишь бороться.

— Я не хочу замуж за этого болвана.

— Думаешь, лучше быть замужем за Ходоком?

— Он не демон. Даже если и демон, я его люблю. А он меня, я верю. Я вижу это в его глазах — его чувство подлинное. Может, мы чего-то о них не знаем. Может, они вовсе не хотят причинять нам вред. Ведь есть демоны, с которыми у нас мир. Думаю, Найт из таких. Он никогда меня не обидит и не заставит делать что-то против воли. В отличие от вас, Стражей.

— Эх, какие же вы, бабы, все-таки дуры. Любовью вас помани, так вы и в пекло идти согласны. А нет ее, любви, тем более у демона полумертвого, — досадливо сплюнул он и исчез из моей головы.

Вскоре вернулся Найт, слегка потрепанный и бледный.

— Они ушли и больше нас не тревожат, — с порога начал успокаивать. Только на душе все равно скребли кошки. Как же они это делают, телепаты? Зарождают сомнения на пустом месте, причем такие, от которых отделаться никак нельзя. Решила не мучаться и спросить в лоб:

— Ты не человек?

Найт молча смотрел на меня.

— Ты демон?

Он медленно кивнул и отвернулся.

— Боишься меня? — спросил он тихо-тихо.

— А стоит бояться?

Он подошел вплотную и поцеловал так, как не целовал никогда до этого.

— Твоя тоска, твое одиночество пробудило меня к жизни. Твоя любовь дала мне силу. Да, я питаюсь кровью животных и избегаю солнечного света, но чувствую также, а может и острее, чем люди. Сейчас ты можешь уйти, но можешь и остаться. Тогда я покажу тебе владения ночи, открою сокровенные тайны реки времени, проведу подземными тропами в вечный город, где мы сможем быть счастливы вместе. Отдыхай. Я вернусь завтра после заката и приму любое твое решение.

И ушел. Я не выдержала и расплакалась. Никогда не плакала, даже в детстве, когда падала и разбивала коленки. А сейчас успокоиться не могу. Все, чему меня учили, говорит, что я должна бежать отсюда и бежать сейчас, когда светло, но что-то держит. Бездна. Я точно знаю, что будет там — замужество без любви и жизнь в золоченой клетке, а Найт предлагает мне что-то новое. Если я рискну, возможно, обрету счастье или погибну, но все равно так будет лучше, чем в неволе».

Герда передернула плечами. Неужели у Лайсве все было настолько плохо, что начали посещать мысли о смерти? Или Ходок так подействовал? Неужели она не видит, насколько лживы его слова? Но в дневнике еще столько записей! Значит, она выжила, не став упырицей. Герда приложила руку к груди. Почему история полувековой давности никак не отпускает? Что так навязчиво крутится в мыслях, но никак не всплывает на поверхность? Герда сделала несколько глубоких вдохов. Чего сейчас гадать? Надо читать дальше. Все равно уже не уснет, пока не доберется до конца.

К вящему удивлению, следующая запись имела совершенно другую тональность:

«Кажется, наступило демоническое похмелье. Чувствую себя последней душой. Как я могла так обмануться? А еще на Вейаса обижалась, что принцесса его опоила и чуть было на себе не женила. Сама-то ничуть не лучше. Даже хуже. Это ужасно!

После ухода Найта, я так и не поднялась с кровати. Даже поесть не удосужилась. Все думала о нем, считала часы до нашей встречи. Он явился точно с заходом солнца, обаятельно улыбнулся и спросил про мое решение. Естественно, я согласилась. Даже мысли не возникло отказаться, а следовало бы.

Найт взял меня на руки и понес к заброшенному кладбищу. Там остановился у одного из склепов, отпер и пригласил внутрь, объясняя, что проход в его мир скрыт внутри. Там действительно что-то было. Я ощущала это даже несмотря на свою нечувствительность к ауре. Весь пол испещряли желобки с глубокими лунками в центре гексаграммы. На стенах вырезаны заклинания на турецком, а может даже доманушском языке. Найт надрезал свое запястье и, приложив его к выступу на стене, попросил меня сделать то же самое. Но стоило поднести к запястью кинжал, как в голове зазвучал встревоженный голос Вейаса. Он молил остановиться и бежать. Просил прощения, угрожал, кричал, но я не слушала. Видела только Найта и слышала тоже только его. Стоило крови попасть на стену, как на месте гексаграммы образовался колодец. Найт снова поднял меня на руки и прыгнул вниз. Когда над головой сомкнулась крошечная тьма, последние силы покинули меня».

Герда укуталась в одеяло, почувствовав, как по коже пробегает озноб. Она словно наяву ощущала царивший в склепе могильный холод и ужас Лайсве от падения в бездонную бездну. В комнате сгустился сумрак, а огонек от свечи подрагивал, словно от страха. Герда перевернула страницу и продолжила читать на следующей:

«Очнувшись среди огромного зала, освещенного множеством свечей, шикарно обставленного обитой бархатом мебелью. Стол ломился от изысканных яств. В камине весело полыхал огонь. Приветливо отогнут балдахин на большой двуспальной кровати. Дома я никогда не ценила богатую обстановку нашего родового замка, удобства, которые он предлагал. А проведя столько времени вдали от них, оказалось, соскучилась. Подошла к столу, отщипнула темную ягоду от лежавшей на серебряном подносе грозди винограда и положила в рот, испытывая невероятное наслаждение. Не понимала тогда, насколько неестественно обострились мои чувства, насколько близко я подошла к краю.

Найт смотрел на меня с таким вожделением, и я верила, что это из-за чувств, которые он ко мне испытывает. Его вкрадчивый голос, мягкие поцелуи, нежные прикосновения околдовывали меня, превращая в послушную куклу. А меж тем его руки становились все холоднее, а поцелуи жестче. Я почувствовала, как по коже легкой щекоткой проишли клыки, резко впилась в шею, посылая по всему телу шоковую волну. Было невыносимо больно. В кровь вливали яд, а я не могла даже пошевелиться, с ужасом ощущая, как последние силы оставляют меня. Голова наливалась тяжестью, становится чужой. Разум затуманивается, и уже не хочется ничего. Только уснуть вечным сном и видеть сладострастные сны о любви, которой не было и никогда быть не могло.

Вдруг я почувствовала удар. Невероятно сильный. Сознание вернулось в тело, словно с высокого утеса прыгнув в холодную воду. Голову пронзила резкая вспышка боли, придав ощущениям былую остроту. Только тогда я поняла, что не стою, а лежу, впечатавшись в мягкую перину на кровати. Я подняла голову и увидела, что Найт с кем-то борется. С кем-то невероятно сильным.

— Теперь ты видишь? — услышала я голос телепата. — Видишь, кем была для него все это время?

Я хотела ответить, но не могла произнести ни слова.

— Посмотри по сторонам. Видишь, во что он превращает своих возлюбленных? —

продолжал говорить телепат у меня в голове.

Я обернулась. Свет в зале стал ярче. По углам притаились странные бледнокожие создания: лысые, морщинистые, сгорбленные, с выпавшими зубами и бесцветными слепыми глазами, будто из них выпили всю жизнь, а оболочку оставили, чтобы вдоволь посмеяться над жалким существованием. Они колотились то ли от немоги, то ли от страха. Присмотревшись, я заметила шрамы от клыков на шеях. Их было много: застарелых, синих, распухших, как будто к ним прикладывались не один раз.

— А теперь взгляни на того, из-за кого ты хотела обречь себя на вечные муки, — снова заговорил телепат.

Противник Найта ударил его под дых, схватил за плечи и развернул ко мне лицом. Я забыла, как дышать. Он был не просто уродлив, он был... огромной летучей мышью со страшными свисающими аж до подбородка желтыми клыками, кончики которых алели от крови. От моей крови! Вокруг плащом клубился непроницаемый черный туман.

— Нравится? — на этот раз голос телепата прозвучал наяву. Именно он стальной хваткой держал сейчас Найта. Я испуганно выдохнула.

— Все еще хочешь быть его пищей? Понимаю, его чары куда ярче реальных чувств, но разве морок стоит таких страданий? Ответь мне!

— Нет, — тихо простонала я.

— Громче!

— Нет! Забери меня отсюда, умоляю. Я вернусь домой и выйду замуж за твоего хозяина, только забери меня отсюда.

Летучая мышь попыталась что-то сказать, но телепат ухватил ее за горло. Найт сдавленно захрипел.

— Слишком поздно, — хмуро ответил светловолосый и легко, словно былинку, переломил Найту шею.

Мне сделалось дурно. Мир снова погрузился во тьму».

Герда потрясенно выдохнула, вспоминая свою встречу с Ходоком. Какая удача, что Николая был тогда рядом, иначе бы она тоже наверняка попала под чары и... При одной мысли тело начинало колотить крупной дрожью. Неужели еще один такой Ходок сейчас бродит по Упсале и высасывает жизнь из ничего не подозревающей девушки, мечтавшей о любви и поверившей в искренность его чувств? Николай просто обязан разыскать ее и спасти.

«Я сделаю все, чтобы ему помочь. Знать бы еще, как».

Герда перелистнула страницу, надеясь найти ответ в дневнике, но не успела прочитать и строчки, как ночную тишину словно клинком разрезал леденящий нутро крик.

Герда мигом подскочила и выбежала из комнаты, а крик все не стихал. Похмелье как рукой сняло. Герда подбежала к комнате Майли — кричали именно там. Возле двери уже стоял смертельно бледный Финист.

— Приступ? — испуганно спросила Герда, слыша, что крик становится громче.

— Не знаю, — коротко бросил оборотень, пытаясь плечом высадить дверь, но та не поддавалась. Через мгновение к ним подоспел Николай. Следом показались Эглаборг и Вожык.

— Что происходит? — первым делом спросил Охотник.

— Не знаю. Мы закончили занятие. Все было нормально. Она сказала, что очень устала и ляжет спать пораньше. Поднялась к себе, а через несколько минут... — принялся оправдываться Финист, но Николай его прервал:

— А почему дверь до сих пор не открыли?

— Она заперта, — пожал плечами оборотень.

— Так на ней же нет засова!

Все пораженно уставились на дверь.

— Посторонитесь, — скомандовал Охотник.

— Я уже пробовал ее выбить — бесполезно, — предупредил Финист, но Николая ничего не ответив, приложил руку к деревянным доскам. Дверь мгновенно разлетелась на мелкие щепки.

Оборотень недобро сощурился и процедил сквозь зубы: «Показушник». Николая сделал вид, что ничего не услышал, и первым вошел в комнату. Остальные последовали за ним. Крик прекратился, как только они переступили порог. Герда обвела взглядом всю комнату, но Майли так и не увидела. Вожык дернул за рукав и указал наверх. Сердце стремительно ухнуло в пятки.

Майли висела под самым потолком. Волосы сваялись в сплошной колтун и паклями свисали в разные стороны. Рубашка промокла от пота и порвалась в некоторых местах. Глаза закатились и посверкивали белками. Бескровный рот открылся в беззвучном крике. С обнаженной шеи на белую простынь падали темные капли крови.

— Одержимая, — едва слышно выдохнул Финист.

Майли, словно услышав его, снова начала кричать, да так громко, что у всех заложило уши.

Николя закрыл глаза и отрешенно сцепил руки на груди. Майли завершала еще истощенней. Ее тело выворачивалось под невыносимыми углами, в то время как сила Охотника тянула ее вниз. Раздался скрежет — на досках остались борозды от ногтей.

Николя открыл глаза и тихо произнес:

— Ну, давай же.

Майли упала на кровать и начала барахтаться в одеяле. Николая осторожно опустился рядом и положил руку ей на грудь. Тело несчастной расслабилось и перестало судорожно дергаться. Глаза закрылись. Лишь тяжелое дыхание напоминало о недавнем приступе.

— Понятно, почему гончие приводили меня к собственному дому, ведь все это время демон был здесь, прямо у меня под носом, — с досадой пробормотал Охотник, не отпуская Майли.

— Это Ходок? — тихо спросила Герда. Николая коротко кивнул.

— Не замечал за ней никаких странностей в последнее время? — обратился он к Финисту.

— Только если считать странным то, что она перестала вести себя как дура набитая. Слушала мои советы, не возражала. Даже призраков пару раз отпугнуть получилось, — в недоумении развел руками оборотень.

— Я замечала, — перебила Герда, с ужасом осознавая, что не давало ей покоя в последние дни. — Она подолгу запиралась в своей комнате одна. И стала такой безучастной ко всему, неживой. А сегодня говорила, что кто-то обещал увезти ее отсюда. Я подумала, что это Финист, но, похоже, ошиблась.

— Почему ты не сказала об этом раньше? — упрекнул Охотник.

— Я сказала Финисту. Он ее учитель и... — Герда осеклась, заметив, как враждебно посмотрели друг на друга мужчины.

— В следующий раз, если заметишь что-то странное, что угодно, рассказывай мне, —

хмуρο ответил Николая и, с укоризной глядя на Финиста, добавил: — А то, похоже, кто-то даже волков от овец отличить не в состоянии.

Оборотень понурился и отвернулся. Видно было, что переживает и винит себя. Герда хотела сказать ему что-то успокаивающе. Все, все они ошиблись, недосмотрели.

Ходоки нападают только на одиноких и несчастных, на тех, кто жаждет любви, но не находит ее. Майли, страдавшая от пренебрежительного отношения Финиста, от того, что оказалась оторвана от всего, что было ей дорого и во что верила, стала идеальной жертвой. Этого следовало ожидать. Если бы Герда не была настолько поглощена своими проблемами с Николая, то, наверняка, смогла бы сопоставить записи Лайсве с поведением Майли и ничего бы не произошло!

Только толку сейчас сожалеть и искать виноватых? Надо спасти Майли, а потом уже думать, что сделать, чтобы такого не повторилось больше никогда.

Николя, видно, думал также. Поэтому не стал дальше отчитывать Финиста и занялся одержимой. Снял с пояса нож и царапнул лезвием кожу на ее виске. Майли не очнулась, но на подушку засочилась кровь.

— Помоги, — позвал Герду.

Она удивленно моргнула.

— Как?

— Мне нужна твоя сила. Сейчас Ходок спрятался в ее голове, медленно убивая. Чтобы спасти Майли, мы должны последовать за ними в ее разум, — терпеливо объяснял Николая, но Финист его перебил.

— Ты сошел с ума? Это очень опасно. У нее не хватит сил. Ходок может и ее околдовать. Тогда мы потеряем обеих.

— Не околдует. Я в этом удостоверюсь лично, — заверил Охотник.

— Все в порядке. Я готова рискнуть. Но я не знаю, как это сделать, — неуверенно сказала Герда, глядя, как лицо Майли бледнеет с каждой минутой, словно жизнь покидает ее.

— Не думай об этом. Думай о том, что хочешь ее спасти. Поверь мне и воспользуйся моей силой. Давай! Это ее единственный шанс.

Николя взял Герду за руку. Она суматошно пыталась вспомнить, как взаимодействовала с ним на занятии. Но она была слишком пьяна и ничего не поняла. Как же? Просто поверить! Перед мысленным взором предстала уже знакомая каменная стена. Скрепя заржавевшими от безделья шестернями опустился едва заметный мостик, образовав узенький проход. Наружу хлынул голубоватый льдистый свет. Темным силуэтом на нем вырисовался невысокий щуплый мальчишка. Повернулся к Герде и приветливо улыбнулся невероятно обаятельными синими глазами. Николас! Такой, каким он запомнился ей в детстве. Герда счастливо засмеялась и подбежала к нему, забыв обо всем.

Свет вдруг померк. Держась за руки, они понеслись вверх по сужающимся скатам вихревой воронки, совсем как при прошлой встрече с ходоком. Только сейчас Герда сама была ее источником и центром.

Все закончилось также неожиданно, как началось. Вихрь исчез. Они оказались на залитой солнцем зеленой лужайке рядом с лесом, словно был не конец зимы, а середина лета. Герда узнала это место. Неподалеку раскачивались на ветру сработанные между двух сосен качели. Чуть дальше стояла выкрашенная в белый цвет плетеная беседка. В ней, по обыкновению благородных господ, уединились двое влюбленных. Они крепко прижимались

друг к другу. Темноволосая девушка одета в легкое белое платье, а парень со светло-каштановыми волосами в элегантный черный костюм. Он целовал ее шею. По крайней мере, так казалось на первый взгляд.

— Четырнадцать лет?! — гневно зашипел над самым ухом Николая.

Герда обернулась. Ее милый любимый мальчик больше не улыбался. Глаза цвета бури полыхали от ярости.

— Ты что до сих пор представляешь меня четырнадцатилетним?! — злился он. Герда закрыла лицо руками, не понимая, как так вышло. Она не хотела ничего подобного.

— Простите, я...

— Как теперь прикажешь с ним бороться?

— Раньше же у вас получалось. С Ловцом и...

— Так это было десять лет назад. Я отвык от этого тела и не помню, как оно двигается и какая у него сила. К тому же, здесь я, небось, и дар использовать не могу, — он махнул рукой и ничего не произошло.

Герда сдавленно сглотнула, осознавая свою вину. Она должна была опустить дурацкую мечту уже давно, как только увидела его настоящего.

Из беседки донесся шум. Герда пригляделась к обнимающейся паре и поняла, что мужчина вовсе не целует свою возлюбленную, а пьет из шеи кровь, а несчастная девушка медленно оседает на пол.

— Ладно, не важно. Как-нибудь выкручусь. Оставайся здесь.

Николя обнажил меч. Ходок отвернулся от распластанной на полу девушки и посмотрел в их сторону. Герда поражено вздрогнула. Он странно напоминал Финиста, только все его черты были сглажены так, что он казался невероятно, ошеломляюще красивым. Лишь глаза его были бездонными черными омутами, как у Петраса.

— Охотник, — оскалился Ходок. — Не могу понять, ты настолько смел, что готов сразиться со мной в моем собственном мире под личиной сопливого мальчишки, или настолько глуп, что не можешь верно оценить мои силы.

Герда застонала от досады. Николай поморщился и выхватил меч, не отвечая на провокацию. Не сводя глаз с противника, стремительным хищником двинулся к нему.

— Спасибо, что привел ко мне еще одну жену, — Ходок громко втянул в себя воздух. — О, так она непорочная! И вся томится от неразделенной любви. Обожаю таких. Человеческие мужчины слишком глупы, чтобы оценить их чувства по достоинству, но мы, Ходоки, всегда готовы подарить им счастье. Ведь для этого требуется самая малость: несколько прикосновений и ласковых слов.

Николя напал молча, не обращая внимания на Ходока, который пытался его раздражить. Демон с легкостью парировал атаки. Было заметно, что он намного сильнее, а Охотник никак не может примериться к телу подростка.

— Если увидишь, что я проигрываю, подумай о доме и возвращайся, — крикнул он Герде, на мгновение оторвавшись от схватки, и чуть было не пропустил удар. Неловко вывернулся, выставил клинок для защиты, скользнул вдоль лезвия, высекая окалину и отскочил, чтобы перегруппироваться.

Как же так? Николай ведь справился с Ловцом. С самым жутким демоном во всем Мидгарде. А мерзкой летучей мышью проигрывает. Но может, дело вовсе не в силе? Кажется, Ходок сказал, что это его мир, но это неправда. Эта лужайка, качели, беседка... Будескайск! Это мир Майли. Она наделила Ходока силой, как Герда сделала Николая

четырнадцатилетним. Именно Майли должна все это остановить.

Герда со всех ног кинулась к беседке. Охотник явно заметил ее маневр краем и начал двигаться быстрее, отвлекая Ходока обманными маневрами.

— Майли! — Герда затормозила неподвижно лежавшую на полу девушку.

— Оставьте нас, — устало прохрипела она. — Дайте мне быть счастливой.

Ее слова напомнили о дневнике Лайсве. Морок. Чары Ходока! Телепат каким-то образом развеял их. Надо вспомнить в точности, что он делал. Разговаривал внутри головы Лайсве. Эх, ну почему вместо абсолютно бесполезной и несамостоятельной способности к отражению ей не досталась телепатия? Все бы было так просто.

— Что бы ты ни делала, делай это быстро, — предупредил Николая.

Ходок повернулся к беседке, но Охотник преградил ему путь. Застал врасплох резким ударом снизу. И, не давая придти в себя, и атакуя с рваным, совершенно непредсказуемым ритмом потеснил Ходока назад.

— Он не тот, кем кажется. Он тебя не любит и не сделает счастливой, — вкрадчиво заговорила Герда, помогая Майли подняться. — Он ненастоящий. Все это не настоящее. Взгляни вокруг. Вспомни, этих мест уже нет.

— Не хочу вспоминать, — простонала девушка. — Мои воспоминания ужасны. Настоящий мир ужасен. Он не принимает меня. Даже человек, которому я отдала самое дорогое, что у меня было, не принимает меня. Я не хочу туда возвращаться. Уходите.

Она плакала. Герда притянула ее к себе и обняла, понимая и разделяя ее чувства.

— Я знаю, как тебе больно и одиноко. Все, во что ты верила, оказалось ложью, а твой любимый разочаровал тебя. Многие через это проходят, но это не повод, чтобы сдаваться и отдавать себя во власть демону. Взгляни, — Герда сосредоточилась, вызывая в воображении описанные в дневнике образы.

Майли вздрогнула. Прямо из воздуха возникло с десятков сторбленных морщинистых уродцев.

— Это те, кто отчаялся и поверил Ходоку. Ты ведь не хочешь быть такой? — Герда старалась говорить уверенно и не подавать вида, насколько ее удивил собственный успех. И какую чудовищную слабость она испытывала после этого трюка. Майли испуганно всхлипнула.

— Герда, не надо мне помогать! Уходи! — попытался остановить ее Охотник.

Ему все-таки удалось примериться к собственному росту, и преимущество перешло на его сторону. Высокий и грузный Ходок теперь явно уступал Николаю в ловкости и скорости. Охотник легко увертывался от казавшихся ленивыми замахов, а его собственные похожие на броски змеи выпады еще сильнее изматывали противника. Теперь Ходок не атаковал, уйдя в глухую защиту. Победа вот-вот должна была достаться Николаю, но нанесенные демону раны тут же затягивались, и он продолжал отбиваться, как ни в чем не бывало.

Герда решила действовать дальше, несмотря на запрет.

— Мастер Николая, поверните Ходока к нам, — попросила она.

Охотник ловкой кошкой ушел от удара и заставил Ходока повернуться лицом к девушкам.

— Взгляни на него. Это не Финист. Это не человек даже, — Герда снова обратилась к Майли, зажмурилась и изо всех сил представляла на месте Ходока огромную летучую мышь, которую описывала Лайсве. В животе больно засосало, навалилась почти непереносимая усталость. Смертельно хотелось спать.

Майли в ужасе закричала. Герда дернула головой, силой вырывая себя из забытья, и открыла глаза. Ходок обрел свой истинный облик и, хищно обнажив клыки, пялился на нее.

— Позволь мастеру Николаю победить, — тихо попросила Герда, чувствуя, как из носа по губе стекает алая струйка. Еще бы чуть-чуть продержаться!

Майли всхлипнула и кивнула, пряча голову на груди у Герды. Охотник замахнулся и словно тростинку, перерубил тело летучей мыши пополам.

— Хорошо, — прошептала Герда и упала без сил.

— Герда! Герда! — словно сквозь толщу воды послышался глухой голос Финиста.

Следуя за ним, она помчалась на поверхность. Веки распахнулись. Глаза резануло от яркого света поднесенной к лицу свечи. Нос свербел от засохшей крови. Голова раскалывалась еще сильнее, чем от похмелья накануне, а по суставам растекалась болезненная тяжесть.

— Все в порядке? — раздался рядом заботливый голос Эглаборга.

— Она дышит? — испуганно спросила Майли. — Она будет жить?

— Мастер Николаю, что с ней? — потребовал Вожык.

— Успокойтесь, она уже пришла в себя, — заставил всех замолчать повелительный тон Охотника.

Герда повернула к нему голову. Теперь Николаю выглядел совершенно обычно, на свой настоящий возраст. Только на бледном, бескровном лице горели почти колдовским огнем яркие синие глаза. Герда протянула к нему руку со смешанным чувством стыда и радости оттого, что, несмотря на нее промах, все закончилось удачно. Николаю перехватил ее кисть в воздухе, сжал и опустил на пол. По заледеневшим жилам заструилось колкое животворящее тепло. Потихоньку становилось легче.

— Ты довел ее до истощения! Еще чуть-чуть и она бы не очнулась! — взбесился вдруг Финист. — Неужели не было другого способа?

Николая ничего не отвечал, крепче сжимая ладонь Герды, переплетая свои пальцы с ее. Майли отвернулась к стенке и тихо плакала. Сбоку к Герде протиснулся Вожык и гладил ее пальцы. Она хорошо ощущала шершавые подсыхающее ожоги на ладони мальчика. Заметила, как Николаю бросил на них короткий цепкий взгляд. Его глаза прищурились, губы сжались в узенькую полоску.

— Ты не имеешь права так ее использовать! — продолжал возмущаться Финист. Герда набрала в легкие воздуха, чтобы попросить его замолчать, но Охотник ее опередил.

— В таком случае можешь учить ее сам, — громко объявил он.

Перед внутренним взором мостик к Николаю с грохотом поднялся и тут же слился глухой стеной. Она стала выше. Совсем непреступной, подпирающей собой небеса. Внутрь уже не попасть. Никогда.

Герда ошалело дернулась, но Охотник удержал ее на месте.

— Что? — недоверчиво перепросил Финист.

— Ты не справляешься со своими учениками и считаешь, что я не справляюсь с Гердой, — непроницаемый, обжигающе-холодный взгляд. — Значит, надо поменяться. Надеюсь, так у всех получится лучше.

Николя отстранился, юркой ящеркой ускользнул из отчаянно цеплявшихся за край рубахи пальцев. Встал и вышел из комнаты, не оборачиваясь, не глядя, забирая с собой столь необходимое сейчас тепло. Все-таки разочаровался. А Герда так старалась все исправить! Теперь он уже точно не взглянет на нее. Никогда!

Все остальные удивленно смотрели Охотнику вслед, гадая, всерьез он или шутит.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net